

12+

Литературно-художественный журнал

2
2020
(108)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Герой номера
Лариса Назарова

В фокусе
«Неслучайные странности»

В главной рубрике
Стрелы Амура

Редколлегия

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь и редактор:
С. А. Чалый

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Малкова

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Л. А. Калинина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:

Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:

654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:

653039, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44.

Для писем:

654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел.: 8-800-301-2620

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru

vk.com/journal_sp

knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,

Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.

Подписано в печать 22.07.2020

Журнал вышел в свет 28.07.2020

Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Times New Roman».

136 стр. Тираж 3000 экз.

Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 2/2020 (108)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Тёплый и солнечный, как летний день 3

Литературный календарь

Юбилеи 4

События 10

Конкурсы 11

Герой номера

Мир детей и мир взрослых:
точка пересечения – детские книги 13

В фокусе

Реальное, ироничное, антиутопическое,
фантастическое и философское
в творчестве Валерия Екимова 18

На книжных полках

Николай Янкин о жизни и любви
с разными оттенками настроения 20

Рецензии и критика

Романы современного писателя
Владимира Уланова о прошлом
ради будущего 21

Поиск точки пересечения
между классикой и современным
искусством 24

Ризома как структура романа
«Улисс» Джеймса Джойса 26

Гоголевский вестник

Канал Гоголевки на YouTube:
история создания и краеведческий
видеоконтент 31

**Психология творчества
с Ларисой Агафоновой**

Тайм-менеджмент,
или Будильник для писателя 33

Тема номера

Константин Аверин
Уточка Лиза 35

Инна Андрианова
Стихотворения 37
Влюбиться и улететь 38

Сергей Москвитин
Сюрприз 40

Константин Челлини
В поисках вдохновения 44

Рената Юрьева
Стихотворения 48

Поэзия

Татьяна Бобылёва 50

Альфред Бодров 51

Людмила Денисова 52

Валерий Лепов 54

Виктория Никитина 55

Сергей Москвитин 56

Анна Шмалинская 59

Проза и публицистика

Лариса Агафонова
Невозвращенец 62

Когда не нужны слова 63

Александр Александров-Каськинский
Ничья 66

Татьяна Алексеева-Никулина
Про вóронов 72

Медведь и два деда 74

Ольга Губина
Петькины уроки. Море 77

Александр Коломийцев
Гость 82

Ночное происшествие 86

Александр Норенков
«Зверь» 87

Автомат 88

Александр Онищенко
Авиетка 90

Константин Реннер
Бельчонок Кеша и тайна лесного

дуба. Продолжение 97

Ольга Севостьянова
В гамаке под яблоней 102

Владислав Слободянюк
Уроборос 105

Игорь Щепёткин
Медвежий мыс 109

Литературная студия

«Родники Сибири»

Вести из литературной студии
«Родники Сибири» 113

Конкурсные работы «О журнале-
юбиляре» (пятидесятисловники) 117

Произведения авторов-«родниковцев» 118

Валентина Устьягина 118

Зинаида Естифеева 125

Наталья Гордок 126

Цветные зонтики

Марьям Аверина
Когда открыто сердце 130

Татьяна Лило
Стихотворения 132

Лариса Назарова
Календарь 133

Марина Нежина
Стихотворения 134

Тёплый и солнечный, как летний день

Весна и лето 2020 года стали особенными. Они надолго останутся в памяти поколений и войдут в историю. Но какие бы события ни разворачивались в городах и сёлах, главное, что вместе с тёплыми солнечными лучиками в сердцах зарождается надежда. Хочется любить и быть любимым, радоваться каждому мгновению и дышать полной грудью. Эмоции бьют через край. А усилить восприятие помогают достойные литературные произведения, которые вышли из-под пера современников. Новый номер «Союза писателей» подготовил для поклонников современной литературы немало сюрпризов, которые оставят след в душе и натолкнут на любопытные мысли.

Начинается журнал традиционно с **«Литературного календаря»**. Раздел поведает о юбилеях классиков и известных современников, а также о других знаменательных событиях весны и лета. К тому же редакция собрала информацию о творческих конкурсах, которые могут заинтересовать как начинающих, так и умудрённых опытом мастеров слова.

Героиней номера оказалась писательница **Лариса Назарова**, автор книг «Папа – мой малыш», «Дай пять!», «Настойчивая муха», «Ехало лето» и других увлекательных изданий для детей. О предназначении детского писателя и своих произведениях она рассказывает в интервью «Мир детей и мир взрослых: точка пересечения – детские книги». Рубрика **«В фокусе»** приглашает познакомиться с талантливым прозаиком Валерием Екимовым, который известен своими сборниками рассказов и повестей «Секреты нашего двора», «Неслучайные странности». Читатели смогут узнать, что собой представляет «реальное, ироничное, антиутопическое, фантастическое и фило-

софское» в его творчестве. **«На книжных полках»** оказался сборник стихотворений Николая Янкина «Любви страница не закрыта...»

«Рецензии и критика» в этот раз вышли за рамки оценки произведений современников. Один из материалов посвящён ирландскому писателю-модернисту прошлого века. Исследование, получившее название «Ризома как структура романа “Улисс” Джеймса Джойса», провёл Вадим Качановский. Иван Романов представил статью «Романы современного писателя Владимира Уланова о прошлом ради будущего», а Екатерина Кузнецова поделилась своим мнением о книге Александра Степанова «В душе возрасти цветочек аленький».

«Тайм-менеджмент, или Будильник для писателя» – это порция полезных советов от писателя и психолога Ларисы Агафоновой в её постоянной рубрике, призванной помочь людям, увлекающимся творчеством и, возможно, желающим превратить хобби в основное занятие, преодолеть барьеры на своём пути к успеху.

Тема номера очень романтична. Она получила название **«Стрелы Амура»**. Поговорить о чувствах с широкой аудиторией решились Константин Аверин, Инна Андрианова, Сергей Москвитин, Константин Челлини и Рената Юрьева.

Кроме того, библиофилы найдут самые разноплановые произведения на страницах рубрик **«Поэзия»**, **«Проза и публицистика»** и **«Цветные зонтики»**, а также раздела самобытной литературной студии **«Родники Сибири»**.

Познавательные статьи и захватывающие, красивые, трогательные стихотворения и рассказы – это всё ждёт вас впереди. Стоит лишь перевернуть страницу!

Литературный календарь

Юбилей

1 апреля – 120 лет назад в Брюсселе родился бельгийский поэт, прозаик, критик **Альбер Эгпарс** (1900–1996). Автор поэтических сборников «Девять светлых подношений», «Последние огни на земле», «Чёрное кагорское вино», романов «Мы идём за своей тенью», «Час правды».

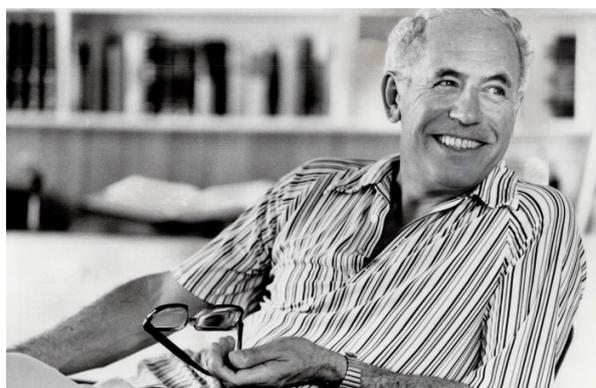
2 апреля – 215 лет назад в Оденсе родился датский писатель **Ганс Христиан Андерсен** (1805–1875). Из-под пера всемирно известного сказочника вышло множество книг для детей, среди которых «Русалочка», «Гадкий утёнок», «Оловянный солдатик».

180 лет назад родился французский писатель и публицист **Эмиль Золя** (1840–1902), наиболее известный как автор масштабного 20-томного цикла «Ругон-Маккары». Один из самых значительных представителей реализма второй половины XIX века.

3 апреля – 100 лет назад в Москве родился писатель **Юрий Маркович Нагибин** (1920–1994), автор произведений «Человек с фронта», «Зимний дуб», «Ночной гость», «Мальчишки», «Бой за высоту».

5 апреля – 100 лет назад в Лутоне родился один из самых известных писателей двадцатого века **Артур Хейли** (1920–2004). Его отец был фабричным работником.

Мать, будучи женщиной очень амбициозной, не желала, чтобы сын пошёл по стопам родителя. Она мечтала о высоком положении для своего ребёнка. Потому Артур, в раннем возрасте проявивший творческое начало, пошёл в школу, где учился весьма прилежно. Увы, закончить начальное образование не получилось, так как в семье не хватало денег. В четырнадцать лет юноше пришлось вступить во взрослую жизнь. Он посетил курсы машинописи и стенографии и устроился работать клерком в одной из лондонских контор. Когда началась Вторая мировая война, молодой человек отправился на фронт. Он был причислен к военно-воздушным силам и прослужил вплоть до 1947 года, после чего не только ушёл из армии, но и уехал из Англии. Его новым домом стала Канада. В Торонто Артур работал в торговле, в рекламе, в риэлтерской сфере. Параллельно он писал, хотя признания в то время к нему ещё не пришло.

Успех как литератору и сценаристу мистеру Хейли принесла книга «Посадочная полоса 08», вернее, написанный на её основе сценарий «Опасный полёт». Он был куплен процветающей кинокорпорацией СВС. В 1956 году на экраны вышел одноимённый фильм, ставший триумфальным. С тех пор

произведения автора стали читать. А в 1965 году, когда роман под названием «Отель» взорвал общественность, его создатель переехал в США и обосновался в Калифорнии. Впрочем, на новом месте он провёл всего четыре года. Налоги, которые Артуру приходилось платить в Канаде и Штатах, отнимали чуть ли не девяносто процентов всех его доходов, и он принял решение перебраться на Багамы, где и построил свою виллу на острове Нью-Провиденс. За свою жизнь Хейли был дважды женат и имел шестерых детей. На каждое произведение у писателя уходило около полутора лет. Сперва он собирал материал и делал заметки на черновиках, затем приступал непосредственно к работе. Такой подход помог автору добиться удивительной достоверности в своих произведениях.

7 апреля – 250 лет назад родился английский поэт-романтик **Уильям Вордсворт** (1770–1850). Самый известный сборник стихотворений автора называется «Лирические баллады».

105 лет назад в Лос-Анджелесе родился американский писатель-фантаст **Генри Каттнер** (1915–1958), автор книг «Хогбены», «Маска Цирцеи», «Источник миров».

8 апреля – 225 лет назад в деревне Хворостянка Ставропольского уезда родился публицист, поэт, герой Отечественной войны 1812 года и декабрист **Владимир Федосеевич Раевский** (1795–1872). Является автором стихотворений «Идиллия», «К Лидии», «На смерть моего скворца», «Непорочность любви» и других.

10 апреля – 125 лет назад родился русский поэт и переводчик, военный корреспондент **Всеволод Александрович Рождественский** (1895–1977). В первых поэтических сборниках автора («Лето», «Золотое веретено»), прослеживается влияние акмеизма, в более поздние годы Рождественский стал поэтом-конформистом.

11 апреля – 100 лет назад в Лондоне родился английский писатель и сценарист **Питер О’Доннелл** (1920–2010), прославившийся серией книг о Модести Блейз, которая состоит из тринадцати произведе-

ний. Ряд историй были опубликованы под псевдонимом Мэйдлин Brent.

13 апреля – 80 лет назад в Ницце родился французский писатель **Жан-Мари Гюстав Леклезю** (1940), лауреат премии Ренодо 1963 года, лауреат Нобелевской премии в области литературы 2008 года. Среди его произведений – «Диего и Фрида», «Праздник заклятий», «Онича», «Золотоискатель», «Блуждающая звезда».

14 апреля – 275 лет назад в Москве родился русский писатель **Денис Иванович Фонвизин** (1745–1792), автор книг «Недоросль», «Бригадир», отец русской бытовой комедии.

16 апреля – 75 лет исполнилось израильскому прозаику, поэту, журналисту и художнику **Ефиму Гаммеру** (1945). Известные книги автора – «В прицеле – свастика», «Зона забвения», «Русский батальон», «Один – на все четыре родины».

24 апреля – 175 лет назад в Люцерне родился швейцарский писатель **Карл Шпиттелер** (1845–1924), лауреат Нобелевской премии в области литературы 1919 года. Среди знаковых работ – «Прометей и Эпиметей», «Собака и кошка», «Бабочки», «Нега», «Олимпийская весна».

115 лет назад в Гатри, штат Кентукки, родился американский поэт и прозаик **Роберт Пенн Уоррен** (1905–1989). Автор историй «Вся королевская рать», «Место, куда я вернусь», «Приди в зелёный дол», «Ежевичная зима», «Цирк на чердаке» и прочих.

26 апреля – 190 лет назад в деревне Обуховка Миргородского уезда родился русский писатель, драматург **Пётр Иванович Капнист** (1830–1898). При жизни публиковался мало. Два тома его сочинений в стихах после смерти отца выпустила дочь. Среди произведений можно выделить историческую трагедию в стихах «Сен-Марс».

27 апреля – 155 лет назад в деревне Овруч Волынской губернии родился этнограф, лингвист и писатель **Владимир Германович Богораз** (1865–1936). Его перу принадлежит около ста тридцати печатных трудов по этнографии, фольклору и лингви-

стике. Беллетристика автора включает «Чукотские рассказы», «Колымские рассказы», повесть «Жертва дракона».

28 апреля – 355 лет назад в Болонье родился итальянский драматург и поэт **Пьер Якопо Мартелло** (1665–1727). Является создателем трагедий «Квинт Фабий», «Ифигения в Тавриде», «Сизара», «Рахиль», комедий «Фемиа, изрекающий приговоры», «Изруганный Еврипид», «Чихание Геркулеса», а также множества других произведений.

29 апреля – 215 лет назад родился французский поэт **Огюст Барбье** (1805–1882), автор сборника «Ямбы и поэмы».

60 лет исполнилось канадскому писателю-фантасту **Роберту Сойеру** (1960), шестикратному обладателю премии «Аврора». Дебютным романом автора является книга «Золотое руно».

5 мая – 105 лет назад в Москве родился русский поэт **Евгений Аронович Долматовский** (1915–1994). Наибольшую известность Долматовский приобрёл как автор текстов советских песен.

8 мая – 125 лет назад родился американский писатель, критик **Эдмунд Уилсон** (1895–1972), автор книг «Замок Акселя», «Рана и лук», «Драма узнавания», «Пятидесятые годы».

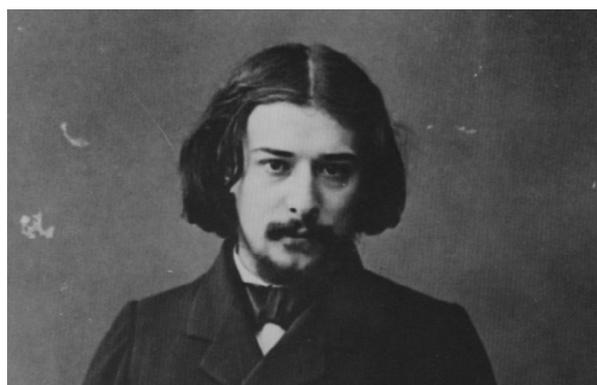
80 лет назад в Нью-Йорке родился американский писатель и сценарист **Питер Бенчли** (1940–2006). Именно он является создателем легендарной истории под названием «Челюсти». Бенчли был соавтором сценария к первой экранизации этого романа.

9 мая – 185 лет назад в Белополье родился русский литературный критик и публицист **Максим Алексеевич Антонович** (1835–1918). Дебютировал в «Современнике». Опубликовал ряд статей с воспоминаниями о Добролюбове, Чернышевском, Некрасове, Лаврове. Занимался переводами, писал научно-критические статьи и рецензии в журналах «Русская школа», «Русское богатство», «Русская мысль».

11 мая – 125 лет назад во Львове родился польский писатель, историк культуры

Ян Парандовский (1895–1978), автор произведений «Алхимия слова», «Король жизни», профессор Люблинского католического университета.

13 мая – 180 лет назад в прованском Ниме родился французский романист и драматург **Альфонс Доде** (1840–1897). Его отец владел небольшой фабрикой шёлковых тканей, которая разорилась, когда будущему писателю было восемь лет. Тогда семья переехала в Лион. Финансовое положение было очень напряжённым, и мальчик не смог получить высшее образование. Ему пришлось рано начать работать. Он стал помощником учителя в небольшом провинциальном колледже. Уже в семнадцать лет Альфонс понял, что преподавать не его призвание. Вместе с братом он отправился покорять Париж, мечтая о журналистской деятельности.

В 1859 году Доде стал репортёром и театральным критиком, сотрудничал сразу с несколькими печатными изданиями. Параллельно писал художественные произведения. В 1860 году судьба свела его с герцогом де Морни, занимавшим видное положение в обществе. Он был президентом Законодательного корпуса Второй империи, а Доде стал одним из его секретарей, не оставив при этом журналистскую и литературную деятельность. На этой должности Альфонс оставался пять лет, вплоть до смерти своего покровителя.

В 1865 году к Доде пришёл писательский успех. Он издал сборник прозы «Письма с моей мельницы». Его новеллы о природе и жизни Прованса регулярно попадали

в печать и находили своего читателя. Знаковым для этого периода творчества автора является автобиографический роман «Малыш». На страницах рассказывается о первых шагах Альфонса в Париже. Среди других его произведений можно выделить романы «Джек», «Бессмертный», «Короли в изгнании».

15 мая – 130 лет назад родился чувашский поэт **Константин Васильевич Иванов** (1890–1915). Самое известное произведение автора – поэма «Нарспи», через образ главной героини которой Иванов выразил протест против бесправия человеческой личности и рабской морали.

130 лет назад родилась американская писательница **Кэтрин Энн Портер** (1890–1980). Её перу принадлежит роман «Корабль дураков», повести «Тщета земная», «Полуденное вино», «Бледный конь, бледный всадник» и множество рассказов.

95 лет назад в Белгороде родился писатель, поэт и драматург **Владимир Иванович Фёдоров** (1925–1998). Среди его книг известны «Марс над Казачьим Бором», «Сумка, полная сердец», «Жизнелюбы».

16 мая – 65 лет исполнилось писателю-фантасту родом из Минска **Сергею Сергеевичу Слюсаренко** (1955–2015), написавшему произведения «Тактильные ощущения», «Ночь человека», «Шаг в небо», «Я, гражданин Украины», «Кубатура сферы».

110 лет назад родилась русская советская поэтесса, прозаик и драматург **Ольга Фёдоровна Берггольц** (1910–1975), автор известной строчки «Никто не забыт, ничто не забыто».

24 мая – 115 лет назад на хуторе Кружилинском родился советский писатель **Михаил Александрович Шолохов** (1905–1984), автор культовых романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», лауреат Нобелевской премии в области литературы 1965 года.

80 лет назад родился поэт, драматург, переводчик **Иосиф Александрович Бродский** (1940–1996), лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года «За всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью».

27 мая – 50 лет исполнилось российскому писателю **Антону Ивановичу Первушину** (1970). Автор романов «Охота на Герострата», «Война по понедельникам», «Миротворцы», «Собиратели осколков» (совместно с Николаем Большаковым), «Чужаки в Пеллюсидаре», «Звезда», сборника повестей «Гроза» в зените, тетралогии «Пираты XXI века» и других научно-фантастических и научно-популярных книг.

28 мая – 50 лет назад в Москве родился писатель-фантаст **Евгений Александрович Прошкин** (1970). Книги «Война мёртвых», «Механика вечности», «Загон», «Зима», «Твоя половина мира», «Контур боли» – лишь малая часть библиографии автора.

1 июня – 100 лет назад в Москве родился русский советский поэт, переводчик **Давид Самуилович Самойлов** (1920–1990). Стал популярен в пятидесятых. Несмотря на редкие публикации в эти годы, каждое

его стихотворение читалось и имело успех. Творчество Самойлова сумело привлечь интерес таких именитых поэтов, как А. Ахматова, К. Чуковский, С. Маршак. После дебютной книги «Ближние страны», изданной в 1958 году, свет увидели ещё десятки сборников автора.

55 лет исполнилось поэту, прозаику, эссеисту **Сергею Владимировичу Ташевскому** (1965), редактору интернет-журнала «Периферия».

2 июня – 180 лет назад родился английский писатель **Томас Харди** (1840–1928). Среди его сочинений – «Бедняк и леди», «В краю лесов», «Джуд Незаметный», «Шутки времени», «Изменившийся человек».

4 июня – 60 лет исполнилось русскому писателю, философу, публицисту **Дмитрию Евгеньевичу Галковскому** (1960). Одно из самых известных произведений автора, неоднозначно принятое критиками, носит название «Бесконечный тупик».

60 лет назад родилась американская писательница и редактор **Кристин Кэтрин Раш** (1960). Является автором книг «Вдохновение», «Галерея его грёз», «Мастер возвращения», «Дети века». Лауреат премии «Хьюго» за редакторскую деятельность.

6 июня – 145 лет назад родился немецкий писатель **Томас Манн** (1875–1955), автор произведений «Иосиф и его братья», «Чёрный лебедь», «Волшебная гора», «Будденброки», лауреат Нобелевской премии в области литературы 1929 года.

8 июня – 110 лет назад в Ньюарке родился американский писатель-фантаст, редактор **Джон Кэмпбелл** (1910–1971), инициатор золотого века американской фантастики. Среди известных произведений автора – «Предпочитаю пиратство», «Прохождение чёрной звезды», «Машина».

9 июня – 90 лет назад в Сент-Питерсбурге, штат Флорида, родился американский писатель-фантаст **Лин Картер** (1930–1988), автор саги о приключениях варвара-короля Тонгора.

10 июня – 105 лет назад в Квебеке родился американский писатель **Сол Беллоу**

(1915–2005), подаривший миру истории «Приключения Оги Марча», «Хендерсон, повелитель дождя», «Планета мистера Сэмлера», «Подарок Гумбольдта». Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1976 года.

11 июня – 95 лет назад в городе Ньюпорт-Ньюс, расположенном в американском штате Вирджиния, родился писатель, лауреат Пулитцеровской премии 1968 года **Уильям Стайрон** (1925–2006). Роман «Признания Ната Тёрнера» о проповеднике, под предводительством которого состоялось восстание рабов в 30-х годах прошлого века, принёс автору Пулитцеровскую премию, однако вызвал крайне неоднозначную реакцию у общественности. Стайрона обвиняли в расизме и искажении образа народного героя.

Ещё одним спорным произведением автора стал роман «Выбор Софи», который вышел в 1879 году. Речь в нём идёт о польке, пережившей Освенцим. Книга получила экранизацию с Мерил Стрип в главной роли, удостоившуюся премии «Оскар».

12 июня – 100 лет назад в Москве родился русский писатель, драматург **Лазарь Викторович Карелин** (1920–2005). Произведения писателя отличаются социально-критической направленностью, сюжетная заострённость и нравственная бескомпромиссность.

13 июня – 155 лет назад родился ирландский поэт и драматург **Уильям Йейтс** (1865–1939), лауреат Нобелевской премии в области литературы 1923 года. Среди знаковых сочинений автора – пьеса «Кэтлин, дочь

Холиэна», фантастическая поэма «Остров статуй», сборник стихов «Странствия Ойсина», книги «Кельтские сумерки», «Страна, желанная сердцу», «Ветер в камышах».

60 лет исполнилось российскому писателю-фантасту и переводчику **Леониду Викторовичу Кудрявцеву** (1960), автору произведений «Волчонок», «Дорога миров», «Охота на Квака», «Мир-цепь», «Центурион».

16 июня – 140 лет назад в Манчестере родилась американская писательница **Алиса Бейли** (1880–1949). Её перу принадлежат книги «Сознание атома», «Душа и её механизм», «От интеллекта к интуиции», «От Вифлеема до Голгофы».

18 июня – 70 лет назад родился поэт, переводчик и специалист по зарубежной литературе **Евгений Владимирович Витковский** (1950–2020). Автор поэтических сборников «Сад Эрмитаж», «Град безначальный» и прозы «Павел II», «Земля святого Витта», «Чертовар», «Протей, или Византийский кризис», «Александрит, или Держава номер шесть», а также ряда литературных переводов.

21 июня – 180 лет назад родился грузинский поэт **Акакий Ростомович Церетели** (1840–1915). Наиболее известны его произведения «Светлячок», «Сулико».

21 июня – 115 лет назад в Париже родился французский писатель, драматург, философ **Жан-Поль Сартр** (1905–1980). Лучшим произведением автора считается «Тошнота», с которого и началась литературная деятельность Сартра. Был удостоен Нобелевской премии по литературе 1964 года «за богатое идеями, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время», однако награду принять отказался, аргументируя это нежеланием быть обязанным какому-либо социальному институту и ставить под сомнение свою независимость.

110 лет назад родился советский писатель, поэт **Александр Трифонович Твардовский** (1910–1971). Читателям известны

его истории «Василий Тёркин», «Страна Муравия», «За далью – даль». Был главным редактором журнала «Новый мир».

27 июня – 85 лет назад родилась французская писательница **Франсуаза Саган** (1935–2004). Саган написала несколько десятков произведений, среди которых романы «Немного солнца в холодной воде», «Смятая постель», «Прощай, печаль», «Синяки на душе». Произведения писательницы неоднократно экранизировались.

29 июня – 120 лет назад в Лионе родился французский писатель **Антуан де Сент-Экзюпери** (1900–1944), автор всемирно известного произведения «Маленький принц».

30 июня – 85 лет назад в Бердянске родился советский писатель-фантаст **Сергей Иванович Павлов** (1935–2019) Его перу принадлежат произведения «Лунная радуга», «Волшебный локон Ампары», «Чердак Вселенной». Является лауреатом литературной премии в области фантастики «Элита» 1985 года, основатель литературной премии «Лунная радуга».

10 июля – 130 лет назад в Одессе родилась русская писательница, переводчица **Вера Михайловна Инбер** (1890–1972). Вера Михайловна на себе ощутила тяготы жизни в блокадном Ленинграде во время Великой Отечественной войны, отразив их в своих стихотворениях и прозе. Также перу автора принадлежит текст песни «Девушка из Нагасаки».

115 лет назад родился русский писатель **Лев Абрамович Кассиль** (1905–1970). Большинство произведений автора ориен-

тировано на детей, самым значительным из них считается «Кондуит и Швамбрания». В 1941–1942 годах был ответственным редактором журнала «Мурзилка».

13 июля – 100 лет назад родился писатель **Аркадий Григорьевич Адамов** (1920–1991). Работал в жанре детектива. Именно его повесть «Дело “пёстрых”», вышедшая в 1956 году, положила начало возрождению детективного жанра в советской литературе.

18 июля – 120 лет назад в семье русских евреев родилась французская писательница **Натали Саррот** (1900–1999). Признание писательница получила благодаря романам «Портрет неизвестного», «Мартеро», «Планетарий», «Между жизнью и смертью».

Во главу угла в своих произведениях Саррот ставит описание психических реакций, эмоций, тончайших оттенков чувств.

23 июля – 105 лет назад в Луганске родился поэт **Михаил Львович Матусовский** (1915–1990), автор слов большого количества песен, которые можно услышать в советских фильмах, начиная с «Верных друзей» (1954) и заканчивая «Семью криками в океане» (1986).

26 июля – 135 лет назад родился французский писатель **Андре Моруа** (1885–1967), мастер жанра романизированной биографии и короткого иронично-психологического рассказа. Широко известны книги автора «Превратности любви», «Семейный круг», «Письма незнакомке».

События

2 апреля – Международный день детской книги, приуроченный к дню рождения Ганса Христиана Андерсена.

5 апреля – 20 лет назад (2000) в Хьюстоне вышел первый номер русскоязычной газеты «Наш Техас».

15 апреля – Международный день культуры.

16 апреля – 65 лет назад (1955) вышел первый номер журнала «Нева».

26 апреля – Международный день интеллектуальной собственности.

5 мая – День советской печати. Несмотря на то, что в 1991 году на смену празднику пришёл День российской печати (13 января), представители старой журналистской школы остаются верны традиции отмечать его в начале мая.

6 мая – 185 лет назад (1835) вышел первый номер американской газеты «Нью-Йорк Геральд».

80 лет назад (1940) Джон Стейнбек получил Пулитцеровскую премию за роман «Гроздь гнева».

8 мая – 110 лет назад (1910) в Николаевской церкви села Никольская Слободка

прошёл обряд венчания Николая Гумилёва с потомственной дворянкой Анной Андреевны Горенко, более известной под псевдонимом Ахматова.

10 мая – 20 лет назад (2000) в Москве были впервые подведены итоги Всероссийской литературной премии памяти 19-летнего московского поэта и философа Ильи Тюринина – «Илья-премии».

14 мая – 185 лет назад (1835) вышла в свет «Сказка о рыбаке и рыбке», написанная Александром Сергеевичем Пушкиным.

23 мая – 60 лет назад (1960) Василий Гроссман заключил с редакцией журнала «Знамя» договор о публикации романа «Жизнь и судьба». Роман так и не был опубликован в СССР вплоть до 1988 года.

24 мая – 95 лет назад (1925) вышел первый номер «Комсомольской правды».

26 мая – 15 лет назад (2005) на «Невском книжном форуме» Борис Стругацкий объявил об учреждении ежегодной литературной премии журнала «Полдень. XXI век».

29 мая – 60 лет назад (1960) в СССР вышел первый номер еженедельного журнала «Футбол».

4 июля – 55 лет назад (1965) в Москве у Красных ворот был открыт памятник Михаилу Лермонтову.

55 лет назад (1965) Оксфордский университет присудил Анне Ахматовой почётную степень доктора литературы.

6 июня – Пушкинский день и День русского языка.

15 июня – 720 лет назад (1300) поэт Данте Алигьери вошёл в правительство Флоренции в качестве приора.

18 июня – 65 лет назад (1955) вышел первый номер журнала «Юность».

60 лет назад (1960) вышел первый номер еженедельника «За рубежом».

20 июня – 140 лет назад (1880) на Пушкинских торжествах Фёдор Достоевский произнёс свою знаменитую 45-минутную речь, посвящённую Александру Пушкину.

25 июня – 85 лет назад (1935) Международный конгресс писателей в защиту культуры, проходивший в Париже, основал Международную ассоциацию писателей и Постоянное международное бюро писателей для защиты культуры. В президиум вошли Анри Барбюс, Ромен Роллан, Максим Горький, Генрих Манн, Томас Манн, Альд Гексли, Бернард Шоу, Синклер Льюис, Сельма Лагерлёф.

2 июля – Международный день спортивного журналиста.

4 июля – День Достоевского. Отмечается в России ежегодно в первую субботу июля.

155 лет назад (1865) вышло в свет первое издание книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

100 лет назад (1920) открылся первый в России Государственный театр для детей, созданный на основе Детского театра Моссовета. В этот день на его сцене поставили спектакль «Маугли».

6 июля – 40 лет назад (1980) начал выходить на русском языке еженедельник «Московские новости».

7 июля – 80 лет назад (1940) открылся Львовский литературно-мемориальный музей Ивана Франко. Музей расположен в доме, где жил писатель.

9 июля – 50 лет назад (1970) в Феодосии был открыт Дом-музей Александра Грина.

10 июля – 90 лет назад (1930) основан Московский государственный библиотечный институт (ныне – Московский государственный университет культуры и искусств).

13 июля – 65 лет назад (1955) вышел в свет первый номер литературно-художественного журнала «Иностранная литература».

19 июля – 195 лет назад (1825) в день отъезда Анны Петровны Керн из Тригорского Пушкин вручил ей стихотворение «К***» («Я помню чудное мгновенье...»).

30 июля – 90 лет назад (1930) был образован Московский полиграфический институт (с 1992 года – Московская государственная академия печати).

Конкурсы

IV Международный литературный конкурс «Хижицы»

Актуально до **15 августа**

К участию приглашаются совершеннолетние авторы со стихотворениями, близкими по мысли настроению, прямо или ассоциативно связанными с любым из произведений поэта Гавриила Каменева. Конкурсная работа представляет собой одно стихотворение объёмом до 40 строк.

Победитель конкурса получает 10 000 рублей, автор, занявший II место – 5 000 рублей, III место – 3 000 рублей. К денежной премии прилагаются дипломы и книги «Гавриил Каменев. Избранное». Возможны дополнительные призы от спонсоров конкурса.

Подробнее: clck.ru/PipiD

Литературный конкурс «Конец человечества»

Актуально до **31 августа**

Организаторы предлагают пофантазировать на тему глобальных катастроф, войн и кризисов. Обязательный элемент конкурсной работы – переломный момент, после которого жизнь человечества оказывается под угрозой. Принимаются произведения объёмом от 5 000 до 40 000 символов, новые, никогда ранее не публиковавшиеся и не участвовавшие в других конкурсах, не более двух работ от автора.

Рассказы победителей и финалистов войдут в сборник «Конец человечества». Произведения, занявшие первые три места, будут озвучены диктором Ярославом Александровым. Автор-победитель получит дизайнерскую обложку и буктрейлер к своей книге. Также предусмотрены дипломы конкурса.

Подробнее: terra-forma.ru/literaturnyj-konkurs-fantastiki-konec-chelovechestva

Открытый поэтический конкурс «Я только малость объясню в стихе»

Актуально до **31 августа**

К участию приглашаются авторы, пишущие стихотворения на русском языке. Номинации конкурса:

- «Авторская поэзия»;
- «Посвящение В. С. Высоцкому».

Автор, участвующий в обеих номинациях, может суммарно предложить к рассмотрению четыре стихотворения: три в «Авторской поэзии» и одно в специальной номинации «Посвящение В. С. Высоцкому».

Все участники финала (шорт-лист) получают электронные именные дипломы, а их работы будут опубликованы в конкурсном альманахе «Я только малость объясню в стихе – 2021».

Подробнее: ryfma.com/f/ya-tolko-malost-obyasnyu-v-stikh

Конкурс романов «Технология чудес»

Актуально до **31 августа**

Принимаются романы в жанрах фантастики и фэнтези с логически обоснованным фантастическим допущением, написанные не ранее 2018 года. Не рассматриваются произведения в жанрах реализма, мистики и детектива (фантастический детектив допускается); произведения, ранее издававшиеся в формате книги или аудиокниги, размещавшиеся в электронных магазинах и ресурсах самиздата.

Объём текста для подачи заявки – от 400 000 знаков с пробелами для завершённого текста; для произведений, которые находятся в процессе написания, – 80 000 знаков (с учётом представления полного текста до 31 августа). Принимается только одна работа от автора/соавторов.

Для победителей предусмотрены денежные премии: I место – 100 тыс. рублей, II место – 50 тыс. рублей и III место – 25 тыс. рублей. Романы-победители в течение месяца будут продвигаться средствами Author.Today: продвижение включает таргетированную рекламу в соцсетях и баннер на главной странице сайта.

Подробнее: author.today/contest/20

Мир детей и мир взрослых: точка пересечения – детские книги

Говорят, что мир детей и мир взрослых – две разные вселенные, которые находятся в параллельных плоскостях и практически не пересекаются. Вот только это не так. Да, ребёнок пока не может представить, каково быть взрослым. А вот мамы и папы не имеют права забывать, что значит смотреть на окружающую действительность через призму детского восприятия, и хоть иногда должны настраиваться на одну волну со своими чадами. Помогают в этом детские книги, способные объединить поколения и помочь малышам в непростом процессе познания. Но кто, как и почему пишет литературу для маленьких читателей? В поиске ответов на эти вопросы мы обратились к Ларисе Назаровой, автору книг «Дай пять!», «Папа – мой малыш», «Настойчивая муха», «Ехало лето», «По-русски и по-английски», «Большая книга инструментов».

– Лариса, почему Вы пишете именно детские книги? Чем это литературное направление вас привлекает?

– Мне интересно наблюдать, как дети познают мир, как они находят объяснение вещам и явлениям, исходя из своего опыта. А ещё меня вдохновляет детская фантазия. Конечно, доказано, что придумать что-то совершенно несуществующее невозможно, что всё, созданное воображением, составлено из частей, которые уже существуют в природе. Но мы, взрослые, слишком хорошо изучили законы, по которым эти

разрозненные части соединяются логично, поэтому нам кажется, что детское воображение – это взрыв стереотипов. И когда наполняешься этим видением мира, то будто получается погрузиться в другое измерение разума, которое доступно детям, и создать нечто похожее на их творчество, речетворчество в том числе. Тогда получаешь необыкновенные эмоции!

– Чем детские писатели принципиально отличаются от тех, кто пишет для взрослых?

– Принципиально вряд ли чем-то отличаются. Разве что пишущий для детей – сам ребёнок в душе. Ведь когда удаётся настроиться на волну детского восприятия, подключиться к потоку именно свойственной детям созидательной энергии, становишься похожим на своего героя, вживаешься в образ. И осознаешь это уже только тогда, когда приходится выныривать обратно – в реальность. В этом смысле каждый писатель купается в своём океане: творящие для взрослых зачастую погружаются в холодные свинцовые волны, а детские писатели (конечно, не всегда, но...) – в переливающиеся всеми цветами радуги, поблёскивающие на солнце, тёплые и ласковые. Возможно, это ощущение и есть весомая награда, которую получает детский автор за свой труд.

– Каково предназначение детской литературы?

– Отвечая на этот вопрос, нужно понимать, для кого детская литература пишется.

Дети познают мир. Можно сказать, всё их естество направлено на исследование нового и постижение законов бытия. Но они нуждаются в том, чтобы взрослый направлял их в этом познании. Где-то подталкивая, что-то подсказывая, в чём-то ограничивая, когда нужно, указывая на ошибки, показывая множество путей, по которым можно пойти, и обсуждая результат того или иного выбора. Поэтому предназначение детской литературы складывается из двух составляющих: дать знания об окружающем мире и воспитать ребёнка как нравственного, ответственного, сопереживающего и мыслящего человека.

– **Соответствуют ли Ваши произведения этому предназначению?**

– Обучение и воспитание – основные и неразделимые задачи педагогики. И они очень хорошо могут быть достигнуты, если пишешь в жанре реализма. Однако в последнее время я всё чаще сталкиваюсь с тем, что от литературы для детей требуют фантасмагории и абсурда. Могу даже назвать это тенденцией современной детской литературы. Создавая произведения в рам-

ках реализма, я получала удовлетворение от решения двух упомянутых педагогических задач. А теперь просто теряюсь, когда мне говорят выходить за рамки, потому что в силу моего педагогического образования и преподавательской работы ставлю обучающий и воспитательный момент в литературе для детей выше развлекательного. Но я работаю над собой.

– **Ставите ли Вы перед собой какие-то конкретные цели?**

– Если это литература прикладная, то я стараюсь выполнить конкретную задачу. В этом хорошо помогает и работа с иллюстратором, поскольку наглядность в данном случае стоит наравне с текстом. Художественная же литература более располагает к тому, чтобы показать читателю возможности художественного текста, и этим можно пользоваться. При создании текста приходится учитывать множество факторов. Произведение должно вызывать интерес и подпитывать его, ненавязчиво воспитывать и прививать нравственные качества, показывать богатство родного языка, развивать ребёнка.

– А что насчёт славы? Насколько для Вас важна популярность?

– Пишу ли я ради славы? А что большее даст мне слава? Для чего большего она нужна? Когда я задаю себе эти вопросы, то понимаю, что сама по себе слава морально-го удовлетворения не принесёт. Это только ступенька к тому, чтобы сделать мир лучше: заставить людей задуматься над тем, что такое честь, ответственность, верность, патриотизм, милосердие, любовь. И я верю в то, что и без восхвалений пишущий, окрылённый тем, что его дело важно обществу, человек может взмахнуть крыльями, перешагнуть-перелететь ступеньку славы, но принести пользу своим делом хотя бы нескольким людям. И это уже много.

– Назовите основные темы Вашего творчества.

– Меня очень многое сейчас интересует. На данный момент я часто размышляю о любви к родителям, о том, как герой мирит спорящих, о взаимоотношениях разных поколений, о верном и неверном понимании одним героем другого – получается, это социальная тема. Неизменными в моих записях остаются и заметки о природе: растениях и животных. О любви в широком её понимании. Порой в одном, даже коротком произведении находят отражение сразу несколько тем. И я этому радуюсь.

– Какое из собственных произведений, по Вашему мнению, является наиболее удачным? Почему именно оно?

– Наиболее удачные, на мой взгляд, произведения пока ещё лежат в редакторском портфеле. Я надеюсь, что в скором времени читатели смогут их увидеть. Особенно дорого мне произведение «Лес рассказывает сказки». Оно сейчас тоже только готовится к изданию в полном виде, хотя отдельные рассказы уже опубликованы в сборнике «Детская литература. Новые имена», который издан Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ в этом году.

Если же говорить об изданных произведениях, мне нравится книжка «Папа – мой малыш» – в ней мне удалось написать с юмором. Похожее по задумке и стилю произведение «Мой маленький папа» было оценено жюри «Корнейчуковской премии» в прошлом году. Оно заняло I место в номинации «Литература для детей и юношества».

Нравится мне и книжка «Ехало лето» – в ней у меня получилось применить приёмы звуковой организации текста и совместить сразу несколько тем, начиная со времён года и заканчивая пояснением значения сигналов светофора. Именно эту книгу меня чаще всего просят презентовать детской аудитории. Именно с ней я выступала перед детьми на первом фестивале детских поэтов и писателей Подмосковья в прошедшем году.

– Как происходит работа над книгой?

– Работа проходит по-разному. Если это заказ от издательства, то сначала я расписываю сюжет, а после его одобрения расширяю и наполняю прописанные пункты до состояния глав. А бывает, что я смотрю на уже созданное своё произведение, и в голове складывается его образ как книги – я как бы вижу макет: где расположен текст, а где иллюстрации, какие они. Потом начинается работа с художником. Так появились издания «Настойчивая муха» и «Ехало лето». Если понимаю, что у меня много произведений, которые объедине-

ны смыслом или жанром, то анализирую, насколько гармонично эти произведения смотрелись бы вместе. Сюжетные стихотворения, например, составили книгу «Дай пять!».

– **Что Вас вдохновляет?**

– Вдохновляют меня чувства, которые я испытываю от того или иного явления или проявления жизни. Тогда ощущаешь себя живым и хочется поделиться тем, что переживает.

– **Какие писательские ритуалы помогают в создании новой истории?**

– Что касается писательских ритуалов, то они бывают необходимы, если срок сдачи рукописи ограничен. Помогает с вечера продумать сюжет будущей истории, а на следующий день выделить себе время, в которое ничем другим, кроме написания, не занимаешься. К слову, для меня большая удача, если выдаются такие дни, когда ты полностью можешь сам распоряжаться своим временем. В такие моменты можно позволить себе рассказ или прозу. А если впечатлений много, а времени всего ничего, то идею приходится уместать в коротенькие стихи.

– **А в каком окружении работаете лучше всего?**

– В тишине и уединении. Но это не всё. Важно ещё состояние приподнятого на-

строения, сопровождающее готовность творить.

– **Доводилось ли Вам лично общаться со своей аудиторией? Какие эмоции это вызвало?**

– Приходилось общаться с детьми во время и после презентаций моих книг в библиотеках, детских садах, на книжном фестивале «Красная площадь».

Для мероприятий я заранее продумываю ряд вопросов по ключевым моментам произведения, чтобы провести беседу по тексту. В некоторых книгах у меня даже прописаны такие вопросы – родителям в помощь. Но маленьким читателям всегда интересно больше. Логика сюжета их не ограничивает, поэтому они хотят узнать о герое буквально всё. И в таком случае ответить ребёнку что-то определённое – значит поместить его в рамки. Поэтому я предпочитаю обратиться к написанному и порассуждать вместе, исходя из упомянутого. Но детям зачастую не терпится, и они спешат сами придумать для героя то, что важно им, спорят друг с другом. Тогда радуешься, что герой близок, и уже сам с интересом наблюдаешь, как он начинает жить другой жизнью, которую ты не в силах контролировать. И приходит ощущение происходящего прямо сейчас чуда.

– Не думали попробовать себя во взрослой литературе? Возможно, такие опыты уже были? Какие жанры Вы бы выбрали, если бы решили покорить эту вершину?

– Со стихотворений для взрослых я начинала. Ещё со школьной скамьи. Если речь о покорении вершин, то в старших классах показателем нужности моих строк для меня стала стипендия главы района за особые успехи в поэзии, а несколько лет назад – стипендия губернатора области как молодому талантливому автору. Но, как мне кажется, личных вершин мы достигаем, только соревнуясь с собой, превосходя себя, как автора, в следующих текстах, работая над стилем и словом. Стихотворения, адресат которых – взрослая аудитория, я продолжаю писать. Что касается жанров, это гражданская и философская поэзия, тексты, посвящённые теме памяти, любви и верности, православной души, предназначения поэта и поэзии.

Прозу для взрослых пишу реже и ещё не определилась, какой жанр мне ближе. В плане профессионального взгляда со стороны ценным опытом стало для меня обсуждение на совещании молодых литераторов Союза писателей России в конце прошлого года, но на данном этапе я решила сделать перерыв в создании прозаических произведений и стать читателем.

– Обращаясь к читателям и их родителям, что бы Вы посоветовали им читать? Как, на Ваш взгляд, правильно знакомить малышей с литературой, чтобы они раз и навсегда полюбили книги, а чего делать не стоит, дабы не выработать антипатию?

– Я бы посоветовала, с одной стороны, не бояться советской классики, а с другой – знакомиться с признанными авторами-современниками. И у тех, и у других есть замечательные книги для всех возрастов. Начать можно с потешек, народных сказок, ритмичных стихотворных текстов, которые легко запоминаются. Если книжка надоела – возьмите другую. Спросите у ребёнка, что ему хочется почитать. Не принуждайте, но поощряйте интерес. И, конечно, найдите интересную книгу для себя – пусть чадо на вашем примере видит, что чтение – это естественная часть жизни.

– Лариса, тут даже не поспоришь. Книжки делают ярче жизнь не только детей, но и взрослых. Очень хочется, чтобы это поняли как можно больше людей и помогли осознать своим дочкам и сыночкам.

Екатерина Кузнецова, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»

Читайте рассказ Ларисы Назаровой на с. 133!

Реальное, ироничное, антиутопическое, фантастическое и философское в творчестве Валерия Екимова

«Для кого я пишу? Вообще-то никогда не задумывался для кого. Думаю, что прежде всего для себя самого. Это поистине увлекательное занятие, позволяющее многое понять, додумать, объяснить и поделиться с близкими – с теми, кто первым всё это слышит, знает и по-настоящему критикует – так, как надо, если есть в тексте что-то не то, не так», – откровенно признаётся Валерий Екимов, автор сборников «Секреты нашего двора», «Неслучайные странности» и ряда других книг.

В каждом произведении, которое выходит из-под пера писателя, неизменно присутствует много личного. Это и размышления, которыми вряд ли представится случай поделиться в разговоре за чашечкой чая. И воспоминания, дорогие сердцу, почти позабытые, но вдруг выдернутые из небытия на поверхность сознания, облечённые в слова и превратившиеся в увлекательный рассказ. И попытки заглянуть в будущее или мысленно изменить прошлое, и всё это – опираясь на знания настоящего.

У Валерия очень романтическая профессия. Он окончил Нахимовское и военно-морское училища, а потом долгое время служил на кораблях. Ещё в годы учёбы молодой человек, всегда увлекавшийся чтением, начал пробовать свои силы в качестве писателя. Первые его рассказы были посвящены событиям, которым он стал свидетелем в студенчестве. Они написаны в юмористическом стиле и включены в сборник «Курсантские байки восьмидесятых». Однако ироничными произведени-

ями творчество Валерия Екимова не ограничивается. Например, его сборник «Антилопа» представляет собой разговор о трудных перестроечных годах. А «Секреты нашего двора» – воспоминания о детстве: семидесятые годы, Ленинградская область, где, как никогда после, жива память о войне и блокаде, беседа о крепкой

мальчишеской дружбе и свободе, что даже не снилась поколениям, пришедшим позже, о понятиях чести и долга, возведённых в квадрат, уважении к подвигам старших и любовь к животным – тем, поднятых на страницах, очень много, все они поданы в формате приключений, захватывают и исподволь воспитывают те качества, которые автор хотел бы видеть в своих внуках.

В конце 2019 года по издательскому гранту свет увидел сборник Валерия Екимова «Неслучайные странности». Трудно определить, какой жанр здесь является ведущим. Это смесь философии, психологии, фантастики, фэнтези, антиутопии, утопии, драмы. Пять «странностей», которые родились в сознании писателя, должны провести параллели между прошлым, настоящим и будущим. Читатель вслед за Валерием Екимовым сможет поискать корни современных проблем в поступках, совершённых десятилетия назад, в особенностях характеров персонажей, ещё только проявляющихся и пока не оформившихся

в положительные или отрицательные качества. Ему предстоит углубиться в седую старину, увидеть своими глазами жизнь предков, а потом перескочить в не такое уж далёкое будущее. Это поможет разграничить понятия добра и зла, посмотреть, куда приведут равнодушие и тотальная виртуализация. Немного сказочности есть в последних «странностях», где на первый план выходит именно философия и поиск глубинных смыслов.

Валерий Екимов – многогранный писатель. Чтобы это понять, достаточно познакомиться с «Неслучайными странностями» и проникнуть во внутренний мир этого человека, душой болеющего за благополучие не одного конкретного героя, но человечества в целом. Если как следует обдумать тезисы, предложенные автором, становится немного страшно, и в то же время отчётливо видятся пути, пройдя по которым удастся избежать самых неприятных антиутопических моментов, ведь они, если ничего не сделать, могут обернуться реальностью.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

Николай Янкин о жизни и любви с разными оттенками настроения

Можно ли рассказать свою жизнь в стихах и отразить не только главные события, когда-либо имевшие место, но также и простые, повседневные эмоции, обыкновенные дни из личной и профессиональной жизни, радости и горести, знакомые каждому человеку, а потом всё это собрать в одну книгу? Поэт Николай Янкин на страницах сборника стихотворений «Любови страница не закрыта», куда вошли произведения разных лет, сумел затронуть все основополагающие темы.

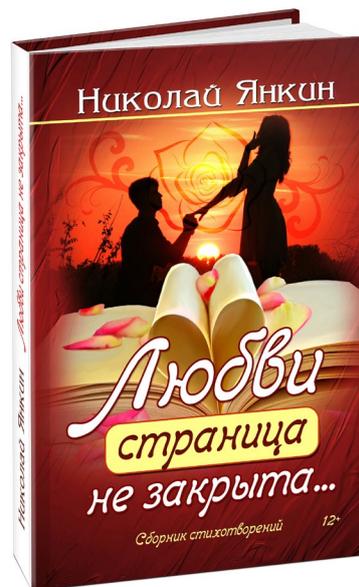
На страницах читателя ждут рассуждения о жизни, смерти, неизбежных препятствиях, болезненных ударах судьбы. Однако, несмотря на все обстоятельства, в них неизменно чувствуется жизнеутверждающий настрой и стремление вперёд, присущие автору-оптимисту:

*Судьба, бывает, больно бьёт,
И мучит одиночество,
С косою старуха где-то ждёт,
НО ВСЁ ЖЕ ЖИТЬ ТАК ХОЧЕТСЯ!*

Важная тема сборника – любовь, которую Николай Янкин ставит на первое место. В его отношении к женщине много нежности, доверия, готовность протянуть руку, мечта о духовном единении и, конечно, страсть, без которой невозможно представить эту могущественную связь,

возникающую словно из ниоткуда и соединяющую два сердца:

*«Кто любит в меру – любит мало», –
Сказал давно один поэт.
И это истиною стало,
Хотя прошло немало лет.*

Книга Николая Янкина – это посвящения, разговор о природе и любимых народом праздниках, пародии, шаржи, которые перемешиваются с очень лиричными, проникновенными, вдумчивыми произведениями о дружбе, семье, философии. Сборник подходит для любого дня и душевного настроения, для людей с разным менталитетом и восприятием действительности. Это многообразие тем и настроений достигается благодаря богатому жизненному опыту поэта, долгие годы проработавшего в про-

куратуре на Кузбассе и встречавшего огромное множество людей с их историями и непростыми судьбами. Пропуская через себя услышанное и увиденное, он вдохновлялся не только событиями личной жизни, но и тем, что происходит вокруг. Недаром ведь своё первое произведение он когда-то написал, испытав сильнейшие эмоции от первого полёта Юрия Гагарина в космос и начала новой вехи в развитии человечества.

Екатерина Кузнецова

Романы современного писателя Владимира Уланова о прошлом ради будущего

Человеческая память – это дар, который обеспечивает преемственность поколений. Отдалённые друг от друга на целые тысячелетия, разграниченные территориально, люди тем не менее чувствуют неразрывную связь, ведь от прадедов к детям передаётся информация о прошлом, чтобы можно было управлять настоящим. В то же самое время память о былом необходима, «чтобы построить общее будущее» [2, с. 219], ибо судьба отдельного взятого человека соединена десятками, а то и сотнями незримых нитей с судьбами его соотечественников, совместными усилиями творящих историю. Именно к такому выводу приходит читатель, познакомившийся с произведениями писателя-современника В. И. Уланова. Выросший на Алтайской земле, он впоследствии изъездил всю страну. Вот почему его романной прозе, к числу которой следует отнести «Бунт», «Искушение», «Княжеский крест», «Трагедия царя Бориса», свойствен такой размах.

Обладающий панорамным зрением, автор показывает Россию с высоты птичьего полёта; шаг за шагом ведёт по Москве, Владимиру, Туле, Угличу, Ржеву; обстоятельно описывает территории, сопредельные древнерусскому государству. На множестве примеров читатель воочию убеждается, насколько сильно желание В. И. Уланова «не упустить и малейшей детали» [6, с. 76]. Поставив перед собой задачу осмыслить художественно-литературными средствами отдалённое прошлое нашей страны, он по крупницам воссоздаёт те социально-исторические и политические обстоятельства, которые способствовали эпохальным событи-

ям XIII–XVII веков. Двигателем сюжетного замысла в произведениях становятся ситуации, свидетельствующие о преданности людей родной земле, готовности постоять за неё, устремлённости в будущее. Другими словами, неистребимая вера в то, что тяжёлое положение, в котором они находятся, рано или поздно изменится.

Жанр исторического романа, выбранный В. И. Улановым, с одной стороны, обуславливает необходимость оставаться в заданных границах. Проще говоря, текст «должен быть исторически точен» [1, с. 4]. И здесь нет сомнений в том, что автор опирался на подлинные документы, последовательно выстраивая хронологическую цепочку произошедшего. С другой стороны, высок риск уйти в сухие цифры и перечисление фактов. Ничего подобного читатель не видит. Напротив, каждый роман «увлекательно написан», а само произведение становится «учителем героики, правды и добродетели» [1, с. 4]. Произведения В. И. Уланова густо «населены» персонажами, разными по национальному составу, вероисповеданию, видам деятельности, социальному статусу. При этом любой герой имеет «свой нрав, своё лицо» [1, с. 5]. Таков, к примеру, образ Степана Разина из дилогии «Бунт». Писателем показан тип истинно народного вождя, который ни на секунду не сомневался «в правоте своего дела – заступничестве за бедных и обездоленных» [3, с. 366].

Перенёсший множество лишений, потерявший брата, к которому был привязан всем сердцем, донской казак видел, что простому люду приходится непомерно тя-

жело, в чём, по его глубокому убеждению, были виноваты представители привилегированных сословий. Вот почему у героя романа так сильно желание «извести всех бояр и воевод» [3, с. 366]. Все, кого Степан Разин освобождал из плена, наделялись правом выбора – следовать ли за казачьим войском или идти своим путём. Благородный разбойник хотел, чтобы «все были равны и чтобы никто их не обижал!» [3, с. 241]. По сути это модель идеального общества, созданного силой воображения героя, ратовавшего за справедливость. Говоря современным языком, бунтарь был харизматичным человеком, мастерски оказывающим влияние на окружающих: «есть у этого казака какая-то притягательная сила, знал, что идёт за ним народ» [3, с. 371].

При жизни, пишет В. И. Уланов, Разин стал человеком-легендой, ибо «по всей Руси слагают про него песни, складывают сказы как о народном защитнике» [3, с. 371]. Везде, куда бы ни пришёл атаман, «простой люд с надеждой ждал своего защитника и избавителя» [3, с. 59]. Но если в образе Степана запечатлён выходец из народа, то герой произведения «Княжеский крест» Александр Ярославич становится воплощением коллективных представлений о справедливом правителе, стоящем на страже земли Русской. Время, о котором повествует автор романа, относится к периоду феодальной раздробленности. Тогда с южных и восточных окраин древнерусскому государству досаждали степняки, с западных – немцы и шведы. Не потерпевший вторжения крестоносцев, князь оказал им серьёзное сопротивление. За победу над неприятелем «Александр Ярославич был прозван в народе Александром Невским» [4, с. 14]. Но они не оставляли надежду на чужие территории, выжидая удобного случая. Организовав очередной поход, западные соседи потерпели не только физическое, но и моральное поражение, так как князь «навёл на врага такой страх, чтобы у них отбило желание делать набеги на Русь» [4, с. 137].

Как подчёркивает В. И. Уланов, понятие территориальной целостности неразрывно связано с православием. Так, во время встречи с ханом Батыем, который предложил русскому посольству пройти меж огней, Александр Ярославич ответил категорическим отказом: «Я православный и мне не подобает справлять языческие обычаи» [4, с. 216]. То, что монгольский полководец назвал обрядом очищения, князь посчитал попранием давних традиций: «А для того чтобы очиститься от скверны, мы творим молитву Господу» [4, с. 218]. Стойкость и мудрые речи убедили Батыя, и посольство беспрепятственно продолжило путь по степям. Нужно подчеркнуть, что своим мировоззрением Александр был обязан отцу, Ярославу Всеволодовичу, который воспитывал сына в преданности отчизне и православной вере. Неслучайно сам он, погибая от рук Туракины, просит перед смертью исполнить последнюю волю: «Только не хороните меня на чужбине, а сделайте это на моей Русской земле» [4, с. 142].

Тип русского праведника в образе царя Фёдора Ивановича представлен в романе «Трагедия царя Бориса». Спокойный и незлобивый, он с молодости был отстранён от мирских дел, что значительно контрастировало с фигурой его отца Ивана Грозного. За характер, погружённость в свои мысли, а ещё больше за истовую веру он «прослыл среди бояр и придворных блаженным, так как любил молиться, часто посещал монастыри» [5, с. 16]. Унаследовав престол, Фёдор Иванович и после изменения своего положения не перестроил раз и навсегда заведённых порядков: «Царь постоянно сидит на сухом хлебе и воде и молится до изнеможения по несколько часов в день» [5, с. 79]. Менее всего он был приспособлен управлять государством, ввергнутым в пучину раздоров между людьми, приближенными к царю. Тем самым невольно открывал дорогу расчётливому Годунову для захвата власти. Пройдёт немного времени, и тот «бросит Россию в страшные испыта-

ния» [5, с. 144], ведь всё, что сделал боярин, свидетельствовало «о нарушении Божественных заповедей» [5, с. 144]. А впоследствии привело к «карусели» на российском престоле: в Смутное время государством правили четыре Лжедмитрия и масса мнимых родственников царя.

Простой народ интуитивно понимал, какую беду принесут России самозванцы, каждый из которых норовил поживиться, как, например, Григорий Отрепьев, чей образ раскрыт в романе «Искушение». Монах-расстрига опустошил государеву казну. Но утрата денег – полбеда: Лжедмитрий хотел позволить католикам распространить западную веру. К счастью, не получилось. Взять хотя бы эпизод, в котором описано празднование венчания Григория Отрепьева и Марины Мнишек. Несколько шляхтичей, разгорячённых вином, пригрозили закрытием православных церквей. Евсей, здоровенный детина, крайне болезненно отреагировал на поругание веры предков.

Вместе с мастеровыми и московскими жителями, подоспевшими на шум, он проучил поляков, избив тех кольями и булыжниками. Вспыхнувшая искра обиды переросла в пожар: уже через несколько секунд вооружённая толпа ринулась в Кремль, чтобы по призыву Григория Елизарова громить антихристов. Народ жаждал знать, кто же находится на троне – настоящий царь или самозванец. Всю силу гнева люди обрушили на Отрепьева, убив его, а затем предав тело огню.

В завершение стоит сказать, что спустя несколько столетий невозможно проверить фактологию событий XIII–XVII веков, переосмысленных писателем. Да это и не нужно, ведь жанр исторического романа позволяет создать собирательные образы героев, чьи подвиги прославлены в народных песнях, преданиях, легендах и кого роднит нечто общее – «безграничная любовь к Родине, уважительное отношение к её истории» [7, с. 92].

Иван Романов

Список литературы

1. Лисицын, В. О творчестве Владимира Уланова / В. Лисицын // Уланов В. Бунт. Исторический роман в 2-х книгах. – СПб. : Литео, 2017. – С. 4–14.
2. Мухлаева, Т. В. «Помнить ради будущего» : образование взрослых для продвижения мира и согласия в Европе / Т. В. Мухлаева // Человек и образование. – 2014. – № 4. – С. 218–222.
3. Уланов, В. Бунт. Исторический роман в 2-х книгах. Книга 1. – СПб. : Литео, 2017. – 526 с.
4. Уланов, В. Княжеский крест. Исторический роман. – Екатеринбург: Ridero, 2018. – 482 с.
5. Уланов, В. Трагедия царя Бориса. Исторический роман. – СПб. : Литео, 2017. – 406 с.
6. Хазеева, О. А. Он жизнь строкам в книгах посвятил / О. А. Хазеева // Научный аспект. – 2017. – № 3. – Самара : Аспект, 2017. – С. 71–77.
7. Юрина, Е. Д. Владимир Уланов – современный писатель, не позволяющий нам забыть о прошлом / Е. Д. Юрина // Аллея Науки. – 2017. – № 1. – С. 88–92.

Поиск точки пересечения между классикой и современным искусством

Рецензия на книгу Александра Степанова «В душе возрасти цветочек аленький»

Пройдитесь по улицам своего города, загляните на «Афишу» в Интернете, посмотрите, какие фильмы рекламируют, на какие спектакли приглашают детей и взрослых. «И рядом афиша другого театра. “Главное событие сентября – “Идеальное убийство”. В прошлом театральном сезоне театр <...> от души порадовал зрителей спектаклем “Как пришить старушку”. Надо ж – сплошные радости: идеально убивают и пришивают!» Неужели не осталось ничего святого, а красота в представлении современника должна быть кровавой или как минимум остросюжетной? Для тех, кто неоднократно задавался подобными вопросами и давно пришёл к выводу, что не «надо много ума, чтобы логически связать подобные “заманухи”, а главное – саму рекламируемую продукцию с ростом преступности в стране», написана книга Александра Степанова «В душе возрасти цветочек аленький».

Эта книга являет собой размышления о классике, к которой обращается автор, и современном искусстве. Её главная цель – найти между ними точку пересечения и наконец вернуть «разумное, доброе, вечное» в литературу, на экраны и сцены. Возможно ли это? Писатель даёт свой ответ, предлагая решение. Он проводит настоящее исследование проблемы, на которое его вдохновило внезапное и пренеприятнейшее открытие: «Во время нашей творче-

ской встречи с отдыхающими в пансионате “Солнечный” Оренбурга коллега Дарья Панина обратилась к собравшимся с просьбой назвать сказки, которые им знакомы. И они называли в основном современные сказки, даже так называемые фэнтези, но только не “Аленький цветочек” Сергея Аксакова. И это при том, что среди присутствующих были юные представители Бугурусланского района или даже самого села Аксакова, где в детстве жил именитый писатель». Именно вокруг этой истории, сюжет которой прекрасно помнят представители старших поколений, но напрочь позабыли младшие, строится повествование.

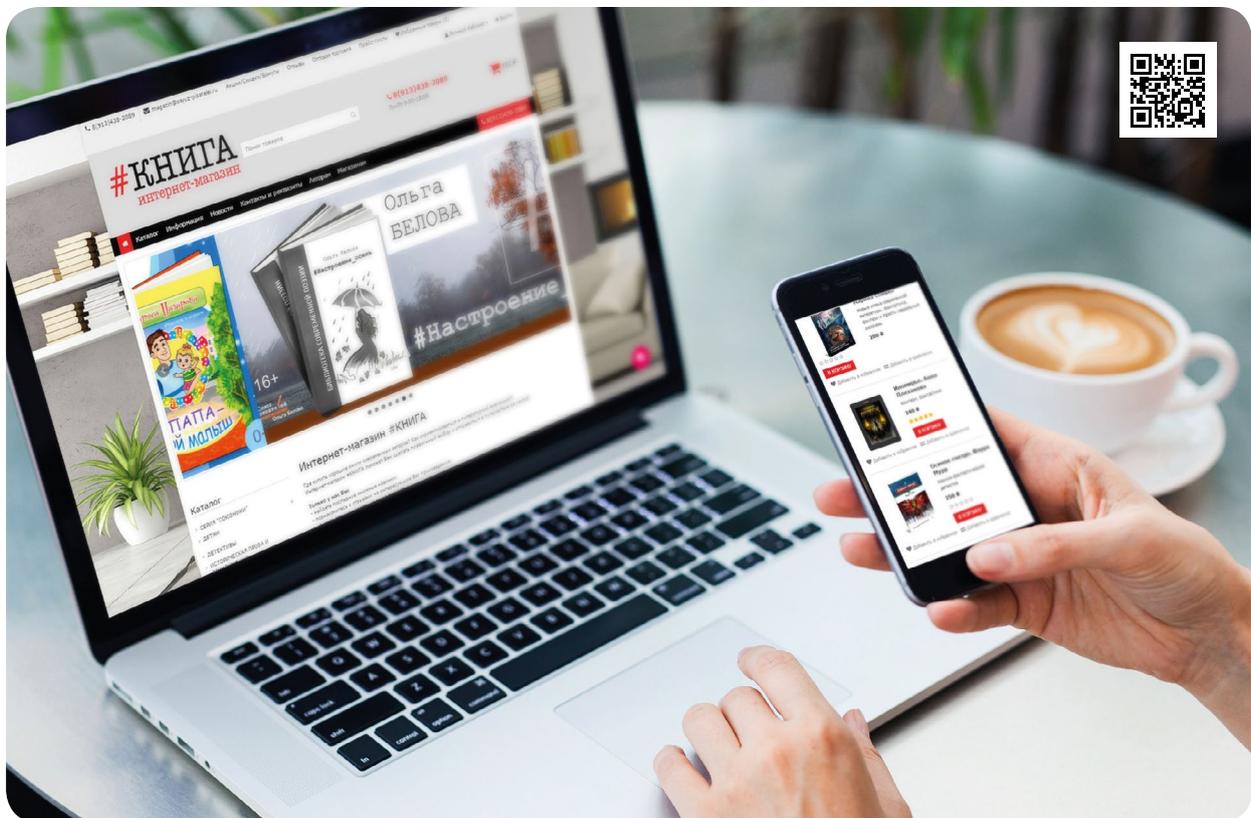
Книга состоит из двух частей. Первая представляет собой выводы, сделанные Александром Степановым по поводу современных адаптаций сюжета, а также общих тенденций в искусстве двадцать первого века. Многие из них заставляют всерьёз задуматься над моральным обликом общества, к которому принадлежит любой читатель. Подмена ценностей, нежелание замечать очевидное, любовь к сокращениям, вольные интерпретации и их главные проблемы – в зону авторского интереса попадает многое. Однако, чтобы понять, что же не так в осовременном «Аленьком цветочке» (в данном контексте название можно воспринимать как метафору), следует разобраться, что же изначально закладывалось в качестве

основы литературного произведения: «Что же значит этот волшебный цветок? А то, что он помогает людям обрести счастье в том случае, когда к нему прикасаются Красота, Доброта, Доверие, Мужество, Самопожертвование, Упорство и прочие, прочие идеалы русского духа. Воплощением их и являются главные персонажи сказки». Выделив главное, можно приступить к изучению, чем и занялся писатель, очень подробно излагая каждую свою мысль и поднимая ряд остроактуальных вопросов, имеющих не только литературное, но и социальное значение.

Вторая часть книги – попытка восстановить исконный сюжет культовой сказки, максимально приближённый к аксаковскому варианту, в переложении под сценический сценарий. Никаких модных веяний

и двойных стандартов. Ни намёка на попытки привлечь внимание с помощью экшна. Только вечные ценности и стремление объяснить, как устроен этот мир и что в действительности может его спасти. И тогда, если понимание между автором книги и его читателем будет достигнуто, если оно охватит достаточно большое количество людей, получится, что вопрос, поставленный в финале пьесы: «К чему нам волшебства сказочные, коли расцвела наша любовь, как вот этот цветочек аленький?», окажется риторическим, и ответ не потребует никаких доказательств и дополнительных объяснений, а посыл исконного произведения вновь взлетит на невероятную высоту, куда ни за что не забраться ни одной осовремененной и подогнанной под примитивные ожидания интерпретации.

Екатерина Кузнецова

#КНИГА | Интернет-магазин современной литературы

Ризома как структура романа «Улисс» Джеймса Джойса

*Ни одна птица не парит слишком высоко,
если парит на собственных крыльях*
У. Блейк, «Бракосочетание рая и ада»

Роман, который впервые вышел в свет в 1920 г., до сих пор будоражит умы как испытанных литературоведов, так и простых читателей. Полный отсылоч, цитат, явного и скрытого плагиата, литературных аллюзий на политическую и социальную жизнь своего времени, «Улисс» Джеймса Джойса представляет собой тезаурус и семантический лабиринт для исследователя человеческой мысли. «Дегустируя каждое слово, каждое предложение, каждую цитату, стиль каждого эпизода “Улисса”, отдавшись на волю этой словесной стихии, то обволакивающей, то завораживающей, то язвительно-насмешливой, то нагло-напористой, то пронзительно-нежной и застенчивой, читатель уже не думает о приключениях героев, которые занимали его в иных произведениях, он вдруг осознаёт, что само приключение языка в этом странном тексте занимает его гораздо больше сюжетного повествования» [6]. Вопрос об «Улиссе» – это прежде всего вопрос формы. Неудивительно, что этот роман появился на свет в начале двадцатого века, в период, когда рухнули столпы классической культуры и наступило разочарование в западноевропейской модели мышления. В эпоху, когда строгая сциентистская философия гуманизма и возвышенные идеи привели человека к Верденской мясорубке.

Зарождаются новые течения в западноевропейской культуре: дадаизм, модернизм, декаданс. Ставятся под вопрос даже научные устои, казавшиеся прежде продуктом ощущений, получаемых от данной

нам действительности. Пуанкаре формулирует принцип конвенционализма, Соссюр закладывает основы структурной лингвистики, а Джойс создаёт свой *magnum opus*, подводя тем самым итог всей истории литературы, выжимая из каждого жанра, каждой фразы всё, на что способна известная ему словесность. Язык облечён в знаковую структуру, но знаки становятся оторванными от вещей, язык обретает свободу. Или анархию?

Пройдёт ещё полвека, и Фуко скажет: «Отныне знак начинает что-либо означать лишь внутри познания; именно у него знак заимствует теперь свою достоверность или свою вероятность. И если бог ещё применяет знаки, чтобы говорить с нами через посредство природы, то он пользуется при этом нашим познанием и связями, которые устанавливаются между впечатлениями, чтобы утвердить в нашем уме отношение значения» [4]. Всё это приводит нас к мысли, что в связи с теми событиями (смерть автора, смерть читателя (Р. Барт), эпистемологический анархизм (П. Фейерабенд), концепция антиромана (В. В. Набоков, Ж.-П. Сартр), ризома и тело без органов (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), постструктурализм и постмодернизм), которые последовали после написания «Улисса» в философской и литературной среде вплоть до нашего времени, практически невозможно рассматривать этот роман с точки зрения классической литературы. Он полисемантичен и, как действительность, бесконечен в своих интерпретациях.

Для того чтобы попытаться по-новому взглянуть на данное произведение, мы используем метод, который, возможно, и не является оригинальным по своей сути, однако в процессе исследования такого экстраординарного предмета поможет нам открыть неизвестные стороны романа «Улисс».

Существуют произведения, написанные не для своего времени. Многие писатели, художники и философы, оставаясь до конца своих дней маргинальными мыслителями для современников, спустя столетия становятся владетелями умов и провозвестниками нового течения. Одним из таких визионеров и был великий ирландский писатель Джеймс Джойс. В данном случае этимологическую трактовку слова «визионер» мы возведём к интерпретации слова *visio*, которое мы находим в «Поэтиках Джойса». Для Умберто Эко это «понимание, всё то понимание, которое сосредоточивается на эстетических характеристиках объекта, а не какая-либо новая способность» [3]. Роман находится на пороге модернизма, при этом по своей сути это постмодернистское произведение.

Джойс инкорпорирует свой роман в ткань интертекстуальности через эклектичное сочетание тем и жанров [9]. «Улисс» – это своего рода пастиш гомеровской эпопеи. Автор местами просто издевается над заскоруждой и догматичной теорией литературы и классическими текстами, не оставляя без внимания и теологию. Улисс Джойса не гомеровский герой – хитрец и великий воин. Это универсальный персонаж, вобравший в себя все роли, которые доступны человеческой жизни. Основным инструментом, с помощью которого Джойс пролиферирует текст на тело человеческой культуры, инкрустируя в своё повествование схоластику, бульварную беллетристику и философские концепты, является ирония. «Подвижный характер иронии, способность к бесконечной перекодировке культурных текстов позволяет определить её

как средство реализации возможного бытия, ведь сама ироническая структура, как отмечает Е. А. Найман, – это «нефиксируемое скольжение необъединённого и недифференцируемого – пространства чистой открытости и вечной возможности», образом которого в постмодернизме стала ризома» [7].

Ризома для нас – это призма, через которую мы можем рассматривать «Улисса»; сама структура романа подталкивает нас к этому сопоставлению. Сетка романа, его различные планы, определённые в комментариях к роману Сергея Сергеевича Хоружего: гомеров план, сюжетный и реальный план, тематический план (идеи, содержащиеся в романе), а также дополнительные планы (цвет, символ) [1], – это своеобразные ключи, которые сам Джойс не желал давать в руки читателей, но их следует иметь в виду при прочтении романа. Автор хотел выбросить нас в это море гипертекста без «компас и карт»; с присущей ему безжалостной иронией Джойс говорит с нами, как с коллегами, пытаясь не оскорблять нас излишними (хотя для простого читателя необходимыми) разъяснениями. Автор «Улисса» ведёт с нами диалог на равных. Такой подход, как это ни странно, гораздо приятнее моралисткой проповеди старого графа, который в одном своём произведении призывает к христианским добродетелям, а в другом смакует казнь, живописуя «детское, доброе выражение», с которым смотрит отрубленная голова.

Всё это точки, срезающие поток сознания в, казалось бы, противоречивом повествовании, тела ризомы, которая, в свою очередь, «непрестанно соединяет семиотические звенья организации власти, обстоятельства, отсылающие к искусству, наукам или классовой борьбе. Семиотическое звено напоминает клубень, связывающий очень разные акты: лингвистические, но также перцептивные, мимические, жестуальные, когнитивные: не бывает ни языка в себе, ни универсальности языка (language),

но есть состязание диалектов, *patios*, жаргонов и специальных языков» [2].

Джойс прекрасно работает с мифом, филигранно вписав путешествие Улисса Гомера (российскому читателю больше знаком греческий вариант имени – Одиссей) в современный автору Дублин. Когда пошатнулись основы рационально-натуралистических догматов, вновь возник концепт мифа как способа объяснения реальности. Можно ли сказать, что Джойс продуцирует новый миф в контексте современного мышления? Полагаю, что да, однако в таком случае на сегодняшний день этот роман наиболее точно отражает нашу действительность. По А. Ф. Лосеву, «миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряжённая реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далёкая от всякой случайности и произвола» [5].

Дж. Джойс десакрализирует миф через трансгрессию, выводя его из магического регистра. Архитектоника романа представляет собой пролиферацию ризоматической сетки жанров, цитат и смыслов, спроецированную на один день из жизни Леопольда Блума, его жены Молли и Стивена Дедала путём инкорпорирования «Одиссеи» Гомера в обыденную жизнь Дублина.

Роман существует в пространстве гипертекста. Движение сюжета идёт через потоки интуитивного и трансцендентного, хтонических образов и тривиальных будней, срезаемых персонажами «Улисса», которые каждый раз продуцируют новый поток.

Дискретность повествования отодвигает сюжет на второй план, деконструируя бинарную оппозицию, оставляя читателя в пространстве эпистемологического анархизма Фейерабенда, где даже самые абсурдные теории равноположены верифицируемым и фальсифицируемым доктринам. «Улисс» рождается в момент перехода

от территориальности, где мир определён в границах ньютоны-картезианской парадигмы к детерриторизованности к принципу неопределённости. Больше нет императивного соотношения одной точки зрения или одного взгляда на мир.

Язык «Улисса» – это язык формы. Умберто Эко, исследуя «Улисса», говорил, что, следуя за очертанием формы, мы можем постичь предмет как взаимное равновесие, почувствовать «ритм его структуры». Таким образом, сюжет в романе лишь инструмент, посредством которого Джойс передаёт нам авторскую мысль в её «голом выражении» [6]. В потоке сознания нет иерархичной системы понятий, поэтому в её поэтическом выражении не может идти речи о нарративе в его классическом понимании и жёстких требованиях, постулируемых принципом мимезиса. Это в большей степени шизопоток. «У ризомы отсутствует стрежень, и корешки ризомы могут прорасти, ветвясь в любом направлении, и неожиданно исчезать. Быть ризоморфным – значит порождать стебли и волокна, которые кажутся корнями, или соединяться с ними, проникая в ствол с риском быть задействованными в новых странных формах» [8].

Взяв хтонические образы и архетипических персонажей человеческой культуры, Джойс вплетает их в сетку современности, дав им новую роль. Поэтическое мышление в такой логике смещает центр дискурса, выводя его к конвенционализму, ставя под вопрос истинность нашего восприятия мира. «Это эпопея незначительного, эпопея *bêtise*, эпопея неизбранного, поскольку мир – это как раз и есть всеохватный горизонт незначительных событий, связывающихся друг с другом в непрерывные конstellации, причём каждое является началом и концом некоего жизненного отношения, центром и периферией, первой причиной и последним следствием цепи встреч и противостояний, родства и раздора» [3].

Выделим, как нам кажется, основные точки сборки. Первое по хронологии – проблема догматов католической церкви.

Второе – противостояние личности и общества, или проблема самоидентичности. Третье – вопрос отца и сына; эта тема проходит через весь роман «красной нитью», переключаясь, таким образом, с христианской доктриной и одновременно отсылая к центральному плану – «Одиссее»: Телемах (Стивен) – Одиссей (Блум).

Джойс безжалостен ко всем мифам. Он естествоиспытатель, что холодным и точным инструментом иронии препарирует церковные догматы, в своём цитировании священных текстов доходя до крайних пределов богохульства. Вот, к примеру, как он переименовал никео-константинопольский символ веры: «Веруют во кнута-отца, шкуродера и творца ада на земле, и в Джека-Матроса, сына прохожего, его же зачала Мэри-шлюха от несытого брюха, рождённого для королевского флота, страдавшего под отбивною и дюжиной горячительного, бичёванного, измордованного, и завывавшего аки зверь, и восставшего с койки на третий день по предписаниям, и пришедшего в порт и воссевшего на своей драной заднице, покуда не отдадут приказ и не потрохают он опять вкалывать ради куска хлеба». Что мы здесь видим? С одной стороны, это крайне вульгарный пересказ христианской доктрины, с другой – это пощёчина Джойса не только религии, но и своему бывшему другу Оливеру Гогарти, который стал прототипом Быка Малигана, из чьих уст мы и слышим подобный пассаж.

Но было бы наивно полагать, что Джойс ограничится пошлой пародией на церковь. Философско-поэтический конструкт «Улисса», помимо прочего, – это своего рода оммаж Фоме Аквинскому. Не будем вдаваться в подробности, так как это тема не одной докторской диссертации. В качестве примера мы возьмём один концепт, который согласуется с темой нашего исследования, а именно «consonantia». Выше мы говорили об различных элементах повествования, его многоплановости, полисемантике, однако воспринимать «Улисса» необходимо только как связный текст,

этого требует и концепт ризомы, которая включает в себя разнородные, а иногда и противоречивые элементы, но всё же остаётся единым целым. «Иными словами, за синтезом непосредственного чувственного восприятия следует анализ постижения. Почувствовав вначале, что это нечто одно, чувствуешь затем, что это – одно нечто. Постигаешь его как сложное, многосоставное, членимое, делимое, сложенное из частей, как результат и сумма этих частей, как нечто гармоничное. Это и есть consonantia» [3].

Леопольд Блум и Стивен Дедал – это «отверженные» Дублина. Блум – еврей, и в данной ситуации этот факт обостряет его роль как странника. Его отчуждённость показывает нам, что в современном мире Одиссей не смог бы стать героем; свободный ум, так или иначе, должен принадлежать какому-то классу, нации. Одиночество Блума и его острое отцовское чувство позволяет нам до известной степени отождествить его с образом триединого творца. Блум находит сына в Стивене, персонажа последнего Джойс раскрывает в другом своём произведении – «Портрет художника в юности». Стивен так же «заброшен» в мир.

Роман заканчивается монологом Молли Блум, где любопытный читатель может найти ответы на некоторые сюжетные лакуны. Последняя глава – самый трудный для прочтения элемент. Монолог дан сплошным текстом без абзацев и пунктуации. Это монолог женщины, а женщина по природе «incalculable». В схеме «Улисса», составленной Стюартом Гилбертом, где каждая глава замкнута в определённые временные рамки (с 8 утра 16 июня до 2 часов ночи 17 июня), напротив заключительной главы – «Пенелопа» – стоит символ бесконечности. Что это может означать? Как нам кажется, в данном случае роман не заканчивается на «Пенелопе», он по-прежнему структурирован, но границы его уходят в «категорематическую бесконечность». «Улисс» превращается в на-

стоящее ризоматическое пространство для неограниченного количества интерпретаций. «Принцип множественности: именно тогда, когда многое действительно рассматривается как субстантив – множество, или множественность, – нет более никакого отношения с Одним как с субъектом или объектом, как с природной или духовной реальностью, как с образом и миром. Множества ризоматичны, они изобличают древовидные псевдомножества» [2].

В итоге мы видим, что метод, избранный нами для анализа романа Джеймса

Джойса «Улисс», привёл нас к более полному пониманию архитектоники романа, данный взгляд на произведения открывает его как свободное сознание, наполненное связанными точками пространство потоков и срезов. Детерриторизированное тело, в котором заключена манифестация будущей эпохи постмодернизма, гипертекста, иронии и свободы мировосприятия. Можно говорить о философско-поэтическом анархизме. «Улисс» открывает новое пространство, вырвавшись за границы феноменального мира.

Вадим Качановский

Список литературы

1. Джойс, Дж. Улисс (с комментариями С. С. Хоружего).
2. Делёз, Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. Тысяча плато.
3. Эко, У. Поэтики Джойса.
4. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.
5. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа.
6. Гениева, Е. Ю. «Улисс» Джеймса Джойса как гипертекст / Е. Ю. Гениева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 11.
7. Медведева, Т. А. Трансформация значений иронического при переходе от модерна к постмодерну / Т. А. Медведева // Известия ТПУ. – 2013. – № 6.
8. Синельникова, Л. Н. Ризома и дискурс интермедиальности / Л. Н. Синельникова // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2017. – № 4.
9. Шервашидзе, В. В. Интертекстуальная игра в романе Д. Джойса «Улисс» / В. В. Шервашидзе, М. А. Семькина // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». – 2016. – № 3.

Канал Гоголевки на YouTube: История создания и краеведческий видеоконтент

В начале XXI века многие библиотеки начали использовать сервис YouTube. ЦГБ им. Н. В. Гоголя г. Новокузнецка завела аккаунт на видеохостинге в 2013 году (11 июня загружено первое видео), но использовала в то время только функции добавления и просмотра, встраивания на сайт и комментирования. Только в 2016 году появился по-настоящему официальный аккаунт – полноценный библиотечный видеоканал, созданием, настройкой и оформлением которого занимались Кристина Мацкевич (Морозова) и Елена Протопопова.

Первое видео на канал было загружено 23 марта 2016 года – «Видеоурок. Печать читательского билета». Именно тогда аккаунт обрёл все необходимые для эффективного продвижения библиотечных ресурсов атрибуты: появились иллюстративные элементы (заставки, логотипы, собственные картинки), трейлеры, плейлисты (позволяющие объединять контент по темам), тэги (ключевые слова), описания плейлистов и ресурсов (аннотации). Случались даже раскадровки видеосюжетов с подробным описанием видео по минутам (составление оглавления). С этого момента активизировался и сервис распространения роликов в социальных сетях («поделиться»).

С 2019 года через видеоканал стали проводиться прямые эфиры: первая онлайн-конференция «Стратегии продвижения достижений культуры и образования в эпоху пост-ПК» прошла 28 февраля 2019 года к 90-летию нашей библиотеки, её посмотрело около 600 человек.

На 27 мая 2020 года аккаунт МБУ «МИБС» содержит 480 видео (если раз-

делить на 4 года, получится 120 роликов в год), у нас 166 подписчиков. Ежемесячное количество просмотров видеоконтента составляет более 2 500, за последние 365 дней – 28 962 раза.

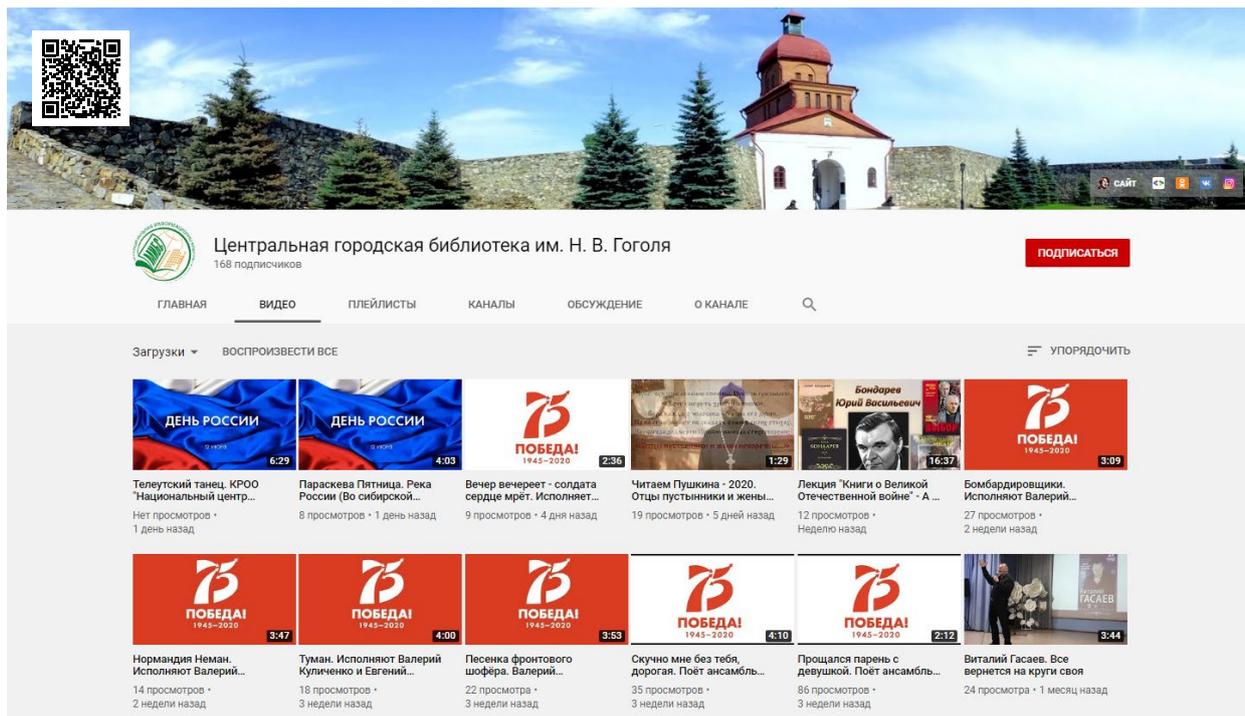
Плейлисты – их у нас одиннадцать – позволяют систематизировать краеведческий и профессиональный контент по названиям проектов и по темам.

Остановимся на плейлистах, систематизирующих краеведческий контент.

Первый плейлист нашего аккаунта был создан 9 мая 2016 года (дата загрузки трейлера проекта) и предназначен для видеоматериалов проекта «Творим историю вместе». За 4 года в нём накоплено больше всего видеоконтента: 332 ролика, большая часть их которых создана самой библиотекой. Это краеведческий контент, который аккумулирует видеоинформацию о знаменитых горожанах и о мероприятиях проекта. Ежемесячно данные ресурсы просматриваются до 1 000 раз.

С этим плейлистом пересекается и видеоканал проекта «Родина Кузбасс: 300 лет в истории России» (24 видео), который отличается от вышеупомянутого только тем, что мероприятия проекта посвящены знаменитым кузбассовцам и их достижениям. Сюда же можно отнести и плейлист проекта «Поём Победу» (19 видео), где размещаются музыкальные ролики героев вышеперечисленных краеведческих проектов.

Второй по популярности плейлист систематизирует видеолекции онлайн-проекта «Живое слово» (32 видео, до 300 просмотров ежемесячно). Проект говорит о русской литературе и её шедеврах голо-

сами известных новокузнецких филологов и литературных критиков, побывавших в гостях у библиотеки. С 2017 года к проекту в качестве лекторов присоединились учёные-краеведы.

Плейлист проекта «Смотрю город» (35 видео, до 1000 просмотров) открыт в преддверии 400-летия Новокузнецка, в нём собраны видеоматериалы и фильмы о городе.

Есть ещё плейлист «ВидеоЛекторий». Его задача – сделать доступней передовые достижения библиотечного дела и библиографии. И хотя здесь всего 10 видеокладов, один из них, посвящённый ГОСТу Р 7.0.100-2018, имеет более 2000 просмотров.

Чтобы понять, каким же контентом нужно наполнять библиотечный видеоканал, важно анализировать популярность представленных на нём ресурсов. Обратившись к статистике канала за май, увидим самые просматриваемые видео. Среди них есть ресурсы проектов «Живое слово» и «Поём Победу».

Обратимся к статистике за год. Пропустив краеведческие ресурсы, которые только представлены на канале библиотеки,

но нами не созданы, увидим, что особую привлекательность имеют ресурсы, освещающие тренды библиотечной профессии: «Обсуждаем ГОСТ Р 7.0.100-2018. Новые правила библиографического описания статей и книг» и «ГОСТ Р 7.0.100-2018 MARC21. Электронные ресурсы».

Чем основательней библиотекари будут подходить к освоению новых инструментов для работы в виртуальном пространстве, тем результативнее будет работа библиотеки по продвижению книги, чтения, а главное – краеведения в сети.

Сегодня видеоканал Гоголевки на платформе YouTube уже является эффективным инструментом для демонстрации библиотечных услуг, достижений библиотеки и повышения её имиджа, а в конечном итоге – привлечения виртуальных и реальных пользователей. Ведь виртуальные гости, посмотрев видеоотчёт краеведческого или литературного мероприятия, могут заинтересоваться им и прийти в библиотеку на следующую встречу проекта.

***Заходите на видеоканал Гоголевки!
Мы работаем для вас!***

Е. Э. Протопопова, гл. спец. по библиотечному маркетингу, член Союза журналистов РФ

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Тайм-менеджмент, или Будильник для писателя

Я ничего не успеваю. Как совместить творчество и семью? Мне не хватает 24 часов в сутках. Можно ли заставить себя не отвлекаться от работы? У меня практически нет выходных.

У вас регулярно возникают подобные мысли? Вы хватаетесь за голову, прячась от надвигающегося дедлайна? Звонок или письмо (уже легче) редактора застаёт вас врасплох, хотя вы точно знаете, что все сроки сдачи материала уже давно прошли?

Что делать? Взять пульт управления в свои собственные творческие руки! Мы не можем затормозить или ускорить время, но вполне в состоянии использовать его с максимальной эффективностью.

Тайм-менеджмент даёт прекрасную возможность упорядочить рабочее и личное время в течение дня, недели или месяца, чтобы успевать всё задуманное и запланированное, не отвлекаясь на посторонние задачи и проекты.

Начинаем управлять временем!

НРАВИТСЯ / НЕ НРАВИТСЯ

✓ У вас есть дела, которые вы выполняете с удовольствием? Например, я пишу эту статью, практически не отвлекаясь ни на что, потому что это процесс создания материала, в котором совмещается моя любимая психология и не менее любимое сочинение текстов. Наверняка и вы можете назвать такие дела.

Составьте их список. Кстати, эти действия вы, скорее всего, практически всегда выполняете вовремя. **Временно отложите этот список в сторону.**

✓ А какие повседневные, постоянные действия вызывают у вас желание избежать их выполнения под любым предлогом, делегировать кому-то, отложить на неопределённое потом, а лучше навсегда?

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

Именно эти действия съедают наше время, а его и так катастрофически не хватает. Например, я не люблю заполнять анкеты для творческих конкурсов, мне лень писать одно и то же в разном формате. Иногда из-за этого я пропускаю какие-то мероприятия (а жаль).

Выпишите свои нелюбимые действия, только будьте честны перед самим собой.

Поработайте со вторым списком:

1. Засеките время, которое вы тратите на нелюбимое действие.
2. Проанализируйте причины неприязни или стойкого сопротивления.
3. Попробуйте устранить причины. Я, например, составила несколько разных шаблонов анкет и теперь выбираю подходящий.

4. Ещё раз выполните то же самое действие и посчитайте, сколько времени вы сэкономили. *Получилось?*

ПЛАНИРОВАНИЕ

✓ Записывайте свои планы, а не держите их в голове, надеясь на прекрасную память. Вариантов фиксирования множество: ежедневник, планировщик в телефоне, стикеры на компьютер или холодильник. ☞ *Так вы точно не забудете написать аннотацию к роману или текст для участия в писательском марафоне. Мне, например, удобно пользоваться стикерами.*

✓ Сделайте планирование таким же постоянным действием, как ваши обязательные две/пять/семь тысяч печатных знаков в день. ☞ *Вам не придётся вспоминать, что ещё нужно было сделать к концу недели.*

✓ Разбивайте большие задачи на более мелкие. Написать роман или даже повесть – это, безусловно, глобальный план, на выполнение которого, скорее всего, уйдёт не один месяц. Оцените свою скорость, степень заинтересованности в результате, время, которое вы можете выделить на выполнение данной задачи, и распишите план действий. ☞ *Вы сможете избежать откладывания на завтра и разочарования от невыполнения плана.*

АНАЛИЗ

✓ Оглянитесь назад: на месяц, неделю или вчерашний день. Вам нравится результат ваших усилий? ☞ *Увиденный положительный итог придаст сил и творческой энергии.*

✓ Проанализируйте успехи и неудачи. Подумайте, как можно исправить то, что не получилось. Возможно, вы заложили мало времени на написание текста. Работали в неудобное время или отвлекались на социальные сети (точно не отвлекались?). ☞ *Время, потраченное на анализ, позволит сэкономить ваши усилия в будущем.*

✓ Придумайте свои собственные правила выполнения действия, даже если они радикально отличаются от предложенных

кем-то авторитетным. ☞ *Приняв свою систему координат, вы перестанете тратить время на поиски чужой.*

ОТДЫХ

✓ Ваш творческий мозг кипит, вы путаете имена героев и искренне не понимаете, почему новые идеи обходят вас стороной? Ну вы же не робот, а всего лишь начинающий или уже успешный поэт, прозаик или драматург. Запланируйте и внесите в список своих дел отдых: день, пару часов или просто пятнадцатиминутную перемену. Помните, как здорово между уроками вырваться из душного класса в коридор? ☞ *Запланированная передышка даст вам силы и уверенность в том, что вы не прогуливаете, а пользуетесь заслуженным правом.*

✓ Помните про список любимых занятий? Выбирайте любое и смакуйте его. Ощущение удовлетворённости не заставит себя ждать. ☞ *Получите сразу два приза: отдохнёте от рутины и положите в творческую копилку новое стихотворение, мини-рассказ или статью в блог.*

✓ Поставьте будильник на определённое время или воспользуйтесь любой подходящей программой в телефоне. Отложите телефон в сторону, чтобы не смотреть по минутно на таймер. ☞ *Вы увидите, как приятно откинуться в кресле и поставить на паузу диалог главных героев. Персонажи не отпускают? Договоритесь с ними.*

НАГРАЖДЕНИЕ

Получилось составить план на неделю? Выполнили большую часть из запланированного на день? Потеря времени оказалась минимальной или хотя бы в два раза меньше, чем раньше? Любой успех требует похвалы или награды. Не скупитесь сделать себе приятное или попросите близких поучаствовать в этом замечательном процессе. Обещаю, вам понравится!

Друзья! Уверена, у каждого из вас есть свои фишки управления временем! Поделитесь ими в отзывах к журналу!

Уточка Лиза

Уточка Лиза выделялась на фоне других не только своей внешностью, но и определённо кокетливым характером. В разговоре с селезнем Григорием она не стеснялась упомянуть, как в прошлый вторник некий Филипп водил её в театр, но прежде дарил розы и кормил в дорогом ресторане у пруда. Вообще, для Лизы социальный статус и финансовые вложения в отношения со стороны партнёра всегда являлись приоритетом и поводом для гордости в кругу подруг. Завистливые взгляды приятельниц, их безнадежные вздохи, вероятно, питали Лизу какой-то женской энергетикой и явно доставляли ей удовольствие. Но однажды Лиза встретила моториста Серёжу.

Сергей был селезень волевой и решительный, однако пьющий. Но в его юные годы лёгкое амбре и хулиганисто торчащие в разные стороны перья придавали ему вид лихой и крайне пикантный. С уточками он особо не церемонился, заходил на бреющем полёте, пуская фейерверк брызг, и приступал непосредственно к делу. Распушал перья, хорохорился и плавал за выбранной уточкой. Однажды он пустил брызги рядом с Лизой. Лизет, привычно скрутив хвост в дымовую трубу, вильнула, оставив Серёжу в кильватере.

– Прекрасная погода, девчуля!

– Возможно. Однако в прошлом году я была в это время в Монте-Карло с одним

сотрудником из министерства. И, смею заметить, осень там мягче и ярче.

Серёжа на минуту растерялся от такого пассажира. Но, осознав, что местонахождение Монте-Карло ему неизвестно, решил, что это озеро поблизости, пришёл в себя и продолжил по отработанной схеме.

– Откуда такая красотоуля и в нашем водоёме?

Лизонька покосила глазки на нового дыхателя и резко свернула в сторону. Серёжа болтал своими ластами позади, стараясь сохранить бравый, по его мнению, вид.

– Может, прошвырнёмся по бережку? В дальнем ивняке есть зачётные места.

– Не знаю, что вы там себе надумали, молодой человек, но по дальним ивнякам я с незнакомыми селезнями не гуляю. Да и вообще – дальний ивняк?! Это фу!

Однако Лиза опять искоса взглянула на этого шустрого и решительного малого. Если бы Сергей имел чуть более тонкую душевную структуру и хотя бы в общих чертах представлял, что такое эмпатия, этикет и такт, то он бы, конечно, смутился. Но, к счастью для нашей истории, Сергей обладал лишь навыками моториста и пёр вперёд на полных парах.

– Не, ну не хочешь в ивняк, давай где-нибудь ещё затусим!

– В прошлый четверг Марсель водил меня в «Чёрный лебедь». Там подают отличное фуа-гра. Вы любите фуа-гра? – попыталась посадить в лужу своего кавалера Лизонька.

Но Сергей не заметил вопроса, так как активно в брачном танце надувал зоб и раздувал перья на груди. Глянцевый блеск ходил по перьям, переливался на шее, и внешне моторист Сергей выглядел архивнушительно.

Стоит заметить, что Лиза с малых лет мечтала о истинной любви. Но в процессе обрастания социальными связями и знакомствами с общественными штампами, понятие «любовь» в сознании Лизоньки деформировалось в понятия «стабильность» и «обеспеченность». Тем не менее

где-то на глубинном уровне у неё осталось представление об истинных чувствах. Этот атавизм долгие годы спал и не напоминал о себе. Он не напоминал о себе, когда первая подруга вышла замуж и снесла первое яйцо («Дура! Что она в нём нашла?»). Не напоминал он о себе и тогда, когда Филипп катал её на катере, а она только и думала, как бы удачнее сложить губки уточкой, чтобы, увидев это селфи в инсте, все подруги и фолловеры умерли от зависти. Прямо скажем, жизнь для Лизы была ясна и понятна. Иерархия ценностей чётко выстроилась в её сознании... До сегодняшнего дня!

Ох уж эти перья! Ох уж эти зазывные переливы! А как он дует свой зоб! Нет, это не физика чувств, не химия, а настоящая алхимия. Что-то совсем сакральное и непонятное. Потом она будет оправдывать свою слабость его мужской силой, харизмой и неординарностью, а сегодня ей просто снесло башку. И никакие гуси-лебеди ей были не нужны. А Сергей, почувствовав (нет, не умом, а инстинктом), как мозг «девчули» стал мягким маргарином, повёл её путём, одному ему лишь ведомым.

И были песни, и гитара, и ивняк, и ночи, полные какого-то весёлого безумства. Ей очень хотелось быть с ним, а ему просто хотелось, и это их сближало. И, как пелось в песне, «это лето кастаньет на лазурном побережье...»

А потом пришла осень. И в один прекрасный день на пруд вышла Лизонька, а за ней ещё семеро маленьких утят с такими же красными, как у мамы, губами и кривыми, как у Сергея, клювами. А на другом берегу пруда Сергей браво надувал зоб в кильватере уже другой уточки, но пел те же песни и звал всё в тот же дальний ивняк.

Филипп и Георгий, увидев Лизоньку, не сразу обратили на неё внимание. Вместо яркой уточки, которая знала, как именно себя преподнести, селезни увидели лишь скучное, усталое создание. Они разошлись в разные стороны, уступая выводку дорогу...

Страница автора
vk.com/id12466011

Инна Андрианова

Калининград

*Но кто мы и откуда,
Когда от этих лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет...*
Борис Пастернак

Порой осеннего заката
Вам не казалось, что когда-то
Всё уже было? Пел гобой
Для ветра, неба и луны...
На мне был шарфик голубой...
Быть может, это были сны?
Но нет! Я помню старый дом,
Тропинку, пруд, заросший сад.
В луче последнем золотом
Ваш силуэт. Несмелый взгляд
Любви покорной. Что потом?
Сквозила, выюжила зима:
Деревья падали, дома
Крошились, словно из песка
Слепили их, и гнёт-тоска
Легла на грудь... Издалека

Вы протянули руку мне
В крошечной мгле, погасшем дне...
...Потом роскошная весна
Лишила разума и сна.
И я забыла про гобой,
А шарфик светло-голубой
Я потеряла. И тогда
Скатилась падшая звезда
По гладкой скатерти небес.
Вздыхая, вздрогнул синий лес...
...И длилась, длилась маета,
Свивались в чёрный все цвета,
И я была уже не та...

.....
Скамейка. Листик золотой
Парит, парит передо мной.
Закат осенний тих и скор,
И кажется мне до сих пор:
Всё уже было. Старый сад,
Вели два сердца разговор...
...И в отдаленье пел гобой,
И падал шарфик голубой...

Века уходят в Лету.
Родник пробился где-то.
Спел жаворонок лету
Заветную мечту.
Звенит кузнечик. Это
Подсказки для поэта,
Который тянет к свету
Земную маету...

Перед рассветом тишь.
Солнца вынырнул луч:
Утро на острие...
Ты хорошо молчишь,
Смутой себя не мучь:
Сердце на острие...
Лёгкого дня не жди.
Бабочка на цветке –
Словно на острие...
Камень страстей в груди.
Рыбина на крючке.
Больно на острие...

Влюбиться и улететь

*События рассказа вымышлены,
совпадения случайны*

Карелин был из тех, кому лучшее в жизни махнуло рукой на прощанье позавчера. Сейчас ему за пятьдесят. Позади полёты на транспортных самолётах, болезнь жены-одноклассницы, которая увела её. Двое сыновей устремились в послезавтра с непонятным ускорением. А подумать, взвесить? Хотя у самого на принятие решения порой уходили доли секунды. Друзей мало, все бывшие лётчики. Живёт одиноко по давно заведённому порядку: ранний подъём, зарядка, мало еды, много движения, внешних впечатлений. Именно внешних: внутри всё будто замёрзло.

Сейчас раннее утро выходного для других дня. Карелин сидит в любимом кресле с чашкой кофе на подлокотнике и рассматривает старые фотографии. В дверь звонят. Странно: на сегодня договорённостей не было. В квартиру протискивается Степаныч.

– Слышь, Карел, идея есть – поёт он, отхлёбывая остатки кофе. – Пожевать, конечно, нечего. Прогуляемся в «Крымские чебуреки», обсудим?

Сказано – сделано. Друзья заказывают чебуреки, светлое пиво. В ожидании Карелин кладёт подбородок в ладонь, приготовившись слушать.

Мимо проходят две женщины: одна – седая, стройная немолодая дама – строго смотрит прямо перед собой; другая – юная – восторженно щебечет:

– Ба! Весна! Влюбиться хочется! Драйва нет. Влюбиться и умереть!

– Слышал? В точку! – замечает в сторону Карелина Степаныч.

– Ну это не для меня, – разочарованно и чётко проговаривает Карелин.

– Да я не об этом. Недалеко от города, как ты знаешь, заброшенный аэродром. А в военном городке – списанные самолёты. Вспомни, в училище: взлёт, круг, посадка. Бросим клич среди своих, поставим пару аппаратов на крыло, договоримся с кем надо и будем катать желающих драйва – взлёт, круг (или два-три), посадка – по билетам. Деньги смешные возьмём. Но небо – оно всегда небо. Посчитаем всё. Ты Кольку своего привлекли, он тебе преподнесёт всё в лучшем виде. Они, молодые, здорово считают и нос по ветру держат.

Приносят еду. Карелин медленно жуёт, размышляя.

Между тем седая сероглазая дама, слушающая болтовню любимой внучки, боковым зрением «срисовывает» руку, на которую опирается подбородок Карелина. Рука принадлежит человеку мужественному. Когда-то и её оберегали от невзгод такие вот руки. Всё в прошлом. Вдова со стажем. Внучки выросли. Полоса последних препятствий. Как Анюта сказала? Влюбиться и умереть. Но умирать зачем же? Влюбиться и улететь. Тьфу! Весна гнильцой отдаёт.

Прошло три месяца.

Лето выдалось непривычно сухим и приятно жарким. Анна Николаевна всегда любила проводить это время года на крохотной старенькой дачке: зелень, отсутствие благ цивилизации – тоже драйв, но сейчас всё раздражает: клубника-морковка, пыль, мошки, болтовня соседки Глаши – монотонное существование. В пояснице кольнуло при наклоне. Ну вот ещё!

Анна Николаевна присаживается на ступеньку и с наслаждением пьёт травяной чай. Рядом лежит забытая соседкой газета. Анна Николаевна лениво водит глазами по строчкам. И вдруг – объявление: «Желающих испытать себя в полёте приглашаем на...ский аэродром. Цена билета... Доехать можно...» А что? Стоит попробовать.

Через полчаса изумлённая Глаша наблюдает, как подруга по даче, разбросав

орудия труда, переодевшись, уносится к автобусной остановке. Её мобильник недоступен.

На аэродром Анна Николаевна прибывает в обеденное время. Желających летать мало. Остальные предпочли загорать. Встречает её темноглазый, подтянутый, немолодой лётчик. Она сразу узнает его руки.

Он замечает растерянность.

– Извините. Я сейчас один, но, если не боитесь и хотите сидеть рядом, готов нарушить инструкцию, – улыбается он.

Она согласно кивает. Самолёт кажется маленьким, да она и не разбирается в них.

– Познакомимся. Так положено. Александр Алексеевич Карелин, подполковник. Все необходимые документы есть. Хотите взглянуть?

Она быстро отрицательно покачивает головой и заказывает два круга.

Самолёт взлетает не так плавно, как пассажирский лайнер. Впереди, расширяясь, сверкает небо. Сердце падает. Выходят на круг: один, второй. Карелин поглядывает в сторону пассажирки, и вдруг самолёт резко идёт вверх. В наушниках матерится диспетчер. (Да, друзья всё сделали по правилам, но сейчас он, Карелин, прошедший огонь и воду, почему-то их нарушал.)

Самолёт выравнивается.

– А можно мне? – тихо спрашивает Анна Николаевна.

Самолёт идёт по кругу. Крепкие руки Карелина обхватывают её кулачки и руководят ими. Какое-то незамеченное ею движение – и самолёт резко, почти падая, устремляется вниз. Сердце женщины стучит где-то в горле, но внешне она спокойна. В голове мелькает мысль: «Да, действительно здорово – влюбиться и улететь...»

Рекомендуем книгу автора

МНОГОТОЧИЕ

Сборник стихотворений

В творчестве Инны Андриановой доминирует философская лирика – автору вслед за Пастернаком во всём «хочется дойти до самой сути». Ведь жизнь на каждом своём этапе расставляет бесконечные многоточия, за которыми таятся разные варианты смыслов и, возможно, варианты человеческого пути. Вовремя остановиться и задать вопросы окружающему миру – вот задача художника. Зафиксировать бытие в удачном ракурсе и передать эти картины воспринимающим, поделиться ими через себя, как через одно из зеркал Вселенной.

Кол-во страниц: 68

Переплёт: твёрдый

Формат: 140x180

Сергей Москвитин

Ленск, Республика Саха

Сюрприз

Виктор познакомился с Елизаветой уже в зрелом возрасте, вскоре после того, как ему исполнилось сорок лет.

Новое слово «сорок» в обозначении возраста пугало его и вызывало странный ассоциативный ряд: вышел срок, рок, сороковины, сорока-воровка, сорокоуст...

Разочарование от двух неудачных браков было настолько сильным, что он целых три года холостяковал, приходил в себя, отдыхая от ссор и нервотрёпок. Приятели советовали ему: «Иди в кабак, развейся. Бабы одинокие специально идут в ресторан, чтобы найти себе мужика! Сними себе какую-нибудь на ночь!» Но Виктор не мог переступить через себя: ему претило «снимать» женщину для разовых встреч, не говоря уже о том, чтобы искать спутницу жизни по ресторанам среди тех, кто «снимается».

И в то же время жить одному было совсем нелегко. Человек, рассуждал он, видимо, так устроен: в нём глубоко-глубоко сидит неизбежная, неистребимая потребность любить, дарить себя, заботиться о ком-нибудь. Будучи журналистом, Виктор часто

засиживался до глубокой ночи за компьютером над очередным очерком или статьёй. Работа отвлекала и спасала от одиночества не всегда. Иногда приступы тоски накатывали на него безумными волнами, от одиночества хотелось выть, подобно вурдалаку, на далёкую, недостижимую, как счастье, луну. В такие минуты рождались особенно пронзительные стихотворные строки:

*Ночь сдавила мою квартиру,
Запечатала темнотой.
Полумесяц свою секиру
Еле тащит сквозь мрак густой.*

*Ветер лезет упрямо в щели –
Подвывающий жалкий пёс.
Как в квартире, в постылом теле
Неуютно душе до слёз.*

*Этот натиск не сбить, не сбавить
И убежища не сыскать.
Сатанинскую ночью правят
Одиночество и тоска...*

Стихи Виктор начал писать в студенческие годы. Время от времени на него находило сверху волшебное чувство вдохновения, он про всё забывал, хватался за перо и увлечённо писал, писал, выплёскивая светлые или горькие чувства на бумагу. Светлые стихи приносили чувство удовлетворения и радости творчества, а горькие дарили облегчение.

Однажды после очередной безумной волны тоски на Виктора навалилась жесточайшая депрессия.

«Что ты собой представляешь? – спрашивал он себя, глядя в зеркало. – Неудачник! Сорок лет жизни профукал, а что в активе? Три поэтических книжки – и больше ничего. Один в четырёх стенах. Никому не нужен. Любимые дети – за сотни километров...»

С зеркала на Виктора смотрел помятый жизнью мужик с бледным усталым лицом, тёмными подглазьями и редкой шевелюрой. Так и хотелось заехать что есть силы кулаком в ненавистную морду.

Одиночество было нестерпимым. Именно в такой момент в холостяцкую берлогу к Виктору заглянул на огонёк его приятель Семён – частный предприниматель, который занимался оформительскими работами. Виктор в шутку называл его «господином оформителем».

Семён, симпатичный мужчина с правильными чертами лица, спокойный и рассудительный, за свои 33 года не успел побыть ни в одном браке, но сильно по этому поводу не переживал. Он искренне верил в Бога, почитал Библию и наивно рассуждал, что, если Господу будет угодно, тот пошлёт ему невесту.

Виктор гостю обрадовался, усадил приятеля пить чай и, не удержавшись, выплакался ему в жилетку. Рассказал, как ему невыносимо одиноко жить одному, больше он так не может, сходит с ума от тоски.

В ответ на это Семён неожиданно предложил:

– А ты обратись к Богу...

Ну да, а что ещё мог предложить человек, который искренне верит в Бога? С его стороны это был вполне логичный ответ. Но для Виктора, Фомы неверующего, это предложение было настолько неожиданным, что он растерялся.

Виктор в Бога не верил. Потому-то и написал однажды богохульные строки: «Я не верю в Бога бескорыстно: мне не нужен ваш загробный рай...»

Виктор в Бога не верил, но жизнь так скрутила его неудачами в личной жизни и тоскливым, душераздирающим одиночеством; настолько в душе было погано и безысходно, что, когда Семён ушёл, он рухнул на колени и, рыдая, в первый раз в жизни обратился к Богу.

Он просил его искренне, всей душой, со спазмами в горле, заламывая руки. Это была скорее истерика, а не молитва. Слезы лились по его лицу, обращённому к небесам. Почти воя, он просил у Бога любви. Он просил у Бога женщину, которая войдёт в его жизнь и вытеснит собой постылую пустоту и безудержную тоску одиночества.

Он просил у Бога женщину, которой будет дарить всю свою любовь...

После рыданий и слёз пришло облегчение. От тоски и депрессии осталась лишь лёгкая грусть, а острая безысходность сменилась на врачующую душу надежду.

Бог услышал его молитвы.

Через семь дней в жизнь Виктора вошла Елизавета.

Они познакомились случайно – обычная встреча по работе. Разговорились. Виктор, набравшись храбрости, пригласил Елизавету на первое свидание, в свою холостяцкую квартиру.

Лиза не строила из себя недотрогу, но вела себя несколько скованно. Рассказала о себе. Ей тридцать пять, три года как развелась с мужем. Супруг несколько раз зверски избивал её. До полусмерти. До реанимационного отделения. Когда это случилось в последний раз, испугался, что попадёт в тюрьму, и позорно сбежал на Дальний Восток, к родителям. Когда Лиза выписалась из больницы, подала на развод...

Лиза сказала, что у неё двое детей. Выяснилось, что их дети почти одного возраста: дочь на год старше его дочери, а сыновья родились в один год и в одном месяце с разницей в несколько дней.

Лиза была ухоженной красавицей небольшого роста, с ладной фигуркой, карими глазами и короткой стрижкой. Виктору показалось – или это на самом деле было так? – что от глаз её струится какое-то особое, нежное очарование.

Психологические и физические раны, нанесённые бывшим мужем, Лиза залечивала долго. На алименты решила не подавать, сама тянула двоих детей.

Виктор рассказал о себе, показал фотоальбомы, коллекцию книг, начал читать стихи...

Виктор был настолько наэлектризован желанием любить, что мог взорваться от любой искорки. Наверное, Лиза почувствовала это. Что-то смутило её, и она засобиравалась домой. Но у двери Виктор всё-таки поцеловал её...

Весь под впечатлением от их первой встречи, Виктор не смог заснуть ночью. И написал первое стихотворение, посвящённое Елизавете. Строчки словно бы сами спускались к нему с космической высоты:

*Мне тебя небеса нашептали,
Мне тебя подарила судьба.
Видно, в небо на крыльях печали
И тоски долетела мольба.*

*Я тебя испросил на коленях,
Когда было совсем уж невмочь.
Словно чудо – твоё появленье
И такая бессонная ночь...*

За первым свиданием последовало второе, за вторым – третье. Они стали встречаться регулярно, раз в неделю. Виктор звонил Лизе каждый день, читал ей всё новые и новые стихи по телефону. Он влюбился в эту женщину так, что совсем потерял голову. Влюбился безнадежно, сумасшедше, какой-то новой для себя, жертвенной любовью. Такого накала чувств он ещё не испытывал в жизни. Он постоянно пребывал в возбуждённом состоянии, превратился в обнажённый нерв, ни о чём на свете не мог думать – только о ней, единственной и неповторимой.

Не всё шло гладко в их отношениях. За пятнадцать лет неудачного брака Лиза разуверилась в мужчинах и долгое время даже и не надеялась, что у них с Виктором может что-то получиться. Бывший муж не только избивал её, но и изменял ей. Брак держался на детях. Лиза побаивалась серьёзных отношений и настаивала на продолжении разовых встреч. Её это устраивало. Кошмарное прошлое довлело над ней и не отпускало.

А Виктор уже не мог жить без любимой. Ему было мало одного свидания в неделю, он жаждал видеть Лизу каждый день. Поглупев от любви, он недопонимал, что слишком торопит события и пугает любимую своей сумасшедшей настойчивостью. В такие моменты давала сбой расшатанная неудачным браком психика – Лиза срывалась, высказывалась резко, зло. И убегала домой.

Виктор жутко переживал конфликты, не находил себе места, звонил Семёну и плакался ему в жилетку. Он страшно боялся потерять обретенную любовь. Семён успокаивал его по телефону, как мог, советовал не торопить события, проявить терпение. Виктор успокаивался и снова ждал появления любимой в своей квартире.

Стихи сыпались из Виктора, как из рога изобилия. Почти каждый день он дарил любимой новое посвящение.

Так пролетел остаток февраля – самый сумасшедший февраль в жизни Виктора. За две с половиной недели он написал целый ворох стихотворений, посвящённых Лизе.

Наступил март, и сумасшествие продолжилось. В марте Лиза впервые пригласила Виктора к себе в гости. Она жила с двенадцатилетним сыном Егором, а её дочь-первокурсница Линда училась в Новосибирске.

С Егором у Виктора сложились хорошие отношения: он всегда ладил с детьми. Наверное, потому, что любил их. Он купил для мальчика велосипед, укрепил в дверном проёме отрезок трубы в качестве турника. Поменял смеситель в ванной и на кухне, подремонтировал пол на кухне.

Виктор боготворил любимую. Каждый раз он ждал её появления у себя, как чуда. И был на седьмом небе от счастья. Он искренне любил Лизу, и своей любовью, вниманием, заботой, горячими объятиями и признаниями сумел растопить лёд её сомнений. Лиза расцвела, стала ещё краше, отныне её глаза светились не только нежным очарованием, но и счастьем. Виктор сумел отогреть её, вылечить своей сумасшедшей любовью.

В один прекрасный мартовский день Лиза призналась Виктору в ответной любви.

Виктор чуть с ума не сошёл от счастья.

Наступил апрель, и сумасшествие продолжилось...

В апреле Виктор задумал сделать для любимой женщины сюрприз ко дню рождения – тайно выпустить отдельной книжкой все стихи, посвящённые ей.

Идея была просто шикарная. Виктор долго вынашивал её, как ребёнка, в глубинах сознания, обдумывая детали.

А деталей было много.

В деле подготовки рукописей к изданию Виктор не был новичком. Издать книгу абы как для любимой женщины он просто не имел права. И решил в обязательном порядке вдумчиво поработать с редактором, пропустить рукопись через корректора, обратиться к художнику-иллюстратору, самостоятельно изготовить оригинал-макет, отследить, как положено, процесс электронной вёрстки и лишь после этого, когда в будущей книге будет выверено всё до последней запятой, отправить её в издательство.

Времени до заветного девятого октября – дня рождения любимой – оставалось не так уж и много: май, июнь, июль, август и сентябрь. Однако летом Виктор обещал в очередной раз встретиться с детьми, отвезти их на море. Значит, месяц из подготовки надо вычёркивать. С другой стороны, если поехать в отпуск через Новосибирск, можно попутно сдать книгу в издательство.

Печать книги займёт не меньше месяца, рассуждал Виктор, плюс транспортировка. Значит, ещё месяца полтора следует вычеркнуть из подготовки. Что остаётся? Два с половиной месяца!

За это время нужно всё успеть!

Все стихи будущего сборника Виктор разбил на три раздела. А предваряло их предисловие редактора под названием «Сюрприз для Елизаветы», в котором тот не поспешил на добрые слова в адрес автора и обратил внимание читателей на уникальность сюрприза:

«Наверное, миллионы женщин во всём мире мечтают о каком-нибудь романтическом поступке в их честь со стороны любимого человека. Почувствовать себя настоящей богиней современной женщине почти невозможно: времена рыцарей, увы, прошли. Тем удивительнее исключения. Назовите хоть одного современного поэта, который написал для любимой женщины целую книгу стихов! Много ли найдётся аналогов? Скольким из миллионов женщин на земном шаре так повезло?..»

Над дизайном обложки поработал сам «господин оформитель» Семён. В сборник Виктор включил больше сотни стихотворений, назвав книгу «Моей богине».

В июле Виктор поехал в отпуск, чтобы провести месяц со своими детьми на море. По пути завёз в Новосибирское издательство диск с электронной вёрсткой.

В Анапе Виктор сильно скучал по любимой, обменивался с ней нежными SMS-сообщениями, каждый вечер звонил...

Очередной сборник стихов Виктора Полякова, «Моей богине», вышел в свет тиражом 1000 экземпляров в конце сентября. Пятьдесят пачек с книгами Виктор получил в начале октября и спрятал их в своей квартире.

Утром девятого октября Виктор привёз Лизе букет цветов и пакет с пачкой книг. Переступив через порог квартиры, он поцеловал любимую, вручил ей цветы, поздравил с днём рождения и, отдавая пакет, сказал:

– А это мой подарок. Потом посмотришь. Я побежал на работу...

Минут через тридцать Лиза позвонила ему и, захлёбываясь от восторга, рассказала, как распечатала пачку, увидела книги, начала листать верхнюю, узнала на рисунке себя, увидела посвящение: «Елизавете Александровне Терентьевой подносит и посвящает автор». И лишь когда поняла, наконец, осознала, что книга целиком посвящена ей, то закричала от избытка эмоций и начала прыгать по квартире, как сумасшедшая. От счастья.

Сюрприз удался...

Лиза больше не сомневалась в Викторе. Бывший муж никогда не совершал ради неё романтических поступков, не делал сюрпризов, не дарил цветы просто так. Виктор же показал, что мужчина по отношению к женщине может быть другим – внимательным, заботливым, обожающим.

Сюрприз помог ей окончательно отрешиться от кошмарного прошлого.

Весной Виктор и Елизавета стали жить вместе, а летом расписались и повенчались в городском православном храме.

2019 г.

В поисках вдохновения...

Вместо предисловия

В поисках новых сюжетов для вдохновения Герхард отправился в старую библиотеку в северной части Любека. Средневековые манускрипты и изысканные книжечки в переплёте из бычьей кожи с золотым обрезами таили в себе немало интересных трактатов по естествознанию, растениям, космогонии и поэзии. Его взгляд привлекали то изящные силуэты на полях одного поэтического альбома, то достаточно подробные ренессансные чертежи в трактате одного из учеников Леонардо. Мысль Герхарда блуждала, пока он рассматривал слегка запылённые полки старой библиотеки, в помещении которой заметно чувствовалась сырость и вместе с тем царил атмосфера загадочности и таинственности, которая сулила герою немало открытий и инсайтов...

Нашему герою ещё с юношеских лет запомнилась классификация растений, предложенная великим шведским учёным Карлом Линнеем в *Genera Plantarum* (Роды растений», 1737), где были сведены воедино все имевшиеся на то время описания родов, дополненные новыми характеристиками. В этот осенний день, очутившись в уютном пространстве небольшой библиотеки, Герхард захотел узнать о подходах предшественников Линнея, разобраться, по каким признакам в средние века и эпоху ренессанса растения относились к полезным, вредным и ядовитым, о тайнах отваров

и настоев, с которыми связывались те или иные магические свойства.

Герхарду вспомнилось: ещё магистр ордена доминиканцев Альберт фон Больштедт, известный как Альберт Великий, писал, что растения относятся к одушевлённым существам, но душой обладают примитивной. Он подумал, что было бы неплохо покопаться в средневековых рукописях и найти основания для теории Альберта. А сколько ещё было непознанного! Герхард вспомнил, что ключом ко многим загадкам могут стать ренессансные травники, насыщенные гравюрами и живописными изображениями известных растений-эндемиков, и решил, что им следует уделить особое внимание...

Глава 1

Филолог, журналист и историк-дилетант, Герхард живо интересовался всем необычным в лингвистике, культуре, философии... Интерес к средневековью, унаследованный им от матери, побуждал его погружаться в самые необычные и непознанные сферы...

Вот и сейчас, сидя в уютной комнате библиотеки и размышляя о свойствах растений, ядах и противоядиях, настоях и отварах, он размышлял о корне мандрагоры, называемой «цветком ведьмы». В средние века верили, что его можно было использовать, чтобы лишить человека красоты и разума. Древние греки связывали его с Афродитой и пробуждением влечения и любви. Ещё в старых справочниках говорилось, что «передозировка могла привести к полному безумию пациента», и только листья растения считались достаточно безопасными и имели охлаждающий эффект.

От природы стеснительный и замкнутый, Герхард всё же хотел выделиться более импозантным и привлекательным в глазах представительниц противоположного пола. Природной магии голоса и обходительности порой для этого было недостаточно... Привычные афродизиаки, которые продавались в аптеках, не всегда оказывались эффективными, если ему, к примеру, хотелось

снискать благосклонность той или иной юной особы. Прекрасное же знание поэзии и литературы не самое выдающееся качество в реалиях, когда технологический прогресс и интенсивный ритм жизни склоняют девушек к выбору более прагматичных и успешных партнёров, умеющих считать и зарабатывать деньги...

«Так, значит, корень мандрагоры не слишком удачный выбор, чтобы покорить сердце Урсулы, – подумал Герхард. – Слишком много разноречивых мнений, точка зрения греков была опровергнута в средневековых трактатах, а самостоятельные эксперименты были бы рискованны...»

Герхард работал в «Тайнах галактики» – небольшом журнале, публикующем последние новости из мира естественных наук. Издание знакомило читателей с открытиями учёных в области познания космоса, природы... Например, недавно коллега Герхарда написал о новейших данных в области чёрных дыр, а в другой статье развенчивалась легенда о том, что круги на полях в Англии были сделаны инопланетянами. Урсула работала на соседнем этаже, в небольшом новостном агентстве, и они

как-то случайно пересеклись в столовой. Урсула с ним мило поболтала о работе, об осени, о комнатных растениях, о домашних любимцах, но косвенно дала понять, что времени для продолжения общения у неё будет не слишком много...

– Ну всё, я побежала работать, – сказала она тогда.

– Мы можем куда-нибудь сходить в выходной день? – спросил Герхард.

– Ещё не знаю, – загадочно ответила Урсула...

Пока он вспоминал этот разговор, его взгляд упал на небольшой сборник стихов Петрарки...

Глава 2

Листая томик первого гуманиста, Герхард ощутил удивительное созвучие с эстетической составляющей его творчества и стал размышлять о том, как возвышенные порывы в душе Петрарки сочетались с чувственными. Пролистав чуть дальше, он наткнулся на строки, удивительно гармонизировавшие с его состоянием души и мирозерцанием:

*...Что в жизни смерть, – любовь. На боль похоже
Блаженство. «Страсть», «страданье» – тот же звук.*

*Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?.. Блуждает разум мой.
Я – утлый чёлн в стихийном произволе,*

*И кормщика над праздною нет кормой.
Чего хочу – с самим собой в расколе –
Не знаю. В зной – дрожу, горю зимой¹.*

А дальше он обратил внимание на сонет CCXLVI, и на бумаге, словно золотыми буквами, заиграли следующие слова:

*Смотрю на лавр вблизи или вдали,
Чьи листья благородные похожи
На волны золотых волос, – и что же!
Душа превозмогает плен земли.*

¹ Перевод Вяч. Иванова.

«Ну конечно же, лавр!» – подумал Герхард. Это растение издавна применялось при снятии порчи, очищении, использовалось для устранения препятствий на пути к успеху. Если положить листики лавра под подушку, то во сне может присниться суженый или суженая. Где-то в старых текстах он ещё читал, что, если человек обладает экстрасенсорными способностями, ему достаточно пожевать немного листиков лавра для того, чтобы заглянуть в будущее. К слову сказать, нашему герою экстрасенсорные способности передались отчасти от деда по материнской линии...

А ещё Герхард вспомнил: в одном из средневековых трактатов говорилось о том, что лавр исполняет желания. Для этого надо на листике медленно и вдумчиво написать своё желание, как будто пишешь его собственной кровью. После этого листок бросают в огонь, и желание в точности сбывается. Этот обряд Герхард решил провести 10 сентября, в 12-й лунный день, когда, согласно трактатам, магические ритуалы на привлечение любви особенно эффективны.

Глава 3

Путь Герхарда из библиотеки пролегал через исторический район Любека – небольшие и очень живописные переулки с историческими зданиями эпох Средневековья и Ренессанса. Он прошёл мимо монастыря Святой Анны, достроенного в 1515 году (здание какое-то время использовалось в качестве тюрьмы, а впоследствии там был открыт музей средневекового искусства), и дошёл до одного из красивейших строений старого города – Аптеки Льва. Она получила такое название благодаря золочёной фигуре льва на готическом фронтоне. Там Герхард купил капли от бессонницы и два маленьких пакетика с лавровым листом, который, по словам провизора, привезли только вчера.

Перекусив в небольшом и очень уютном кафе, через двадцать минут он оказался в уютной комнате своей квартиры. Насы-

пал корма коту, требовательно замыкавшему, как только Герхард стал открывать дверь комнаты, налил себе травяного чая, зажёл камин и, глядя на языки пламени, стал предаваться размышлениям...

Казалось бы, они знакомы с Урсулой совсем мало, но он испытывал к этой молодой девушке такое неизъяснимое влечение, что практически считал её идеальной... Всё в ней: улыбка, глаза, губы, манера держаться – импонировало Герхарду. Он не заметил, как заснул прямо в кресле...

Во сне Герхарда посетило видение. Он увидел ангела. «Для того, чтобы добиться расположения возлюбленной, надо на листике лавра написать по латыни своё и её имя, дополнив надпись латинской фразой “*Uniti aeternum*”¹», – промолвил ангел. Кроме того, он сказал, что Герхарду надо подарить кольцо с такой гравировкой девушке, как только тот почувствует, что она становится более расположенной к нему.

На двенадцатый лунный день, придя с работы, ровно в 19:30 Герхард исполнил обряд. Он представил, как они с Урсулой вместе ходят по старинному городу, слушают концерт органной музыки, вместе читают Петрарку в библиотеке и как она доверчиво склоняет голову ему на плечо... Сидя перед камином, он написал на листике лавра заветные слова и бросил его в огонь. Ещё он просил высшие силы послать ему и ей образ возлюбленного/возлюбленной в сневидении.

Пока Герхард спал, ему приснилась белокурая девушка в ажурном платье, которая проговорила: «Я жду тебя давно...» – и расплылась в своей белозубой улыбке. Видение было настолько волнующим, что Герхард внезапно проснулся, но всё же интерпретировал его как позитивный знак, ведь ощущения были приятные...

А что же Урсула? В её интенсивном графике почти ничего не менялось. Новостное агентство полного цикла требовало полной

¹ «Вместе навсегда».

отдачи сил, выдержки, у девушки порой даже не находилось и четверти часа, чтобы встретиться поболтать с подругой.

С Анной, с которой Урсула была знакома со студенческих времён, она могла обсуждать практически всё: работу, домашние дела, отношения... Анну живо интересовала жизнь подруги, ведь она была к ней искренне привязана. Она желала ей счастья и периодически пыталась познакомить её то с одним, то с другим молодым человеком... Но Урсула редко следовала её советам.

И вот 11 сентября подруги встретились вновь. После коротких объятий они присели за столик в кафе и внимательно посмотрели друг на друга.

– Ну как ты, дорогая? – спросила Анна.

– Да так... – загадочно проговорила Урсула.

– У тебя сегодня какой-то таинственный вид, – заметила Анна.

– У меня такой безумный график на работе, что, придя домой, я обычно валяюсь с ног от усталости. Вот уже, наверное, года полтора как ничего не снится. И вдруг я увидела во сне того, о ком бы ни за что не подумала...

– Расскажи поподробнее.

– Да помнишь, я рассказывала, что встретила в кафе парня из соседнего журнала «Тайны галактики», он ещё пытался пригласить меня куда-то...

– Да, кажется, помню.

– Так вот, этой ночью он мне неожиданно приснился. Он был таким импозантным и надел мне на палец кольцо с надписью, как же это... *Gerhardus et Ursula uniti*... Последнее слово я забыла.

Анна, хорошо знавшая латынь со студенческих времён (одногоруппники периодически

ски списывали у неё контрольные), быстро поняла, о чём пыталась ей сказать Урсула.

– *Uniti aeternum?*

– Да, кажется, так... Что это значит?

– «Герхард и Урсула вместе навсегда...» – перевела она несколько растерявшейся подруге.

– Странно как-то, – проговорила Урсула. – Тогда, в офисной столовой, он на меня не произвёл особого впечатления, да и как-то я не очень верю в вещие сны...

– А может, это судьба? – произнесла Анна.

– Как знать, – ответила Урсула, – я не верю в такие совпадения, но тут какая-то мистика...

Сновидение в разных вариантах посещало Урсулу несколько ночей подряд. То ей снилось, как Герхард обнимал её и говорил какие-то приятные слова, то они вместе гуляли по городу, то работали над каким-то совместным репортажем. Всё это было удивительно и непривычно для девушки.

И вот в обеденный перерыв Герхард и Урсула вновь случайно пересеклись в буфете. Она почувствовала что-то необъяснимое и посмотрела на него совсем другими глазами: в этот раз Герхард показался ей очень обаятельным и симпатичным человеком.

– Послушай, Урсула... – проговорил молодой человек не очень уверенно. – А что ты делаешь в выходные?

– Пока не решила... А что?

– Не хочешь сходить на органную музыку в Святую Марию?

Урсула любила эту церковь, которая была буквально музыкальной Меккой Германии со времён Букстехуде... В ней всё нравилось девушке: и интерьер, и акустика...

– Я согласна, – проговорила она.

(Продолжение следует)

Рената Юрьева Кочневка, Новосибирская обл.

Амур

Опять встречаю я рассвет
Без ожидания чудес:
Причин волненьям снова нет,
Душа тиха, как зимний лес.

Забыт томления восторг,
Лишь холод вызывает дрожь.
С судьбою неуместен торг:
Что предлагают, то берёшь.

Не балует меня Амур:
Стрела его меня не жжёт,
Не посылает мне *l'amour*...
А может, просто бережёт?

Когда бы не любовь

Глухой стеной дожди застлали город.
Свет звёзд и фонарей устал мерцать.
И сгинул мир бы, если б не герои –
Любовью окрылённые сердца.

В погоне за рублём и мнимой славой
Мы примеряем роль лжеца, льстеца.
Но чистоту хранят наградой главной
Любовью окрылённые сердца.

Когда бы не любовь, устали б крылья
И не взлетели б мы над суетой.
Стихи о ней не припорошит пылью,
Ей никогда не выйти на покой.

И было так, и есть, и будет дальше
Под вечный свет крылатого стрельца:
Спасают души от тоски и фальши
Любовью окрылённые сердца.

Твои слова

Ты солнышком нежно меня называешь.
Лучами любви я сияю в ответ.
Когда ты со мною столь ласков бываешь,
Я таю: счастливей меня в жизни нет.

Ты шепчешь: «Ассоль»; ветер эхом разносит,
И я романтична, наивна, юна.
Зовёшь королевой, и чай – на подносе, –
Горда, величава я и влюблена.

Внимаю словам, словно чистому чуду,
Они как свидетели нашей любви...
Кем ты назовёшь, для тебя той и буду,
Ты только прощаньем меня не зови...

Живи

В полупрозрачном одеянье
Ты видишь тайный образ мой,
В глазах насмешливых – сиянье,
И звёздный свет над головой.

А в чувственных моих движениях –
Томленье тела и души.
Не исчезаю, но сближенья
Судьба позволить не спешит.

Протянешь руку – лунным светом
Черты сокроет, ослепив.
Полёт не долог у кометы,
Но эхом множится мотив,

В котором – музыка Вселенной,
Хрустальный смех, слова любви...
Покуда жив, ты мой лишь пленник!
И ты, пожалуйста, живи...

Однажды

Это было когда-то, это было однажды:
Я ловил свет в ладони, звучал нежный блюз.
Детский смех, взмах руками, помню ярко миг каждый,
Поцелуй мотыльками и шёпот: «Люблю».

Ей подвластны стихии, вольный ветер послушен,
Песням лета безудержно вторит ручей.
Свет лучистого солнца проливается в душу,
Мысль теплом согревает – я здесь, рядом с ней.

Танец счастья стихает. Хрупкой маленькой пташкой
Устремляешь ты взгляд в необъятную даль.
Не испугнуть тишину бы – это таинство наше,
Мой родной человек, неба звёздный хрусталь.

Встрепенётся ромашкой взгляд её васильковый,
Полетит мне навстречу, чтоб в руки упасть,
Знаю, сердцем усталым я почувствую снова:
Для неё – для одной – всем хочу в мире стать.

Тайну редкого счастья для меня приоткрыла.
Жаль, что только однажды... жаль, что это лишь было.

Рекомендуем книгу автора

Касаясь струн гитары и души

Сборник стихотворений

В сборник вошли стихотворения Ренаты Юрьевой о нетленной красоте и единении с природой, о маленьких радостях каждого дня, об ожидании чуда, о странных перипетиях любви, о вечном поиске жизни, о себе. Может быть, слишком много грусти в них, но в каждом живёт просвет, имя которому – надежда...

Кол-во страниц: 144
Переплёт: твёрдый
Формат: А5

Татьяна Бобылёва

Лев Толстой,
Липецкая обл.

Дождь стучит в окошко –
Постоянный гость.
Холодно немножко,
А душа насквозь.
Осенью в апреле
Веет от прохлады.
Я уже не верю,
Что будет всё как надо.
Капли на ресницах,
Солнце позабылось.
Улетели птицы,
Лето нам приснилось.

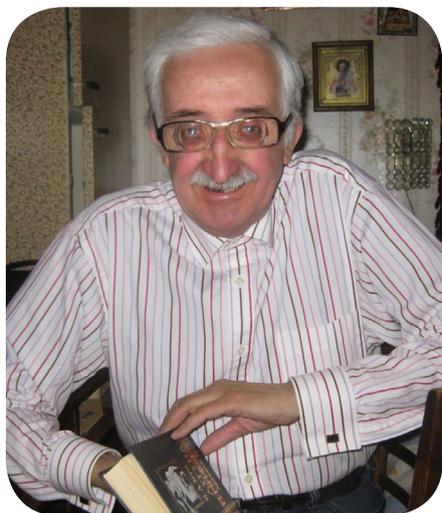
Сбой в системе –
ты наказан!
Стоп по венам,
до отказа.
Стук последний
в сердца двери.
Чувства эти
не согрели.
Не согласен?
Мне неважно!
Одному остаться
страшно.
Понимаю,
но устала.
Ты себя давал
мне мало.
Только крошки
да остатки.
Все дорожки
хрупки, жалки.
Шансов ноль
на циферблате.
Разомкни
свои объятия.

Ты мой океан

Ты мой океан – глубокий, манящий.
Ты мой океан – опасный, бурлящий.
Ты мой океан – могучий, бескрайний.
Ты мой океан, твой смысл – сакральный.

Стою на берегу, твой запах вдыхаю.
Если проплыву, возможно, разгадаю.
Мой удел – твоё имя до последнего славить.
Я человек, который не умеет плавать...

Альфред Бодров

Хотьково,
Московская обл.

Слышу за рекою

Слышу за рекою
Посвист соловья.
К журавлю зарёю
По воду я шла.
К журавлю зарёю
Каждый час бы шла,
Лишь бы за рекою
Слушать соловья.

Слушать за рекою
Посвист соловья
Милый мой зарёю
Приглашал меня.
Милый за рекою
Целовал меня,
Слушал он со мною
Посвист соловья.

Ах, зачем зарёю
С милым я была,
Он зачем со мною
Слушал соловья?
Слышу за рекою
Посвист я одна,
Соловья зарёю
Песня не мила.

Слышу за рекою
Посвист соловья.
К журавлю зарёю
Каждый час бы шла,
Был бы лишь со мною
Милый мой всегда,
Слушал бы со мною
Песню соловья.

Слушать за рекою
Посвист соловья
Уходил с другою
Милый без меня,
Слушал не со мною
Песню соловья.
Целовал зарёю
Милый не меня.

Слушать за рекою
Посвист соловья
Милый мой зарёю
Снова звал меня.
Снова за рекою
Целовал меня,
Слушал вновь со мною
Милый соловья.

Слышу за рекою
Посвист соловья.
К журавлю зарёю
По воду я шла.
К журавлю зарёю
Каждый час бы шла,
Лишь бы за рекою
Слушать соловья.

Посвящение Пастернаку

Никого не будет в доме,
Лишь несносный попугай.
Он трещит себе на кухне,
Словно просит каравай.

Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдёшь,
Скажешь:

– В храм иди немедля,
Там Господь тебя спасёт.

Открываю полусонный
Широко свои глаза.
На тебя гляжу с тревогой
Сквозь кривые зеркала.

И трещит себе на кухне
Неумолкный попугай.
Так звенит на остановке
Красный шумный лишь трамвай.

Призрак бродит в доме мрачном,
Он в хозяйку воплощён.
Исчезает вдруг прозрачный,
Словно пылью поглощён.

Никого не будет в доме,
Увлекли меня мечты.
Как найти мне в людном месте
Сердцу милые черты?

Будем мы спокойны в жизни,
Под окном растёт орех.
С попугаем будем живы,
Так счастливым быть не грех.

Людмила Денисова Гаутинг, Германия

Снегопад в городе

Вечерний город тайною окутан.
Спускаясь, мгла охватывает спрутом,
Минуя все преграды на пути,
И снег кружится белым конфетти.

Он, наконец рассеяв все тревоги,
Ковром пушистым выстелил дороги,
Упрятал слякоть парковых аллей,
Мерцая в свете тусклых фонарей.

А город, что вчера был так неласков,
Сегодня будто окунулся в сказку,
И в снегопаде, шинами шурша,
Плывут машины плавно, не спеша.

На тротуарах скользких пешеходы,
Приняв с восторгом шалости погоды,
Буквально сделав несколько шагов,
Похожи стали на снеговиков.

А кто-то лепит уж из снега мячик;
Мигая, окна в сумерках маячат,
На проводах повисла бахрома.
Дождались – в город к нам пришла зима.

На Севере

Над ярангой дым летит в облака,
Жизнь размеренна, без лишней сумятицы.
Разольётся скоро ночь, а пока
Солнце бубном по земле тихо катится.

Зацепилось за олени рога
И, моргнув, ушло в снега, будто молния.
Не заметишь, как начнётся пурга
И нарушит снежной глади безмолвие.

А в яранге свой уютный мирок,
Здесь готовится семья дружно к ужину.
Посреди горит лихой костерок,
Чайник брызгами чихает натуженно.

Этим людям не страшны холода,
Как зовут их – работяги, бродяги ли?
Только завтра им олени стада
Предстоит погнать на поиски ягеля¹.

Солнце медленно взойдёт у гряды,
Горизонт слегка лизнув красным пламенем.
И потянутся цепочкой следы
По пустыне снежной в сферу бескрайнюю.

Край суровый – бесконечный полёт.
Жизнь, конечно, далеко не романтика.
Время там безумно долго идёт,
Но прекрасна величавая Арктика!

Зимнее волшебство

С зимой приходит волшебство,
С воздушным танцем снегопада.
Паренье снега как награда
За дней тоскливых торжество.

В морозном воздухе – покой,
Души надёжная основа,
А гладь пушистого покрова
Чарует сердце красотой.

¹ Ягель – лишайник, которым питаются северные олени, добывая его из-под снега.

Луч солнца, вспыхнувший на миг
В просвете между облаками,
Зажжёт деревья жемчугами,
Придав божественный им вид.

А к ночи в зеркале окна –
Готовой к росписи странице –
Узор чудной засеребрится,
Лишь только выглянет луна.

Она, мерцая меж ветвей,
Добавит призрачные краски.
Зима – начало белой сказки
И фантастических идей.

Рысь

Средь бурелома на упавшей ели
В лесу таёжном, в непролазной чаще,
Прижавшись телом, от хвоста до шеи,
Застыла рысь – из племени кошачьих.

Она тиха, но в жилах жажда крови.
Чуть где-то шорох или возглас птичий –
Её ушей локатор вмиг уловит,
От зорких глаз не скроется добыча.

Сорвётся рысь, стремительно и гордо
В момент настигнет дичь без сожаленья.
Зубами впившись в шею или горло,
Когтями схватит зайца или оленя.

А после битвы время возвращаться,
Таща добычу до своей отметки,
Где под корягой малые рысята –
Уже давно не кормленные детки.

Рысь – хищный зверь, и ей не до ночлега.
Вся жизнь – борьба, смертельные объятья.
Ей не нужны тепло, уют и нега,
Ей далеки домашние собратья.

Ей ближе лес, опасность и свобода,
Где всё берётся ловкостью и силой.
Ей завещала матушка-природа
Быть кошкой – вольной, дикой и красивой.

Февральские метели

Метель шальная замела
С тройною силой,
Воздвигла снега купола
На всём, что было.

Зима, видать, в свои права
Вцепилась крепко,
Развесив всюду кружева
На чёрных ветках.

Собой довольная вполне,
Шалит неробко
И прячет в снежной белизне
Следы и тропки.

Но эта белая модель
Не огорчала б,
Когда бы схожую метель –
В зимы начало.

Сейчас же рады мы едва ль
Такой погоде.
Ведь на дворе уже февраль
К концу подходит.

Уже в мечты занесены
Не снег, не иней,
А сердцу хочется весны
И неба сини,

Проснуться утренней порой
От пенья птицы,
И луч весенний, озорной
В окно стучится.

Нам холод стал неумогу,
Мы ждём капли.
Пока ж февральские метут
Вовсю метели.

Страница автора

www.facebook.com/ludmila.denisova

Валерий Лепов

Якутск

Как в День поэзии разбита
 Душа недельной быстротой!
 В субботний день щекой небритой
 хрустит задумчивый покой.
 В стране по-прежнему пииты
 не успевают за строкой
 строчить строку – то саудиты
 виновны, то верховный гой.
 Когда устал от прозы быта
 и темпа жизни городской,
 то изолируйся с лолитой,
 люби шекспировской строкой, –
 тогда придёт отдохновенье
 и камень с сердца упадёт.
 Коронавирус как спасенье –
 пусть устремляются в полёт
 и рубль, и нефть, и газ планеты –
 Земля в пространстве звёзд летит...
 Хоть раз задумайся об этом,
 и свет забрезжит впереди!

Как счастье, кажется, приходит нелегко!
 Привычно быть и трезвым, и спокойным.
 Смотреть с улыбкой, как мадам Клико
 поклонниками делает запойных
 и кормит пирожками молодых,
 неопытных, им в сердце иглы колет.
 А опыт не бывает сам готов,
 он с долгими молитвами приходит –
 кропит сияньем самых дальних звёзд,
 лучами и частицами с истоков
 самой Вселенной дарит молоко,
 как солнцу, восходящему с востока.
 Прости их всех и каждого люби,
 Дай счастье, невзирая на пороки, –
 и, может быть, рождённое в глуби,
 оно изменит мир и даст уроки.

Проникнуться, исполниться весной,
 Хотя она с холодными руками,
 с дыханьем слякотным,
 наполненным зловоньем,
 с утрами, ослепляющими солнцем,
 Бесхитростна, уже обнажена –
 деревьями и крышами,
 ветвями,
 пока что не прикрытыми ничем...
 и птицами.
 Волнующими снами –
 не только с щебетаньем по утрам,
 но песнею, исторгнутою тайно.
 Услышав эти песни на ветру,
 поверишь, будто это божий ангел
 слагает песнь весеннему утру
 и талой появляющейся влаге.
 Весна уже готова ко всему.
 Слегка набухла почками на ивах –
 растапливает снежную тесьму
 безудержная солнечная сила.
 И люди все как будто расцвели –
 к чему они на этот раз готовы?
 Смотри, страна, любовь не подведи
 Земли обетованной без покрова.

Виктория Никитина Калининград

Призрак

Дарили звёзды эти очи,
И я подумала: любовь!
Неиссякаемый источник,
казалось, нас поил с тобой.
Вдруг одиноки стали ночи –
померкли звёзды. Снились, что ль?

Теперь, как призрак, навещаешь,
во снах моих таишься, будто
меня в изменах уличаешь,
шепча на ухо мне занудно,
и снова страстью обольщаешь,
исчезнув, как всегда, под утро.

Звенело лето

Звенело зноем лето,
зарницей полыхало,
поэтами воспета,
сирень благоухала...
свеча, дрожь, сгорала,
слезу на стол роняла.
«У милого другая», –
мне будто намекала...

Измученное сердце
грустить о нём устало,
закат сыграл мне скерцо,
безлуньем ночь пугала...
не видно той дорожки,
где с милым повстречалась –
чернеет ночь в окошке...
сирень в него стучалась,

а бабочка беспечно
летала над огнём –
любовь недолговечна,
зачем грустить о том.
Восток зарёю вышит,
и птичьих трелей звон...
«Любовь меня отыщет...» –
шептала я сквозь сон.

Белый танец

Вьюга кружится игриво,
То изящна, грациозна,
То напориста, строптива,
Завладела, как гипнозом,
Всем на свете, словно дива.

Белый танец – её козырь,
Отказать ей кто посмеет?!
В темпе вальса виртуозно
Вихрем белым путь навеет –
Унесёт в свои морозы.

Страница автора
www.vk.com/id103865238

Сергей Москвитин

Ленск, Республика Саха

После летней грозы

Гроза отбушевала, перекатами
Умчала туч грохочущих стада;
Прозрачную гребёнку ливня спрятала
И вместе с мраком скрылась в никуда.

Берёзоньки с расчёсанными гривами
Красуются у солнца на виду.
Их только что сам Бог фотографировал:
Я видел фотовспышек череду.

Ах, кто-то небо разорвал на клочья
И разбросал по лужицам вокруг.
И вот теперь, как облаком всклокоченным,
Парным туманом застилает луг.

Таёжный мир, умытый, обновлённый,
По-праздничному ярк и лучист.
Танцуют птицы. Ёлочки влюблённо
Вбирают их художественный свист...

15 октября 2000 г.

Ночная гроза

Смеялся мрак грохочущими звуками,
На город ливень гнал девятый вал,
На спинах крыш чечёткою выстукивал
И на асфальте нервно танцевал.

Смеялся свет беззвучным диким хохотом,
Кромсая мрак на рваные куски.
Но ночь их вновь соединяла с грохотом
И жутко завывала от тоски.

Когда тайга промокла до хвоинки,
А город пузырился морем луж,
Гроза затихла. Капали дождейки,
Заканчивая свой холодный душ.

Умчался мрак с грохочущими звуками,
Исчез его сверкающий оскал...
А ветер хилого лунёнка убаюкивал
И одеялом тучки укрывал.

22 ноября 2000 г.

Афродита

Ты вышла из моря, сияя
Величественной наготой,
Вся в брызгах и в пене, босая,
Как будто бы вызов бросаю
Природе своей красотой.

От нежного светлого тела
Зарделся зарёю восток.
Земля под тобою запела,
Цветами навстречу взлетела,
Травой расстелилась у ног.

Сквозь камни и льды вековые
Ростком потянулось добро.
Рассыпались идола злые.
Тогда-то, быть может, впервые
Схватился поэт за перо.

13 февраля 2001 г.

Страница автора
stihi.ru/avtor/lenskflamingo

Стихи Владимира Кострова

Что может быть лиричнее
и лучше,
чем этот скромный сборничек стихов
с таким названием светлым –
«Свет насущный»,
освобождающий от мрака и грехов.
Войдите в строки –
и замрёт округа,
и в радость распахнётся настежь дверь,
и станет вдруг родной его Ветлуга,
и милой сердцу старенькая Тверь.
С таким вниманьем,
бережно,
любовно
рисует Русь, поёт её поэт,
что принимаешь сразу,
безусловно
и чувствуешь
насущный этот свет.
До каждой капли,
чистой и лучистой,
до родинок
на теле у берёз
он преподносит
этот свет искристый,
струящийся от Родины росистой,
и глаз её,
и неизбывных слёз...

28 ноября 2001 г.

Александр Грин

Усталый взгляд. Орлёнок на плече.
Волнующее кружево рассказов...
Его мученья стоили свечей,
И он мечте не изменил ни разу.

Казалось бы, нещадно была жизнь
Наотмашь, по щекам и по хребтине,
Как будто говоря: поберегись,
Не суйся ввысь и не перечь судьбине.

Но так уж был устроен этот ум,
Его влекли пленительные дали,
И если сам он часто был угрюм,
Мечты его улыбками сияли.

Стелилась жизнь сплошь чёрной полосой,
Жестокостью давила и обманом,
А он мечтал, голодный и босой,
И даже в тюрьмах бредил Зурбаганом.

Судьба в него, как в музыку кирпич¹,
Швыряла издевательства и боли.
А он мечтал, и даже паралич
Не отнял у него б его Ассولي.

Он вынес все позорные столбы,
Он выстоял под пулями насмешек,
Не сгинул под ударами судьбы,
Не растерял себя в аду ночлежек.

И потому живёт портовый Лисс,
И корабли резвятся на просторе,
И со страниц свистит солёный бриз,
И брызги дарит гриновское море...

Мечтатель умер, но мечта жива,
Под алыми несётся парусами;
И помним мы заветные слова,
Что чудеса должны мы делать сами.

5 декабря 2001 г.

Корова

*Корова!.. Разве можно представить
Россию без коровы?
Сергей Есенин*

Её с утра пастись не отпустили,
Не дали сена свежего копну.
Понять происходящее не в силе,
Она мычала в муторном плену.

Из года в год с покорностью воловьей
Она дарила детям молоко.
Своё предназначение коровье
Несла по жизни честно и легко.

Худая жизнь всему тому причиной,
Долги, нехватка денег ли, падёж?
Хозяин добросовестной скотины
Кормилицу решил пустить под нож.

¹ По аналогии с рассказом Александра Грина «Кирпич и музыка».

Голодная, в предчувствии недобром,
Она сопротивлялась злым рукам,
Но руки били палкою по рёбрам,
По холке, по негнуцимся ногам.

Верёвки впились в скрученное тело,
Повязка скрыла дикие глаза.
Она мычала страшно, очумело.
Из-под повязки брызнула слеза.

Удар! Корова рухнула в бессилье,
И мир перевернулся, сам не свой...

Не так ли и тебя, моя Россия,
Ведут лихие силы на убой?

14 августа 2003 г.

Ты во мне.
Ну разве это скроешь?
Светится улыбкою душа.
Разве настроение такое
Можно в себе силой удержать?
Это чувство через три ступеньки
Будет резво прыгать и скакать.
Колокольчик счастья будет звенькать
И стихами наполнять тетрадь.
Чувство будет петь громкогласно
Или, может быть, наоборот:
Иногда в рассеянность забросит,
Иногда в задумчивость втолкнёт.
А порою на волне блаженства
Вознесёт до самых до небес.
Ты во мне живёшь, как совершенство,
Ты во мне – как чудо из чудес.
Ты во мне – изысканная фея,
В глиняном горшке – янтарный мёд.
Форма содержание лелеет,
Форма содержанием поёт.

14 марта 2007 г.

Любимой

Скажу тебе я просто, без патетики,
То, что не раз серьёзно говорил:
Люблю твоё лицо я без косметики,
Твой чистый лик мне бесконечно мил.

Нам почему-то издревле завещано –
И этот парадокс совсем не прост! –
Извечное стремление у женщины
Своё лицо рассматривать как холст.

Ах, как претят мне представления ложные
И заблужденья, строго говоря!
Неважные вы, женщины, художники,
И вы себя уродуете зря.

Ещё никто рисованными масками
На женских лицах не был восхищён.
Ничто на свете не сравнится с красками
Естественного столь румянца щёк!

Любимая! Люблю тебя естественной,
Какой тебя Всевышний сотворил.
Боготворю твой чистый образ женственный,
Он мне дарует столько светлых сил!

Себя я не считаю верхом истины
И в женской красоте большим спецом,
Но будет для меня всегда изысканным
Твоё свежеумытое лицо.

18 сентября 2011 г.

Маме

Как много жизненного хлама
В душе я берегу и чту!
Как редко вспоминаю, мама,
Твою любовь и доброту!

А мне б в стихи тебя укутать,
Заботой окружить, теплом
И множить редкие минуты,
Когда мы рядом и вдвоём.

А мне б в беседе задушевной
Всего себя тебе излить,
Чтоб в мир любви твоей волшебной
Глаза и мысли вознесли.

Твоя любовь – такое счастье,
Святое, светлое, как грусть!
Прости меня, что так нечасто
В любви сыновней признаюсь.

9 июля 2017 г.

Анна Шмалинская

Тюмень

На поле мелко выступит роса

На поле мелко выступит роса,
Жучок-пожарник растопырит глазки.
Помедлив, одинокая оса
Возьмётся за работу без опаски.

И вот, решившись, нежная сирень
Чуть округлит молоденькие почки,
Раскинет виноградная плетень
Танцующие тонкие цветочки.

Природа собирается с утра
Встречать свою земную королеву.
От солнца тучку смелую убрав,
Заменит тишиною птиц напевы.

Шаги весны тревожат чуткий слух,
Но для прощанья ветреной подруги
Пока не время... Тополиный пух –
Подарок Бога за её заслуги.

Мой мир раскрашен в ровную полоску

Мой мир раскрашен в ровную полоску,
Как будто Вечность нанесла штрих-код.
Всё в жизни сложной стало очень просто,
И наперёд известен каждый ход.

Решётка скрыла мира половину...
К холодным прутьям прикоснусь щекой,
Стремясь увидеть прошлого картины,
Бетонной заслонённые стеной.

Здесь в пустоту ведут часы, минуты –
Тень вздоха в окружении врагов.
Не замечаешь, как врастают пути,
Становится привычным вес оков.

Достанет надоедливый тюремщик –
Мол, он... когда-то... тоже... молодым.
Не зарекайся, мир наш так изменчив,
Есть притча в нём о тех, кто не судим.

Снаружи и внутри – одна темница,
Один девиз – Уныло, но Тепло.
Ощиплют перья каждой вольной птице,
Чтоб вставить их в послушное крыло.

Но с высоты мечты своих полётов
Пойму я: скоро камнем упадёшь...
И от тебя останется всего-то
Корявый крест и след чужих подошв.

Враги?

Враги? Мне наплевать на них!
Пусть гордо носят злые лица.
Им вопреки – навстречу птицам
Взлетит парадоксальный стих.

Мне страшно – я учусь летать,
Мне больно – буду чаще падать.
Напрасна ваша суета –
Я не хочу овечкой в стадо.

Без пастухов – шум поутих...
Враги? Мне наплевать на них.

Убегу

Убегу. Убегу я вновь,
Новым светом наполнив кровь.
Без Пути, без Почти, без Прости
Отпусти. Отпусти. Отпусти!

Я в прихожей оставлю Цветы,
Что принёс мне сегодня Не ты.
Их не ты подбирал к Цвету глаз,
К Цвету глаз, разлучившему Нас.

Дрогнет сердце – не дрогнет рука,
Напишу только слово «Пока».
Всё, о чём я молчала в глаза,
Неупавшая скажет Слеза.

Лучше злость, чем пустой разговор,
Просто брось неначавшийся спор.
След Беды оставляя в снегу,
Убегу. Убегу. Убегу.

Ночной тоской замёрзшего перрона

Ночной тоской замёрзшего перрона,
Язвительной усмешкой небосклона
Мне помнится родная гладь Сибири.
Заполнив тишину столетним стоном,
Ждёт нас. А мы её забыли.

Карательная стужа без указа.
Искрится снег словами без рассказа.
Как суеверно холода завывали.
Они – её ребячество, проказа,
Тень в зеркале фольклорной были.

Лесные твари в поле недалёком
К огню потянут носом ненароком.
Холодными знакомыми местами
Пройдут в тиши цепочкой одинокой.
И след свой заметут хвостами.

Страшась остаться, уезжаем снова.
И дом родной опять разочарован.
На сердце так по-девичьи надрывно...
Лишь наполняет памятное слово
Мечтой – забытой и наивной.

Я потушу горящие мосты

Я потушу горящие мосты,
Заброшу страх в нескошенные травы –
Пусть превратятся в заросли сады –
Мне точки будет некуда расставить

Я утону в раскаяньи своём,
Назначу боль мгновением не вечным.
Границы разума исчезнут под дождём,
Дождём, что псов страдания излечат.

Невежество начнёт войну с мечтою,
Чтоб лучших из поэтов искалечить,
И пустота наполнится тоскою,
К которой приведут пустые речи.

Ад не впускай в надломленную душу,
Где даже дьявол ужаснётся в страхе,
И не стремись обыденно разрушить
Мечты, что не успел ещё растратить

Думаешь, мне страшно?

Думаешь, мне страшно?
Оборвать боюсь...
Пусть мечта продажна,
Но бесценна грусть.

В игровом безумии
Тайно озарит
Мыслей полнолуние
Самый мрачный скрипт.

Замерла у края,
Вниз – совсем не смерть.
Сердцем ледяная –
Слёзы будут греть.

Может быть, разумнее
Повернуть назад?
Сказкам, Мной Придуманым,
Больше будешь рад?..

Чёрной осенью

Чёрной осенью
Да над берегом
Стих доносится
Неуверенный.

Неуверенный
Костерок во мгле –
Слов потерянных
Не найти в золе.

Не найти в золе
Красоты огня,
И в родной земле
Не найти меня.

Не найти меня:
Я ушла вперёд.
Отголоски дня
Тишина убьёт.

Тишина убьёт
Песню странную,
Без стихов, без нот –
Безымянную.

Безымянную –
Трону за душу,
Богом данную –
Песню задушу.

Я хотела бы пахнуть мёдом

Я хотела бы пахнуть мёдом,
Чтоб по венам струился воск.
Но залили мне душу йодом,
Ей неведомы блеск и лоск.

У каждого – собственный запах
С историей долгой и длинной.
Он пахнет настилом на нарах,
Она – чудом розы невинной.

Скрывают любовь и тревогу
Духи, отголоски цветов.
Не чувствуем больше дорогу –
И дудку берёт крысолов.

Но звезду, ту, с которой родом,
Не твоей назову судьбой.
Стать хотела прозрачным мёдом,
Только пахнуть всегда – тобой.

Времялечит

Дождь уныло бесконечен,
Грязь и ложь – мой путь.
Справа – надпись ВРЕМЯ ЛЕЧИТ,
Слева – НЕ ЗАБУДЬ.

Вечный дождь. Там с волчьим воем
Растворится грусть.
К миру послана я Ноем –
С веточкой вернусь.

Просто дождь. Не Божья кара
Вновь постигла нас...
Смыт потопом грех наш старый
В тот – ПОСЛЕДНИЙ – раз.

Мир прямым извечно не был:
Вслед за Ноем – Хам...
Дождь откроет путь на небо,
Недоступный нам.

Лариса Агафонова

Москва

Невозвращенец

Степаныч плакал. Крупные слёзы каптились по морщинистому лицу, застревая в складках прожитых лет. Пушистые седые усы, гордость старика, промокли и перестали бодро торчать вверх.

Вообще-то Степаныч был оптимистом. Самым настоящим, хорошо закалённым, как сталь на заводе, где Степаныч отработал без малого сорок лет. Как пришёл после армии безусым помощником сталевара, так и остался, выйдя на пенсию ведущим инженером.

Пенсия. Лучше б она не случилась в жизни Степаныча. Да что уж говорить. Тогда, восемнадцать лет назад, он, как примерный пони, бодро побежал за женой и дочками на историческую родину супруги, в неметчину, будь она неладна. Неметчина, а не любимая вторая половина, конечно.

Будь не любимая, вряд ли б он тогда рискнул. А так жена загорелась, на родственников глядя. Они, как только разреши-

ли, косяком потянулись на поиски лучшей жизни. А чего её было искать, коли и тут неплохо кормили?

Жена-то по молодости и думать не думала уезжать, жила себе припеваючи у Степаныча за пазухой. Он и добытчик, и рукастый, и детей любил. И старался опять же супруге угодить. Она ведь девчонкой за него, за вдовца, замуж вышла. Ему тридцать пять, ей двадцать два, только-только институт свой педагогический окончила.

Достался ей Степаныч с шепутным сыном-подростком, намечающейся лысиной и комнатой в малосемейке. Ах да, ещё с пышными усами, на которые, как супруга всегда уточняла, она и клюнула. Это уж потом, когда две дочки у них родились, им от завода квартиру трёхкомнатную дали – большую, с лоджией и чудесным видом в парк.

Жили, что называется, не тужили. Были, конечно, сложности, ну как у всех в то время. Но ведь разрешимые да преодолимые. «Вот, – думал Степаныч, – выйду на заслуженную пенсию, буду на рыбалку ездить да за грибами ходить». Родственников-то у него много было, большинство – в деревнях да сёлах страны нашей необъятной. К одним поедешь – лес рядом, к другим – речка под боком. Красота, а не жизнь!

Только вот фортуна такой фортель выкинула, что ни тебе рыбалки, ни тебе грибов.

И вот уже восемнадцать лет жил Степаныч на чужой сторонешке среди истинных арийцев, ничегошеньки не понимая из их неласковой, немелодичной речи. Языки ему и в школе не давались, а в старости и подавно. Жена сама с детства активно шпрехала, потом в школе немецкий в юные головушки вдалбливала и дочек научила. А Степаныч, как белая ворона, только на русском и объяснялся. Несколько расхожих бытовых фраз не в счёт.

Пока обживались на новом месте, дочки рядом были – хоть с ними душу отводил. А как замуж повыходили за немцев коренных и съехали от родителей, так вообще хоть караул кричи. Только с женой и поговоришь на родимом русском. Внуки роди-

лись немецкие и душой, и языком. По-русски понимают плохо, а говорить и вовсе отказываются.

Одна отдушину: летом Степаныч каждый год на два месяца в Россию уезжал – у родственников погостить да друзей повидать, что остались ещё в живых. А что, никто ведь не молодеет. Вот уж где раздолье – говори не хочу, и не надо за карманным словарём лезть, чтобы хлеб да масло купить.

Сын старший на родине отцу всегда рад. И внуки уже хоть взрослые, а к деду со всей любовью. Невестка к его приезду холодца наварит, селедочку под шубой приготовит. Знает, чем свёкру угодить. Душой с ними Степаныч отогреется – и снова в неметчину. Домой, стало быть...

Жена за все годы один раз с ним съездить согласилась. С опаской да с осторожностью – а вдруг потянет, вдруг сердце встрепенётся. Пронесло, не потянуло и не встрепенулось. Ну и ладно. Каждому своё.

В этот год Степаныч приехал по скорбному поводу. Сестра младшая умерла. Болезнь её изнутри подточила, силы отобрала, вот и ушла рано. Семидесяти ещё не было. На похороны Степаныч не попал: дорого лететь. Обычно-то он сильно заранее билеты брал, почти за копейки летал. А тут как раз Новый год был, ажиотаж праздничный, цены до небес.

Прилетел, как обычно, летом. Поехал в посёлок, где сестра жила, да и узнал, что дом по завещанию ему, Степанычу стало быть, достался. Сестра бездетной прожила, мужа схоронила, вот и оставила своё имущество любимому брату.

«Да зачем он мне, дом этот? – недоумевал Степаныч. – Продавать его – мороки больше, чем прибыли. Посёлок непрестижный, город далеко, молодёжь после школы уезжает. И то верно. Что в сельской местности делать? Скука, да и только. А запереть дом – всё равно что бросить. Разберут по кирпичикам, растащат по железьякам. Из родственников никому не нужен, разве что сыну как дача. Место ведь хорошее, река рядом, воздух чистый, не чета городскому.

Да за дачей ведь тоже пригляд нужен. А кто будет приглядывать? То-то и оно».

Вышел Степаныч во двор, присел на лавочку, по-деревенски добротную, оглядел наследство своё неожиданное: ставни резные, мужем сестры сделанные (тот мастер по дереву был знатный), ворота кованые, с шашечками поверху. Двор цветами полыхает: сестра столько всего понасажала – глаз радуется. Не то что в неметчине: всё дома одинаковые, в неброский цвет выкрашенные, заборы невысокие, палисадники ровненькие. Тьфу на эту однотипность!

«Что ж я со своей жизнью сделал? – вспыхнула мысль. – Ради чего вот эту красоту променял на их упорядоченность и квадратность? И на кладбище вместо могилы и оградки металлическая табличка будет в колумбарии...»

Заплакал Степаныч навзрыд. Что уж он оплакивал: себя, старость свою немецкую, слабость свою или мягкость – никому не ведомо...

Только на следующий день он жене позвонил и сказал, что остаётся. На родине. Навсегда. Так он решил.

«Ты, если хочешь, приезжай ко мне. Здесь хорошо, спокойно. А главное, всё своё, родное. И помирать здесь не страшно».

Приедет? Кто знает...

Когда не нужны слова

«Надо взять себя в руки. Это ещё не конец. Это просто диагноз. – Невысокая худенькая женщина с аккуратной короткой стрижкой, в строгом брючном костюме и с пухлой сумкой на плече невидящими глазами смотрела перед собой. – И вообще, свёкор сильный. Он обязательно справится. А мы ему поможем, – убеждала она себя, мысленно проговаривая логичные, как ей казалось, фразы. – Господи, ну за что ему?! Он блокадник, ребёнок войны, беспризорник. Рос в детском доме, жил впроголодь, всю жизнь пахал, как проклятый, на трёх работах, чтобы кормить и растить четверых детей.

Да что там, он внукам до сих пор помогает. Ему почти восемьдесят, он лёгок на подъём, всем готов помочь, до сих пор работает и, кажется, на пенсию даже не собирается. Как мужу сказать? Он только-только восстановился после инфаркта. Хорошо, что обошлось. Отец Егору и лучший друг, и помощник, и советчик. Так всегда было: сёстры младше, они замуж повыскакивали быстро, разбежались кто куда, приезжают редко, вниманием родителей-стариков не балуют. Да и не пооткровенничаешь с ними, они сразу охат и ахат начинают, вот как сейчас: самая младшая, Алёнка, звонила, голосила в трубку, что у отца рак обнаружили. Я ей строго-настрого запретила Егору говорить. Не хватало ещё повторения сердечной истории.

Ох, причитай не причитай ... – Женщина потёрла заломившие виски. – ... а надо как-то Егору сказать. Свёкру операция предстоит, реабилитация сложная, нужно будет сиделку нанимать. Ведь все работают. Она бы и отпуск взяла, но кто ж посреди учебного года отпустит? Директриса у них живёт с девизом «Умри, но работу выполни». А свекровь практически из дома не выходит. Она раньше мужа старушкой сделала: как вышла по возрасту на пенсию, так и начала у себя болячки выискивать. Ну кто ищет, тот и находит. За последние двадцать лет свёкор её в какие только больницы не пристраивал, лекарства новомодные находил, в санатории разные отправлял. И большинство домашних дел на себя взял. Вот его организм, видимо, и сдался».

Женщина в третий раз обошла по кругу осенний парк с пламенеющей багряно-жёлтой листвой. Домой ноги не несли. Хотя было давно пора. Уроки в школе, где она работала завучем, давно закончились, коллеги разбежались по домам, к повседневным заботам и радостям, а она всё ходила и ходила, думая, как уберечь мужа, как помочь свёкру, как удержаться от проникающей в самое сердце паники.

Свёкор заменил Лизе отца, которого та никогда не видела, когда она, восемнадца-

тилетняя студентка первого курса пединститута, вошла в новую семью, выйдя замуж за своего преподавателя математики. Ох, как она страшно боялась, что её не примет многочисленная родня Егора! Куда там! Приняли с распростёртыми объятьями. С золовками Лиза подружилась, и до сих пор средняя из сестёр оставалась самой близкой подружкой, хоть и жила за тысячу километров.

Со свекровью у Лизоньки установились ровные отношения, какие у той, впрочем, были со всеми своими детьми. Она никого не выделяла, ни к кому не проявляла особой нежности. Любила почитать раннего Тургенева и Гончарова, посмотреть телевизор, сходить в театр с приятельницами, непременно на комедию. Говорила, что долг свой выполнила: всех детей до ума довела, а теперь хочет просто жить. Ну и на самом деле: попробуй четверых-то воспитай! У Лизы вон с Егором одна дочка – и сколько хлопот, а тут четверо. Героиня, да и только!

А свёкор ни на день не оставлял отпрысков без внимания. Одной надо помочь с переездом, второй – с малышом, третьей – материально. Сын от помощи всегда отказывался, но все решения в молодости принимал, посоветовавшись с отцом. Да и сейчас частенько звонил, чтобы обсудить что-нибудь важное.

Лиза же бежит к свёкру и по сей день: и в большой радости, и в самой горькой беде. Обнимет он её, в макушку звонко чмокнет – и все проблемы сразу разрешаются, как будто и не было их.

А вот он к любимой невестке со своей бедой не пришёл, поберёт, пожалел. Да он всех поберёт. Только младшая дочка и узнала, потому что знакомый врач отца консультировал, ну и позвонил по дружбе. А так бы ещё долго не узнали. Хотя сколько это «долго», при таком-то диагнозе...

Тяжело вздохнув, Лиза повернула в сторону дома. Скоро муж вернётся с работы. Совместный семейный ужин – это незываемая традиция. Вот уж сколько лет они вместе, а им не всё равно, что друг у друга

за день произошло. И дочку Полинку приучили делиться, а она теперь и своего мужа приохотила.

И боязно, и забавно: скоро они с Егором бабушкой и дедушкой станут. Молодые нынче ранние... Хотя что это она рассуждает? Смешно, право! Сама-то Полину в двадцать лет родила. Вот и станет бабусей в сорок, хотя многие сейчас в этом возрасте своих детей рожают.

Егор ещё не вернулся, и Лиза успела умыться, охладить заплаканные глаза и заново подкраситься, чтобы всё как обычно было. Муж вошёл с улыбкой, поцеловал Лизу и с порога стал рассказывать о каком-то новом проекте у них в отделе. И так увлёкся, с таким энтузиазмом в лицах описывал всю предысторию, что Лиза расслабилась, отвлеклась, а потом малодушно решила, что скажет завтра. Вот завтра – обязательно. Ну зачем дурные вести на ночь глядя вываливать?

Лёжа в кровати, слушая ровное дыхание уснувшего мужа, Лиза вдруг поняла, что её цапнуло в поведении Егора. «Он слишком

много улыбался и шутил, – думала Лиза. – Давно такого не было. Он вообще-то серьёзный, малоэмоциональный в обычной жизни. А улыбка... – Лиза замерла от неожиданной догадки. – Улыбка у него всегда была защитной реакцией. Когда ему больно, он улыбается, чтобы не показать слабости. Он знает, – пронеслась мысль. – Он всё знает про отца. И меня щадит, чтобы я не волновалась раньше времени».

– Я тебя люблю, – шёпотом произнесла Лиза.

– И я тебя люблю, – мгновенно отозвался Егор и обнял жену.

«Знает, она всё знает, – понял Егор. – И молчит, опасается за моё сердце. Как же я счастлив с ней!..»

– Спокойной ночи, моя хорошая. Мы справимся.

Страницы автора

soyuz-pisatelei.ru/agafonova

vk.com/agafonovalarisa

Рекомендуем книгу автора

Заглянуть за горизонт

Роман

Мечтаете сесть за руль своей судьбы и самостоятельно выстроить маршрут? Вам интересно посмотреть, кто и почему сейчас становится дирижёром семейного «оркестра»? Тогда эта книга для вас. Познакомившись с героями романа Ларисы Агафоновой, вы узнаете, как переписать типичный «женский» сценарий, навязанный окружением, победить личные комплексы и, наконец, после всех неурядиц обрести себя. Читая книгу, вы не сможете остаться равнодушными к судьбе героини и обнаружите важную истину: для того, чтобы справиться с собственной болью, нужно начать помогать другим.

Александр Александров- Каськинский Санкт-Петербург

Ничья

(С сокращениями)

Заглянув в спальню и убедившись, что дед проснулся, Никифоровна спросила:

– Ну что, поедем?

– А ты, похоже, сегодня совсем не спала? – в свою очередь спросил он жену, когда та подошла к кровати. – Как ни проснусь, всё у тебя свет горит. Опять кроссворды ночь перешибли?

– Да что-то не спалось, а потом смотрю – уже утро, пора вставать. Вот и решила заглянуть к тебе, узнать, поедем или нет?

Особого желания куда-то ехать у деда не было. Не поднимаясь с постели, он глянул в окно. День обещал быть жарким. Срочных дел по дому вроде бы не предвиделось, к тому же оба на пенсии – почему бы в воскресенье не съездить на природу? С окна дед перевёл взгляд на Никифоровну и по её приподнятому настроению понял, что в городе оставаться ей не хочется. По-молодецки сбросив с себя одеяло и не вставая с постели, с хрустом в коленях размял ноги и решительно произнёс:

– Поедем, конечно поедем. Что в такую жару в городе-то делать? А так хоть с природой пообщаемся!

– Тогда быстренько поднимайся! – обрадовавшись решению мужа, весело скомандовала Никифоровна.

Часа через полтора, прижавшись друг к другу, они катили в электричке в сторону Зеленогорска. Народу в вагоне было много: словно сговорившись, все высыпали из города. Но, несмотря на временные неудобства, настроение оставалось приподнятым. Ехали они на дачу к племяннице жены, и от ощущения, что их где-то ждут, было приятно вдвойне. Час езды в дороге пролетел

незаметно, и вот уже по внутреннему радио объявили: «Зеленогорск».

Сойдя с перрона и покинув последнее прибежище городской цивилизации, где пахло мазутом и плавящимся от жары асфальтом, они оказались совершенно в ином мире. Здесь чувствовался загородный простор и изобилие зелени. Чистый воздух и разноголосое пение птиц в первые минуты действовали на городского человека опьяняюще. Небо дышало зноем, а утро, застывшее среди зелени искрящимися солнечными лучами, казалось необыкновенно торжественным.

Природа, приветливо встречая каждого горожанина словно гостеприимная хозяйка, удивляла приезжих своим величием, красотой и безграничным простором. С вокзала в сторону дачи вела неширокая асфальтированная пешеходная дорожка, сплошь укрытая свисающими кронами. Рядом с нею, будто миниатюрные пирамиды, возвышались конусообразные муравьиные гнёзда, а чуть в стороне, искривлённая частыми поворотами, пролегалла оживлённая автомобильная дорога. По пути гнездовья муравьёв встречались так часто, словно только им, неугомонным санитарам, было доверено следить за экологией здешних лесов, по возможности сохраняя их для потомков в первозданном виде.

Глядя на неумолимых тружеников леса и вспомнив строки из стихотворения петербургской поэтессы, дед торжественно продекламировал:

*Египетское царство муравьёв
Воздвигнуто в тени сосновых сводов.
И переполнен солнцем до краёв
Нефритовый, смолистый храм природы...*

И вот наконец заветная калитка. Ещё не успели войти, а навстречу уже бегут встречающие: Лида, Марат и, конечно же, их сын Артём. После недолгих расспросов гостей о том, как доехали, хозяйка повели их к дому, который находился в глубине сада. Началась ознакомительная экскурсия по территории. Не знаю уж, как Никифоровне, но деду общий вид дачи площадью

не менее двадцати соток понравился с первого взгляда.

Двухэтажный, старой постройки коттедж, не выпячиваясь своей былой архитектурой, ненавязчиво вписывался в окружение. Рядом с ним мирно соседствовали небольшие одноэтажные строения, скромно прижавшись к границе нетронутого леса. Сад, колодец, сохранившиеся вековые липы и сосны, по определению деда, создавали благоприятные условия для проживания.

После небольшого отдыха, взяв с собою Артёма, гости решили прогуляться, а заодно ознакомиться с окрестностями. Пешеходная дорожка была заполнена приезжими, и, решив уединиться от людской суеты, они свернули на первую попавшуюся лесную дорогу.

Углубившись в лес и попав в царство вековых сосен, поддерживающих на своих каракулевых макушках голубое небо, отдыхающие всё дальше и дальше уходили от пропахшего бензином и копотью асфальта. Сосны, словно лиловые свечи, стояли вдоль заросшей травой дороги, с любопытством разглядывая приезжих, угощая их чистейшим воздухом, настоящим на запахе смолы с лёгкими нотками цветущих ландышей. Прогулка затянулась.

Прошагав ещё пару километров, на небольшой возвышенности путники обнаружили поляну, покрытую изумрудной зеленью и усыпанную крапинками голубых незабудок.

Чуть в стороне, под ветвистым рябиновым кустом, были обнаружены следы пикника: возле костровища на вкопанных в землю деревянных столбиках покоилась скамейка. Венок из разнообразных лесных цветов завораживающим созвездием высветился по всему периметру поляны, а за ней, слегка прикасаясь друг к другу веточками, хороводили озорные молоденькие сосенки. И только на самой её пуповине, несмотря на полуденную жару, накинута на себя изъеденный временем серый кафтан и словно опираясь на клюку, стояла старая разлапистая сосна и с нескрываемым любопытством разглядывала только что подошедшую к ней берёзку.

Она остановилась возле этой сосны в своём беленьком в крапинку платьице, и в её распутившейся кроне искорками отплясывали блики отражённых солнечных лучей. Было заметно, что среди молодой поросли незнакомка чувствовала себя неловко и, подойдя к одинокой старой сосне, казалось, попросила у неё разрешения влиться в общий хоровод, а возможно, просто заблудилась и, случайно выйдя на эту поляну, стала расспрашивать, как отыскать в лесу нужную ей тропинку.

Лето, распаренное зноем, было в самом разгаре.

Лучи солнца, процеживаясь между перистыми облаками с голубыми проталинами, застревали в кудрявых верхушках сосен. В траве золотистыми светлячками отражалась игра солнечного света. В отблеске янтарно-сосновой тиши, сморённая жарой, кому-то лениво гадала кукушка, а трудолюбивый дятел, удобно пристроившись на приглянувшемся ему дереве, под многоголосье хорового пения птиц старательно на всю округу «стучал на барабане».

Отдохнув на скамейке, той же дорогой путники неторопливо отправились обратно. Выйдя из леса, в стороне от автомобильной дороги дед увидел одиноко стоящий железобетонный столб, на котором довольно высоко над землёй был приклеен лоскут чуть пожелтевшей бумаги. «Кажется, объявление», – подумал он и окликнул своих попутчиков, идущих чуть впереди и о чём-то беседующих.

Никифоровна остановилась и, видимо, подражая только что рассказанной Артёму сказке, спросила:

– Чего тебе надобно, старче?

– Да вон объявление увидел, поди-ка глянь, что там написано! – И он указал рукою на столб.

– Всё-то ты замечаешь! – улыбаясь, сказала Никифоровна и, подойдя к столбу, вслух прочитала: – «Продаются земельные участки...»

– А ну-ка, запиши номер телефона, авось пригодится!

– Нечем и не на чем – с собой нет ни бумаги, ни ручки!

– Как же быть-то? – сокрушался дед, тщетно пытаясь отыскать в своих карманах случайно завалывшуюся бумажку и карандаш.

– Да я запомню! – весело крикнула Никифоровна. – Ты тоже на всякий случай положи на свою полочку, а дома друг друга проверим. – И она продиктовала цифры, написанные на лоскутке бумаги.

Дед на память не жаловался, поэтому на предложение Никифоровны «положить на полочку» тихо произнёс:

– Ну что ж, проверим, у кого лучше сохранилась память. – И цепко ухватился за услышанные цифры.

На дачу вернулись уже ближе к вечеру. Марат стоял возле мангала и готовил шашлыки, а Лида хлопотала у обеденного стола.

После прогулки прямо в саду, возле домика, все уселись за стол. Среди множества приготовленных яств на столе, покрытая стекающими капельками пота, стояла бутылка водки. За трапезой завязался непринуждённый разговор. Лида, конечно же, полюбопытствовала, как прошла прогулка и понравились ли здешние места.

Отвечая на вопросы хозяйки, Никифоровна вновь мысленно отправилась по только что пройденному маршруту, с восхищением рассказывая о красотах здешних мест. Слушая жену, дед осторожно делал незначительные поправки и дополнения, не вмешиваясь в суть разговора.

В сумеречной тишине загадочно отбрасывали тени деревья, пахло грибами, сад дышал влажной свежестью.

На небосводе из бархатистой вечерней дымки выскользнула луна и неподвижно застыла над лесом. Неподалёку в кустах распевала свою нескончаемую песню одинокая птица.

Рядом, свесив почти до самой земли зелёные ветви и в честь гостей переодевшись в белоснежные платья в чёрную крапинку, стояли похожие друг на дружку три одинаковые берёзы. За столом ручейком переливался неторопливый разговор, и лёгкое эхо, подхватывая отдельные слова, уносило их куда-

то за угол дома, где они постепенно таяли в необозримом просторе лесного массива.

Посмотрев на берёзы и обращаясь к сидящим, дед вдруг произнёс:

– Да вы только гляньте-ка на этих красавиц! – И кивком головы указал на сестричек. – Они же прислушиваются к нашему разговору! Посмотрите, как ушки-то наострили!

– Ой, и правда, а я как-то этого и не замечала, хотя каждый день с ними общаюсь! – восхищённо произнесла Лида и, глянув, как в мягкой прозрачности лунного света с берёз на землю падают глянцевые брызги листьев, продолжила: – А знаешь, дед, они только на первый взгляд кажутся одинаковыми, на самом же деле характеры у них очень разные!

– Как это так? – теперь уже удивлённо произнёс дед.

– А вот так, сейчас вы в этом убедитесь! – И, выйдя из-за стола, она взяла лист фольговой бумаги и поднесла к крайней берёзе.

Бумага, словно намагниченная, у всех на глазах стала притягиваться к стволу дерева.

Продолжая свой эксперимент, Лида подошла к другой, что стояла посередине. И та, видимо, обидевшись на излишнее к себе внимание, к удивлению гостей, резко оттолкнула бумагу от своего стройного белоснежного стана.

На какую-то долю секунды деду показалось, что эта самая берёза-недотрога, словно на картине Крамского «Неизвестная», гордо подняла свою красивую голову, откинула назад прядь волос, вьющихся ковыльным султаном, и, недовольная тем, что до неё дотронулись, отвернулась в сторону.

– Эка-а, норов-то какой, а! Вы только гляньте на эту красавицу! – воскликнул дед, восхищаясь её независимым характером. – Так, милая, недолго и в девках засидеться! – И в этот момент деду пришли на ум чьи-то замечательные поэтические строки. Немного перефразировав и посвятив их берёзке-недотроге, он торжественно прочёл:

Ты её насмешками не трогай,

Если удивить её не смог.

Это ж замечательно, что много

На земле берёзок-недотрог...

То ли стоящие рядом берёзы, то ли прекрасные поэтические строки всколыхнули застоявшуюся душу деда. И тут он вспомнил о лоскутке бумаги, на котором было объявление с телефонным номером. Поскольку дед ещё был и страстным коллекционером, его вдруг осенила некая мысль, но как, сидя за праздничным столом, преподнести свою задумку, дед пока не знал. Немного подумав, он обратился к Никифоровне: – По-моему, сейчас настало самое время проверить нашу с тобой память!

– Это ты о чём? – спросила она, видимо в пылу застольного разговора позабыв про номер телефона, записанный на лоскутке бумаги.

– Как это о чём? О том самом, как час тому назад ты посоветовала мне для сохранности что-то положить на полку!

Марат с Лидой переглянулись. Видя их недоумение, дед рассказал об объявлении и, воспользовавшись небольшой паузой, попросил Лиду быть судьёй в предстоящем споре.

С присущим ей юмором Лида воздела кверху белоснежные, как лебединые крылья, руки и, улыбаясь, произнесла:

– Клянусь вечерним бархатным небом, что буду судить беспристрастно, и благодаря всех присутствующих за оказанное мне столь высокое доверие!

– Вот и ладненько, вот и хорошо! – довольно потирая ладони, произнёс дед и, соблюдая этикет, поднявшись со стула, сделал поясной поклон гостеприимной хозяйке.

После такого неожиданного начала Никифоровна протянула руку навстречу руке деда и со свойственным ей темпераментом спросила:

– На что спорим?

Дед этого вопроса только и ждал. От предвкушения победы, входя в раж азарта, он сел, немного поёрзал на табуретке и повторил:

– На что спорим? Ты, Никифоровна, задала вопрос, тебе, стало быть, первой и решать!

– Ну хорошо! Хочу, чтобы ты, дедуль, купил мне красивое платье.

– А я, если проиграю, куплю тебе...

– Э-э, нет, моя дорогуша! – остановил её дед. – Ты своё пожелание высказала, а то эго куда тебя понесло! За меня уже начала решать, что мне надобно, будто у меня своей головы нет.

– Ладно, решай сам, не возражаю!

– Вот так-то оно лучше! Конечно сам, кто же лучше меня может знать, что мне надобно!

Улыбаясь, Марат смотрел то на Никифоровну, то на деда, соблюдая при этом полный нейтралитет, а «судья», выслушав обе стороны, сказала:

– Дед прав. В этом деле правила должны быть строгие, а главное – для обеих сторон одинаковые. Проигравший должен в обязательном порядке выполнить условия выигравшего, иначе спор не будет иметь никакого смысла.

Воспользовавшись поддержкой «судьи», дед продолжил:

– Не далее как третьего дня в одном из банков я увидел золотую монету, вот эту «полушку» я и ставлю на кон в нашем споре.

От услышанного у Никифоровны распался рот.

– Ого-го! – воскликнула она, не ожидая такого аппетита от своего дедули. – Ты хоть представляешь разницу в цене?! – И попыталась вырвать свою руку из ладони деда.

– Да подожди ты, не суетись! Что разгонталась, словно гусыня перед сном! – прикрикнул на неё дед, продолжая удерживать руку жены в своей ладони. – Во-первых, по нашим условиям предмет спора каждый выбирал сам. Во-вторых, я принародно не возмущаюсь насчёт твоего выбора, а, наоборот, уважаю его. Если проиграю, будет у тебя платье самое лучшее, какое ты пожелаешь, и стоять оно будет не меньше, а, возможно, даже больше, чем выбранная мною монета. А ты заладила о какой-то дороговизне. Да что стоит с твоей пенсии выкупить какую-то золотую безделушку?! Это для тебя раз плюнуть!..

Когда же разногласия сторон были улажены и руки участников спора разошлись в разные стороны, слово взяла «судья»:

– Предлагаем тебе первой написать номер спорного телефона, который ты запом-

нила, – сказала Лида, подавая Никифоровне карандаш и чистый лист бумаги.

Взяв в руки карандаш и мысленно ругая себя, Никифоровна подумала: «Да что это я бузу-то затеяла, будто без этого спора нельзя было купить монету. Можно подумать, что когда-нибудь я для своего деда что-то жалела...»

Именно сейчас, в этот прекрасный вечер, она вспомнила Саратов.

В те далёкие незабываемые студенческие годы, когда душа её начинала пеленаться с любимым, она, хмельная от счастья, не думая о завтрашнем дне и опоенная любовным бальзамом, бежала к нему на свидание. Даже не бежала, а, скорее, летела с верой в своё счастливое будущее. Влюбилась с первого взгляда и, выйдя в восемнадцать лет замуж, всю нерастраченную любовь без остатка отдала мужу. С тех пор много годков минуло, но за дымкой ушедшего времени чувства к любимому не угасли, а наоборот, каждая её клеточка и по сей день живёт думой о нём. Что и говорить, порою на душе было тяжело, ох как тяжело, когда ей казалось, что её любовь неразделённая. «Наверное, разлюбил», – думала в такие минуты она. Но время всё расставляло по своим местам. В ежедневных заботах незаметно залечивались душевные раны, и тогда рядом с собою женщина вновь обретала любящего, заботливого мужа.

Вот и сейчас, зная страсть деда к различным безделушкам, Никифоровна увидела, как загорелись его глаза, когда тот завёл речь о монетке.

«Дык неужто своими руками возьму и ни с того ни с сего задую в нём этот огонёк желания?! Нет, этому не бывать!»

Представив, каким дед будет счастливым, когда они вдвоём пойдут выкупать приглянувшуюся ему монетку, она улыбнулась и на бумаге вывела номер телефона, сознательно заменив одну из цифр на неверную.

– Теперь, дед, слово за тобой, – и «судья» пододвинула ему вместе с карандашом чистый лист бумаги.

Взяв бумагу, он зачем-то погладил её ладонью и, словно увидев на поверхности нужный ответ, про себя решил: «Никакой

монеты – и баста! Это не к спеху... Лучше перво-наперво справлю Никифоровне платье!» – И, незаметно улыбнувшись в посевшие усы, представил, как жена в новом платье со строгой причёской под руку идёт с ним в театр. Ну точь-в-точь как бывало в молодости. И так захотелось ему увидеть жену в отличном платье, что он чуть было не вскрикнул: «Смотрите, какая она у меня красавица!»

Конечно, что уж тут лукавить, кому из коллекционеров не хочется пополнить свою коллекцию новым экспонатом? Но всё это ничто по сравнению с минутами, когда видишь любимую счастливой!

В молодости дед никогда не задумывался, что такое любовь, и по-настоящему в неё не верил. Если какая-нибудь девушка и западала в душу, то любил по-своему и об этом, упаси бог, никогда никому не рассказывал. Поэтому в свой адрес от девушек часто слышал о чёрствости закрытой души и нелюдимом характере.

– Что-то ты долго раздумываешь, – услышал дед голос Лиды, напомнивший ему о листе бумаги, который продолжал лежать перед ним, отливая белизной в сумерках ушедшего дня.

Очнувшись от задумчивости, он взял карандаш и, не торопясь, безо всяких колебаний осознанно переставил две цифры в телефонном номере, который хранился на задворках его памяти, после чего, довольный своей работой, важно отодвинул от себя лист бумаги.

Лида взяла оба листа и долго всматривалась в цифры. Наконец, оторвав взгляд от бумаг, произнесла:

– На том и другом листе номера не совпадают, и который из них правильный, похоже, выясним только завтра.

До этого всё время молчавший Марат, улыбаясь, мудро изрёк:

– Чтобы поставить точку в вашем споре, завтра все вместе совершим поход к тому столбу, где висит объявление, а сейчас, по-моему, настало самое время пропустить ещё по одной! – И хозяин стал наполнять рюмки.

– Нет! – решительно сказал дед. – Пропустим потом, когда приду. Зачем отклады-

вать до завтра, когда разрешить спор можно сейчас?

– Да ты что, дед, и вправду собираешься идти? – испуганно спросила Лида. – На дворе же ночь, глянь-ка!

– Откладывать до утра не в моих правилах, и потом... прогуляться перед сном в обнимку с белой ноченькой – одно удовольствие, а когда результат будет ясен, крепче спать будем! Так что я сейчас, мигом! – и, взяв карандаш, фонарь и клочок бумаги, дед по-молодецки посеменял за пределы дачи.

Когда же он начал переписывать телефонный номер, указанный в объявлении, то обнаружил в нём семёрку, которой уж точно не было у него «на полочке». «Старый дурень! – обругал себя дед, топя обратно на дачу. – Совсем забыл, что я на одно ухо хромаю, вот мне и послышалась вместо семёрки восьмёрка! Ладно, что ни делается – всё к лучшему. Теперь-то уж Никифоровна наверняка в споре выиграла! Это хорошо! Завтра, не откладывая в долгий ящик, пойдём в магазин подбирать жене платье».

Белая ночь, подёрнутая сероватой дымкой, казалась таинственной, и от этого была ещё прекрасней. Луга, украшенные бисером росы, курились лёгким туманом, сочные травы пахли землёй и небом.

Шагалось и думалось легко.

Мысли, как ручейки в весеннее половодье, сначала разбегались во все стороны, а затем, сливаясь в общее русло, придавали течению нужное направление. Дед и сам не мог понять, что повлияло сегодня на его хорошее настроение – такое с ним бывало редко. Возможно, этому предшествовал воскресный день с загородной прогулкой на природе, а может, желанная встреча с друзьями или, в общем-то, ничем не примечательный спор, от которого повеяло юношеским задором. Шагая по тропинке, он вспоминал свою деревню, где когда-то в детстве играли в такую же игру. Называлась она «Бери да помни», и в этой игре выигрывал тот, у кого оказывалась лучше память.

Хотя уже давно он стал городским человеком, но деревню свою не забывает. Она, как непреходящая любовь, шагает с ним рядом

всю жизнь, придавая ему сил и вдохновения. Деревня, которая ещё в детстве вошла в него незаметным ручейком, постепенно набирая силу, превращалась в большую бурную реку, название которой – Жизнь. Может быть, поэтому сегодняшний воскресный день виделся ему в особых красках, и за это прежде всего он благодарен жене, что вытащила его, домоседа, на природу.

«Нет, завтра же куплю ей платье, и не лишь бы какое, а с полевыми цветами, разбросанными бисером, какие росли у нас в деревне за околицей!»

Думая о планах предстоящего дня, дед не заметил, как подошёл к даче. При его появлении за столом воцарилась тишина.

– Ну и как, Никифоровна выиграла? – выпалила Лида, как только дед присел на табуретку.

Не ответив, он жадно прильнул к стакану с минеральной водой.

И тут снова прорезался голос у Марата:

– Раз молчит, значит, золотая монета у деда в коллекции!

– Похоже, Марат прав, – улыбаясь, сказала Никифоровна. – И завтра мы пойдём выкупать приглянувшуюся деду золотую монету.

Когда все выговорились, дед вынул из кармана записанный им номер телефона и молча положил на стол перед Лидой. Сравнив ранее записанные номера с «оригиналом», она коротко произнесла:

– Ничья!

После того, как в споре была поставлена точка, обращаясь к Марату, дед сказал:

– Наливай!

Посидев ещё с полчаса, стали расходиться ко сну. Засыпая, дед услышал, как откуда-то из потаённого уголка ночного леса, словно передразнивая, в открытое окно донёсся голос ночной пичужки: «НИ-ЧЬЯ, НИ-ЧЬЯ, НИ-ЧЬЯ!..»

Довольный результатом ушедшего дня, дед улыбнулся лесной певчей птице и заснул крепким сном.

Под таинственный шелест ночных деревьев, прижавшись к деду, крепким сном спала и Никифоровна.

Июнь 2006 г.

**Татьяна
Алексеева-
Никулина**
Остров, Псковская обл.

Про вóронов

Володьке очень нравилось проводить лето – или хотя бы часть лета – у бабушки и бабушки на станции Кордон, что на границе Пермского края и Свердловской области. Во-первых, мальчик любил бабушку Фису и деда Максима: редко доводилось с ними видеться – только раз в год, во время каникул. Другим-то, вон как Тане, девочке из соседнего дома, хорошо – бабушка и бабушка всё время с ней, а Вова скучал по старичкам. Во-вторых, каникулы на Кордоне – это всегда новые впечатления! Даже сам дом с его клетями, чуланами, сенями, сеновалом, крытым двором и множеством маленьких помещений непонятного предназначения таил в себе много загадок. Здесь и запахи были другие – не такие, как дома, в Зуевке: пахло сушёными травами, что пучками были развешаны по стенам, молоком, пирогами, прогоревшими в русской печке углями и сосновой смолой от бревенчатых стен...

Как всегда, на следующий день после приезда Вова отправлялся обозревать окрестности. Изменений за год никаких не произошло, только в единственном магазине висел листок, вырванный из тетради в клеточку, с каким-то странным списком дежурства. Внимательно ознакомившись со списком, Вовка увидел там и фамилию бабушки Максима. О, интересно! Это надо обстоятельно разузнать у деда: где и зачем он должен дежурить? Мальчик вприпрыжку поспешил домой. Дед чистил хлев у коровы, выбрасывая вилами навоз в огород через маленькое оконце, специально прорубленное в стене хлева для этих целей.

– Деда, а деда, – запыхавшись, прямо с порога начал внук. – А что это у вас в магазине список висит какой-то? И ты в том списке есть, и соседский дед Фёдор... – Вова буквально забросал деда вопросами.

– А-а-а, – протянул дед Максим, – так это список очерёдности дежурства, кому ночью караулить выпас.

– А почему ночью-то? И зачем его караулить?

Внука просто распирало от любопытства, а ответы из бабушки приходилось чуть ли не щипцами вытаскивать.

– Так понимаешь ты, в прошлом году медведь повадился тёлочку губить: заламывает тёлочку-то да и утащит в лес. Что не съест, то припрячет. И нашу тоже сгубил, убивец. Вот и караулим теперь от медведя.

– Так ночью-то почему?

– А ночью мы не коров караулим, а выгон.

– Зачем выгон-то караулить?

– А ты нынче выгон видел? Нет? Видишь, дорогой, выгон-то большущий, чтобы всем хозяевам для коровок хватило, и разделён он на отдельные загоны – у каждого хозяина свой. Стадо-то большое набирается: почитай, у каждого жителя нашего леспромхоза коровка имеется... А посередине большого выгона дорога проходит – для машин, значит. Другого места для дороги нет – тайга кругом. А шофёры – мало ль, проедут, да за собой

слегу-то и не закроют. Вот он, порядок-то, и нарушен. А днём пастух общественный может и не доглядеть: уйдёт корова в тайгу – ищи её тогда. Да только не найдёшь, куда там!

– Деда, а что медведь?

– Ну а что медведь? Ох и переполошил нас, мужиков, этот безобразник. Долго думали: может, вызвать кого из властей или милиции, да чтобы с ружьём приехали. Собрались возле магазина – спорили да решали! Одной махры только сколько искурили. Так вот и решили: пока самим управляться надо, а уж если не получится, то будем у властей помощи просить.

– Деда, а это опасно – медведя караулить?

– Само знамо – опасно. Да только чего это ты надумал-то, голова твоя бедовая?

– Деда, деда, а возьми ты меня с собой ночью, а? – внук умоляюще заглядывал деду Максиму в глаза.

– Да что ты, что ты, – запротестовал дед, – дело-то ведь нешуточное, не в цапки играть там будем. А не ровён час – сам Потапыч пожалует?! Испугаешься ещё. А ну как случись что? Как же я перед дочкой, перед мамой твоей, отчитываться буду?

Только внук такими преданно-умоляющими глазами смотрел на деда, что отказать своему любимцу тот не смог.

– Да ладно уже, пойдёшь со мной.

Вовка даже взвизгнул от радости и бросился к нему на шею, обнимая его и тут же обещая слушаться двух дедов – своего и соседа, деда Фёдора. Дедушка Максим только улыбался, видя такую бурную радость мальчика.

Вечером, как только солнце стало клониться к закату, вышли они, два старых да малый, из дома, прихватив всё необходимое для ночёвки под ночным открытым небом. Мужчины надели тёплые ватные телогрейки, Володю тоже потеплее снарядили. В самодельном сидоре лежала пара луковиц, намытая картошка, соль, несколько свежих огурчиков, алюминиевые кружки и куски колотого сахара...

У костра в ожидании, пока испечётся картошка, сам собой завязался разговор, да всё о том же медведе!

Два деда – Максим и Фёдор – вспоминали, как один уговорил другого пойти на медведя только вдвоём, никому не сказываясь. Про то, чтобы идти одному, даже и речи не шло: слишком опасно это было, смертельно опасно! Два дня они ходили по тайге, поднимаясь на сопки, залезая на высокие деревья. Искали, где кружатся вороны.

– Деда, – заинтересовался внук, – а почему ты говоришь вороны, а не вороны?

– Да потому что это две разные птицы, хоть и похожие по названию. Вороны – они не очень большие, примерно с голубя величиной, сама ворона чёрная, а головка у неё серая. Они питаются отбросами, насекомыми. А вороны – они большие, как грачи, и даже больше, если очень старые. И с таким же большим и крепким клювом. Вороны питаются падалью. Вот только клюв у них не как у орлов – сильный да острый, – он не приспособлен разрывать крепкую шкуру животных; самое большее, на что способны вороны, – выклевать глаза.

– Деда, а при чём тут вороны? – Вова удивлённо пытался найти связь между медведем и птицами.

– Они выслеживают медведя с добычей. И ждут, когда им достанется падаль. Вот раздерёт медведь своими крепкими когтями толстую шкуру телёнка, съест часть мяса, а воронё уже тут как тут: налетели, стали лакомиться потрохами.

– А вы следили за стаей птиц?

– Конечно. Где кружит стая, там, значит, и медвежье «застолье».

– Ну и как, нашли?

– Конечно, нашли. С высокого дерева за пару километров увидели стаю падальщиков. Пришли на место, где они кружили, и между двумя соснами под кучей хвороста нашли останки тёлки. Сейчас лето, жарко, и она уже протухла. Тут сосед Фёдор добавил:

– За три дня до смерти, к примеру, зайца или лисы, ворон преследует зверя день и ночь, пока зверёк не умрёт. Потом выклёв-

ывает глаза – самое сладкое. И истошно каркает, призывая лесных жителей на пирушку. Ждёт, пока звери разорвут беднягу и можно будет поживиться останками-остатками.

– Дядя Фёдор, они что, заранее чуют чью-то смерть? – с волнением спросил мальчик

– Ну, выходит так.

Тут дедушка Максим добавил:

– Говорят, в стародавние времена люди поднимались на вершины сопок, забирались на высокие деревья и смотрели, где кружит стая воронья, где будет будущее поле боя с врагом. И так оно и было. Наши ратники успевали подтянуть войска или устроить засаду.

И тут дед Фёдор неожиданно затянул старинную народную песню:

*Чёрный ворон, что ж ты вьёшься,
Что ж ты вьёшься надо мной?
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой.*

*Что ж ты когти распускаешь
Над моею головой?
Ты добычу себе чаешь,
Чёрный ворон, я не твой.*

*Завяжу смертельную рану
Подарённым мне платком,
А потом с тобой я стану
Говорить всё об одном.*

*Полети в мою сторонку,
Скажи мамёнке моей,
Ты скажи моей любезной,
Что за Родину я пал.*

*Отнеси платок кровавый
Милой Любушке моей,
Ты скажи, она свободна,
Я женился на другой.*

*Взял невесту тихую, стройную
В чистом поле под кустом.
Обвенчальна была сваха –
Сабля острая моя.*

*Калена стрела венчала
Среди битвы роковой.
Чую, смерть моя подходит,
Чёрный ворон, весь я твой.*

Володька внимательно дослушал до конца, призадумался, а потом живо встрепенулся:

– Деда Фёдор, а я помню, помню, как в кино Чапаев перед своей гибелью пел эту песню! Это что же, выходит, он тоже свою смерть почуял?

Оба деда многозначительно переглянулись, крикнули и почти враз сказали:

– Выходит так, внучек.

Медведь и два деда

События прошедшей ночи, необычайный рассказ о том, как воронья выслеживает добычу, не давали покоя буйному Вовкиному воображению. Хотелось непременно поделиться этими впечатлениями с кем-нибудь, а потому мальчик целый день ходил за бабушкой Фисой и пытался ей вразумительно всё рассказать. Но старушка, занятая хозяйством, слушала его вполуха. И только к вечеру, немного освободившись, она смогла более внимательно выслушать внука. Рассказ почему-то очень развеселил её – бабушка Фиса смеялась, как молодая. Справедливо заподозрив, что от него что-то скрыли и это что-то было, несомненно, очень важным и интересным, Вова, как репей, пристал к бабушке с расспросами. Та, смеясь, отмахивалась от него и за продолжением рассказа отсылала к деду Максиму.

Мальчик, решив, что из первых уст действительно можно узнать намного больше и подробнее, направился к дедушке. Тот как раз сидел в это время с двумя-тремя мужчинами на лавочке возле дома. Был среди них и соседский дед Фёдор. Ничего не подозревающий мальчуган подошёл к ним, вежливо поздоровался и, выждав паузу в разговоре взрослых, попросил рас-

сказать, а как же дальше было с медведем, убили они его или нет.

Невинный вопрос ребёнка и его чистые, ясные глаза вызвали у взрослых неудержимый взрыв хохота. Не смеялся только сосед – дед Фёдор. Мальчику была непонятна такая реакция взрослых, к тому же насупленный вид полюбившегося Вове деда Фёдора вызывал сомнения в корректности вопроса. Но слова уже прозвучали, и отступить было поздно.

– Видишь, дорогой, в чём тут дело-то... – начал было рассказ дедушка Максим, но осёкся, заметив грозно сдвинутые брови друга Феди.

– Нет, внучок, давай-ка я тебе лучше что-нибудь другое расскажу. А это в другой раз, потом.

Володьке нестерпимо захотелось узнать всё сразу и сейчас, но, привыкший к тому, что у старших могут быть секреты, которые не положено знать детям, замолчал. Помощь неожиданно пришла от мужиков, сидевших вместе с дедом на лавочке и спокойно беседовавших до появления мальчика. Они тоже стали просить деда Максима рассказать не столь давнюю историю, которая несколько дней будоражила леспромхозовский посёлок, вызывая хохот и незлобивые шутки жителей.

Дед Фёдор, окончательно расстроившись, махнул на всех рукой и пошёл прочь, что-то недовольно бурча себе под нос о дружбе с соседом, о предательстве, о чрезмерно любопытном мальчишке, свалившемся на его голову...

Интрига закручивалась, и дедушка Максим сдался не столько под натиском соседей, сколько под воспоминанием о не столь давнем происшествии.

Как мы помним из предыдущей истории, Максим и Фёдор медведя всё же выследили. Но ведь мало выследить, надо ещё и обезвредить! В каждом доме сельского жителя уральской тайги непременно хранилось ружьё – без него в суровых условиях было не обойтись. Были захудаленькие ружьишки и в домах Максима и Фёдора, но приме-

нять их без крайней надобности мужики побаивались: спрос за пальбу без причины был строгий, да и за браконьерство строго наказывали. По этой причине деды никому и не сказали, что идут на самого медведя, а не на разведку его логова!

Зарядив ружья, смельчаки отправились на промысел, а точнее – на месть за погубленных животных. Медвежачий схрон с остатками тёлочек они нашли, исколесив по тайге два дня (об этом мы уже знаем). Теперь оставалось устроить на мишку засаду. Внимательно изучив по медвежьим следам, откуда обычно приходит зверь, определив направление ветра, чтобы он дул в сторону охотников, они приглядели две подходящие для засады растущие рядом сосны и, не сговариваясь, решили, что для устройства лабаза здесь самое подходящее место. Настоящие, прочные и долговременные лабазы они строить не стали. Оборудовали небольшие, примерно в половину квадратного метра, временные площадки из досок, чтобы можно было поместиться одному человеку и с небольшим комфортом просидеть на них несколько часов. Каждый устроил лабаз на своём дереве на высоте пяти-шести метров от земли.

Стояла восхитительная ночь – было полнолуние. Бледный свет разливался по деревьям, кустам, травам...

В эту ночь медведь появился, понюхал воздух, шумно фыркнул и ушёл. Только ночь у двух дедов всё равно была беспокойная и бессонная – тревога и нудное пение комаров не давали спокойно уснуть. Следующий день друзья тоже провели на дереве. От неудобной позы ныло всё тело, затекли ноги и руки. На вторую ночь, такую же ясную и лунную, Потапыч показался, прошёл к своим припасам, зарытым в земле, раскопал останки тёлочки и приступил к трапезе.

Деды, изрядно притомившиеся за прошлую бессонную ночь и не получившие возможности отоспаться днём, сломленные усталостью, заснули сном праведников.

Руки Фёдора ослабли во сне, и тяжёлое ружьё выскользнуло из рук, свалившись прямо на мишку! От неожиданности и страха медведь взревел, огласив округу громким рыком. Оба охотника мгновенно проснулись. Разъярённый зверь быстро и ловко для своего веса стал карабкаться на сосну. Медведи только кажутся неповоротливыми. На самом деле они очень проворно лазят по деревьям. Для деда Фёдора наступили не самые хорошие минуты в жизни: медведь норовил достать обидчика лапой. Из-за тесноты крошечной площадки, на которой сидел мужчина, ему совершенно некуда было уклониться от медведя.

– Топором его бей по лапе! – кричал дед Максим.

Тем временем предательница-луна скрылась за облачком – стало значительно темнее.

– Стреляй, японский бог! – ещё громче Максима вопил, взывая о помощи, Фёдор.

– Да не вижу я ничего! – в отчаянии голосил Максим. – Ты руби его топором-то по лапе!

Фёдор, вспомнив, наконец, о топоре, засунутом за пояс, быстро достал его трясушимися от страха руками, размахнулся и что есть мочи ударил наугад по медведю. Удар пришёлся не только по когтистой лапе разъярённого зверя, но и по верёвке, которая поддерживала лабаз.

Словно играя в прятки с охотниками, снова выглянула луна, и в её ярком свете

дед Максим увидел, как хлипкая конструкция вместе с его другом обрушилась на медведя. Фёдор, падая с высоты не менее пяти метров, инстинктивно ухватился за то, что попало под руку – за медвежью шерсть! Матёрый зверь, взревев и от боли, и от страха, кубарем свалился с дерева и, встав на задние лапы, стал сбрасывать с себя седока, неизвестно как свалившегося на него. Только третья попытка оказалась удачной, и, задав стрекача, оставляя после себя следы «медвежьей болезни» (у медведей от страха случается понос), Топтыгин скрылся в лесу.

А что же дед Фёдор? Дед с такой же скоростью удирал в противоположную сторону...

Дед Максим, сделав пару выстрелов в воздух, чтобы окончательно нагнать страх на зверя, до рассвета просидел на дереве, опасаясь сойти вниз. С первыми лучами солнца, вздрагивая и пугаясь каждого шороха, кряхтя и охая, осторожно спустился и пошёл искать своего друга.

Немного пройдя в ту сторону, куда скрылся сосед, услышал странный плеск. На краю небольшого бочага стоял дед Фёдор и застирывал свои портки: оказывается, «медвежья болезнь» случается не только у косолапых!..

Конечно, история эта стала достоянием всего небольшого посёлка и вызывала каждый раз при появлении Фёдора неудержимый, но не обидный смех.

Ольга Губина

Ялуторовск, Тюменская обл.

Петькины уроки. Море

Петьке шесть лет, в августе исполнится семь, и этой осенью он пойдёт в школу.

Маленький, худенький Петька – самый мелкий среди ровесников, но он умеет читать, знает много интересного.

Отца у Петьки нет. Точнее, он есть, но только с ними не живёт, у него появилась другая семья. Петька его и не помнит совсем, ведь ему тогда едва исполнился год.

Вот и живёт он в «бабьем царстве» – с бабушкой, мамой и старшей сестрой Танькой, ещё той командиршей.

Бабушка утешает Петьку, говорит, что почти все великие люди – Суворов, Наполеон, даже сам Пушкин – были маленького роста, но великого ума.

Бабушке Петька верит, а ещё хорошо знает поговорку про «мал золотник».

Но всё равно хочется Петьке вырасти большим и сильным. Поэтому висит он

на турнике, тайком от бабушки и мамы научился плавать, грызёт морковку (бабушка говорит, что в ней есть витамин роста) и мечтает...

Есть у Петьки любимое занятие – он очень любит разбирать и собирать игрушки, велосипед, часы... правда, разбираются они все хорошо, а вот собираются не всегда и не все. Но Петька не расстраивается, он знает, что «если долго мучиться, то что-нибудь получится».

А этим летом Петька вместе со своим «бабьим батальоном» поедет на море. Перед школой надо окрепнуть и набраться позитива – так решили мама и бабушка. А Петьке хочется путешествовать, узнавать новое, увидеть другие края...

Мама взяла отпуск, и они все вместе поедут на Чёрное море, а по дороге увидятся с отцом (так сказала бабушка), и Петька спать не может, всё ждёт, когда же они уже поедут. Какой он, его папа? Что он ему подарит?..

И Петька мечтает: вот приедут они в Екатеринбург, а там папа, большой, сильный и добрый, как увидит Петьку и Таньку, как подхватит их на руки!.. Купит мороженое, газировку, бургеры, подарит Петьке... и тут у Петьки мечты начинали путаться, он никак не мог придумать, что же такое им подарит папа. Но подарит же что-нибудь. А он, Петька, прочитает папе книжку. Вот он удивится! Скажет: «Ну, сынок, удивил. Ты так хорошо читаешь, а ещё в школу не ходишь». А может, просто скажет маме: «А можно я тоже с вами на Чёрное море?»

Видится Петьке огромное-огромное, чёрное-пречёрное море, а по нему плавают дельфины, киты и разные рыбы, и Петька играет с ними, догоняет их, а мама с бабушкой бегают по берегу и зовут: «Петрушка, не заплывай далеко! Петруша, не балуйся с дельфинами! Петенька, отпусти рыбку...»

И вот он настал, этот день. Вся семейка, дружно взвалив рюкзаки и сумки, поехала на большой железнодорожный вокзал. Ба-

бушка и мама суетились, вспоминали, куда положили пирожки и курицу, куда яблоки, где вода. А Петька смотрел своими большими голубыми глазницами в вокзальное окно и ждал посадки в поезд.

Тётянка простуженным, кашляющим голосом что-то проговорила в радио, и мама, бабушка, Танька и сродная сестра Ульянка сорвались с места, рванулись на платформу к поезду. Петька болтался, как привязанный, за рукой мамы.

Но вот расположились все в купе, убрали вещи, достали еду и поехали. Петька прилип своим курносым, конопатым носишкой к стеклу.

Там, за окном вагона, бежали, догоняя Петьку, огоньки фонарей, берёзки, поля.

Вдруг с громким стуком промчался встречный состав. И снова за окном бежали леса, дороги, столбы. Петька начал дремать, его головёнка стучалась крепким лбом о стекло, он то смотрел, то снова дремал.

Мама сказала: «Всё! Спать! Завтра насмотришься, ехать ещё долго». Девчонки писали что-то в тетрадках. Бабушка им посоветовала записывать дорожные впечатления. Вот они и старались. Даже сбегали к купе проводницы, переписали станции, которые будут проезжать...

Петьку не пустили на верхнюю полку, он очень обиделся и уснул, отвернувшись от всех.

Петьке снилось море. Он качался на чёрных тёплых волнах, дельфины дышали ему теплом прямо в затылок и ласково гладили плавниками по голове, приговаривая: «Умаялся, бедолага». Волны качали Петьку, баюкали, а впереди на большом ките плыл папа и кричал: «Давай, засоня, открывай глаза! Всё интересное проспичь!»

Петька нехотя приоткрыл один глаз и увидел бабушку. Она будила его и приговаривала: «Вставай, соня-засоня! Все уже умылись, а ты разоспался. Вставай, Петруша!» Петька сел, потянулся и, вспомнив сон, спросил: «Бабушка, а почему оно Чёрное?»

Бабушка засмеялась и начала рассказывать ему о море. «Под солнцем оно голубое-голубое, а у горизонта синее-синее. А когда небо закроют тучи и море рассердится, тогда оно чёрное...» Бабушка ещё что-то говорила, а Петька видел ярко-синее тёплое море, яркое-яркое солнце. «...белый песок», – закончила бабушка.

Мама причесала Петьке непослушные вихры, придирчиво оглядела одежду, и они вышли на вокзал Екатеринбурга. Огромный, красивый вокзал был как огромный пароход.

Все дружно они прошли к камерам хранения и сдали свой багаж. До поезда, который повезёт их к морю, было целых четыре часа. Мама и бабушка планировали показать детям привокзальную площадь, станцию метро, а ещё они должны были встретиться с папой. Он обещал подойти на вокзал. И Петька торопил всех, упрашивая вернуться скорее к зданию вокзала, вдруг папа пришёл, а их нет.

Мама позвонила, успокоила Петьку, что они успеют, но Петька ждал отца.

Они нагулялись и зашли в кафе. Петька крутил головой, вопросительно оглядывая всякого входящего в кафе мужчину, но это были всё чужие дядьки.

Вот на пороге кафе появился ещё один дядечка, невысокий, с большой лысиной, в очках...

И мама помахала ему рукой. Он подошёл к их столику: «Привет!» Чужие, холодные глаза рассматривали Петьку. Папа заулыбался, обнял Таньку, сказал ей: «Какая ты большая стала, красавица». Потом протянул руку Петьке: «Привет, Петруха. Большой вырос, в школу пойдёшь, конопатый». Потом спросил кофе, и мама купила ему стаканчик напитка, достала свои домашние пирожки. Папа ел, жаловался на то, что денег нет, помочь им не может...

А Петька смотрел на него и ждал, когда же папа возьмёт его на колени, достанет из кармана ему и Таньке подарки, засмеётся и скажет: «Здорово я пошутил. Вот билет взял с вами на море...»

Но папа всё жаловался, прятал виновато глаза и ел.

Потом мама попросила сводить Петрушу в туалет, и папа, тяжело вздохнув, взял мальчишку за тонкую ручонку и понуро побрёл с ним к мужской уборной. Там он опять тоскливо и долго начал говорить тётеньке дежурной о том, что вот сын в туалет хочет, а у него денег нет и на работу надо, а то уволят, и ещё о чём-то... Тётка махнула рукой.

Петьке стало так больно и стыдно, что он достал из кармашка шорт пятьдесят рублей, которые ему дали на мороженое, и подал тётеньке. Она отсчитала сдачу и протянула Петьке. Но он гордо передал монетки отцу. «На. Это тебе на проезд». Петька, чтобы скрыть свои слезинки, которые так и норовили выползти из глаз, повернулся лицом к перрону. Он увидел, как бабушка торопливо вышла из привокзального магазина с машинкой.

По перрону он шёл, засунув свои ручонки в карманы. Папа брёл чуть позади него и чего-то говорил, говорил... Петька не слушал.

Петьку жёг стыд. Ему было обидно за отца – совсем не такого, какого он вообразил себе, но он всё ещё надеялся, что папа так шутит, вот сейчас засмеётся и скажет: «Что, поверили? Здорово я вас разыграл...»

Папа ушёл быстро, торопился на работу, ушёл, сутуля плечи, низко опустив голову и ни разу не обернувшись. Петька ждал, что вдруг папа оглянется и помашет ему рукой. Но папа ушёл, не оглянувшись.

Потом они дружно кормили голубей, ели мороженое, фотографировались, а когда подошло время отправки другого поезда, который повезёт их к морю, поспешили к камере хранения. Только взяли вещи, как около них появились два носильщика, которые начали вырывать вещи из рук мамы и бабушки и друг у друга, предлагая донести вещи до поезда, а потом даже начали драться. Мама и бабушка забрали сумки и бегом помчались к поезду.

Когда устроились в купе, бабушка сказала Петьке, что совсем забыла, что папа купил машинку и просил передать ему. И подала ту самую игрушку, с которой мальчишка её и видел. Чтобы её не расстраивать, он взял машинку и сделал вид, что рад. Положил машинку на полку, играть ею не хотелось. Мама тоже засуетилась и подала им всем по шоколадке, которые тоже им папа передал. А потом бабушка и мама стали рассказывать смешные истории, пытаясь поднять настроение, но Петьке было грустно, и хотелось плакать. Ему даже разрешили спать на верхней полке, и Петька, забравшись на неё, отвернулся к стене и сопел, удерживая горячие, непослушные слезинки. Он широко открывал глаза и сильно жмурился, а слезинки ползли и ползли, раздвигая ресницы, щипали больно глаза, щекотали холодными и жгучими ручейками щёки, заползали в плотно сжатый рот, наполняя его горько-солёной влагой.

Петька не хотел, чтобы его «бабий батальон» увидел, что он плачет, не хотел, чтобы они расстроились. Но так больно сжималось его сердечко от того, что не сбылись мечты! Незаметно Петька уснул. Ему снилось тёплое ласковое море, дельфины, яркие рыбки, белый искрящийся на солнце песок. Вот он бежит по песку, догоняя Таньку и Ульяну, а за ним бегут мама и бабушка, и все весело смеются...

Утром Петька постарался забыть вчерашнюю встречу с папой, он ходил по вагону, знакомился с другими пассажирами.

В Екатеринбурге к ним в вагон подседа тётя Лена, а с ней Настя и Дима, им было тоже по шесть лет, и они ехали в гости к бабушке.

Петька спросил у мамы и бабушки, можно ли угостить Настю папиной шоколадкой, а Диме подарить его машинку и, получив согласие, с радостным облегчением отдал эти «папины» подарки.

А ещё с ними в вагоне ехали молодые спортсмены.

Очень Петьке понравился дядя Игорь. У него не было рук до самых локтей, но он

так весело рассказывал разные смешные истории, подкидывал Петьку своими «культяпками» и учил громко кричать: «Мы поехали, чтобы победить!» Дядя Игорь был спортсменом, и они всей командой ехали на специальные соревнования для инвалидов.

Петька даже жалел, что он не его папа. Весёлый, добрый дядя Игорь подружился со всеми ребятами, ехавшими в вагоне.

За окном менялись картинки. В больших городах поезд стоял по пятнадцать-двадцать минут, где-то и по полчаса. Мама и бабушка выходили на перрон, приносили то варёную кукурузу, то горячую картошку, то фрукты.

Никто не вспоминал про встречу в Екатеринбурге, и Петька стал улыбаться, стараясь тоже забыть о ней совсем. Дни в поезде летели быстро. На одной из остановок вышли спортсмены и дядя Игорь. До моря оставалось совсем немного.

Ближе к обеду в вагоне появились громкоголосые тётки, общительные, любопытные. Одна из них ввалилась в их купе, стала что-то обсуждать с мамой и бабушкой. И тут Петька увидел чудо... Из-за поворота блеснуло прекрасное розовое зеркало, над которым кружили белые чайки. Петька даже вначале и не понял, что перед ним МОРЕ. Девчонки завизжали и прилипли носами к окну, и они все трое, как зачарованные, стали смотреть на лиман (так его назвала тётя Таня, их новая знакомая), на голубоватую дымку и крохотные кораблики вдали. Петька так прижался к стеклу, что все его конопушки, казалось, рассыпались весёлыми солнечными зайчиками по стеклу и прилипли к нему.

Поезд остановился, они вышли из вагона, сели в машину, но потрясённый Петька, как подсолнух за солнцем, крутил головой, выискивая блеск моря.

Тётя Таня поселила их в отдельный дом. В её дворе было много комнат, много отдыхающих. А им достался целый отдельный дом. Только сложили вещи, как Петька начал всех торопить: «Пойдёмте к морю, потом отдохнём. Ну, пойдёмте же!»

До моря было всего пять минут ходу. То ли они быстро шли, почти бежали, то ли правда было очень близко, как и говорила тётя Таня.

Вначале Петька увидел белые кучи белого блестящего песка. Это были дюны. А на дюнах стояли седые, тонкие оливы. Песок был тёплым, сыпучим, его хотелось пересыпать из руки в руку и любоваться серебряным ручейком бесконечно. Но впереди дышало и пело море.

Петька рванулся к этому великому чуду. Протянув руки к солнцу, он шагнул в шепчущую волну, прозрачную и ласковую, как мамины руки. И она нежно, заботливо обняла тощее смуглое Петькино тельце, качнула и потянула за собой, но, услышав тревожные голоса мамы и бабушки, подкинула мальчишку к берегу.

Ребята смеялись, плескались и брызгали солёной водой друг в друга, догоняли и падали в набегавшие лёгкие волны, зарывались в тонкий блестящий белый песок и снова бежали к морю.

А потом Петька нашёл необычный серый камень, на котором белыми линиями, словно нарисованный морем, смотрел на Петьку глаз.

Они все разглядывали его, вертели и так и сяк, а потом Петька взял камень себе.

Вдруг Ульяна побледнела, ей стало плохо, кружилась голова, тошнило. И у Петьки вся еда, съеденная накануне, тоже запросилась обратно. Он встал на четвереньки, и его начало тоже сильно тошнить. Петька полз, как маленький мокрый котёнок, трясясь слабеньким худеньким тельцем, а за ним шла мама и закапывала влажный след в песок.

Бабушка строго сказала: «Вот не отдохнули с дороги, перегрелись. Перемена климата. Всё на сегодня, домой». И спорить было бесполезно. А море звало Петьку. «Вернись-сь-сь...» – шептали призывно волны, и Петька, обернувшись, шептал: «До завтра, море!»

Вечер выдался для всех тяжёлый, легли спать рано.

А утром проснулись свежими и отдохнувшими. Хотелось кушать.

Они позавтракали в прибрежном домашнем кафе. Петька так за обе щеки уплетал вкусные домашние блинчики, что растроганная хозяйка кафе пообещала, что, пока они будут здесь, Петьку будут ждать бонусные блинчики, а Ульяну – бонусное картофельное пюре, потому что бедная девочка, кроме пюре, ничего не могла есть.

Целый день все пятеро наслаждались близостью моря. Петька бегал на дюны, закапывался в тёплый белый песок, а потом бежал в воду, и солнце, разбиваясь на тысячи брызг, летело за ним вслед.

Довольные, уставшие, они добрались до дому, сходили в душ и крепко уснули.

Петьке снилось море. Он плыл в прозрачной воде, и вдруг появились медузы, они противно звенели и жалили ему руки, лицо... Петька проснулся. Не спали все. В домике стоял комариный гул, вредные насекомые кусали гостей, не разбирая ни возраста, ни пола. Нашли фумигатор и после военных действий снова уснули.

Утром Петька встал первым, сбегал в туалет во дворе, увидел ёжика, который деловито семенил по тротуару, поел винограда, росшего во дворе. Тётя Таня сама сказала: «Кушай, деточка! У вас в Сибири виноград не растёт, тут вот зелёный, а за беседкой красный есть».

Когда сёстры и мама с бабушкой вышли, Петька уже успел и на грецкий орех забрать-

ся. Орехи были ещё зелёные, но зато рядом висели сочные спелые сливы, и Петька с большим удовольствием набил ими свой живот.

Завтракать решили в каком-нибудь прибрежном кафе, которых там было великое множество, и пройти на этот раз к морю по «Паралие». Петьке это вначале не очень понравилось, он хотел к морю, но пришлось подчиниться.

Такой красоты Петька ещё нигде не видел, даже в книжках. Он шёл как будто в сказке. Вдруг к нему подскочили в ярких нарядах настоящие негры. Двое сильных, высоких парней, облачённых в странные яркие наряды, со словами «маленький бамбуча!» фотографировались с Петькой – то подсадив его на колесницу, то в головном уборе из перьев, то на руках... Бабушка и мама, как две курицы, крутились вокруг, пытаясь отбить Петьку у чернокожих гигантов, но безуспешно.

Вдруг бабушка, встав в «позу самовара», подбоченилась и громко сказала: «О'кей, ребята! Денег нет». Парни резко остановились, поглядели на бабушку, а она, широко улыбаясь и разведя руки в стороны продолжала: «Нет, нету». Парни отпустили Петьку и, увидев другую семью с ребёнком, бросились к ним.

А гордый Петька со своим «батальоном» пошёл дальше.

Впереди шумно дышало, ожидая Петьку, море. Но надо было ещё съесть кашу...

Александр Коломийцев

Зональное, Алтайский край

Гость

Рассказ

Галина Дмитриевна и Олег Архипович жили одиноко. Выйдя на пенсию, супруги поселились в деревне. Как это бывало во многих советских семьях, деды и прадеды супругов пахали землю. Где-то глубоко внутри неосознано, не оформленная мыслью, жила деревня в образе древнерусского Ирия, в котором нет треволнений, невзгод, царит благодать. В действительности современная деревня мало походила на Ирий, скорее наоборот. Но душевные привязанности и побуждения мало соотносятся с действительностью. Обоим хотелось найти тихий мирный уголок и укрыться в нём, как за крепостной стеной. Жилая площадь в деревенском доме превышала площадь городской квартиры в два раза. Доплату при обмене Олег Архипович сократил вдвое, доказав необходимость ремонта, и, поднатужившись, старшие Груздевы переехали в деревню. Дети жили в городе своими семьями и вниманием не баловали.

Сыновья с жёнами, дочь с мужем работали круглосуточно, в семьях постоянно возникали осложнения, и времени для родителей не оставалось. Когда Галина Дмитриевна звонила сама, частенько слышала в ответ: «Ой, мама, я сейчас занят (занята), я тебе позже перезвоню». «Позже» затягивалось на день-другой, иной раз и вовсе не наступало. Поэтому сообщение племянника о приезде приятно взволновало супругов.

Вечер накануне приезда гостей Галина Дмитриевна провела у печи – пекла курники и пироги с яблоками. Мужу велела достать из подполья банки с компотом и весь вечер донимала причитаниями – станут ли столичные жители есть её стряпню. Племянник Юра был сыном сестры Олега Архиповича. Муж сестры ещё до перестройки закрепился в Москве на хорошей должности. Ныне занимал достаточно высокий пост в крупной солидной фирме. Сестра устроилась в рекламном агентстве, тоже далеко не на последней должности. Дети их считали себя прирождёнными москвичами. Олег Архипович догадывался: в семье сестры к нему относятся со снисходительностью, чувством превосходства, как к неудачнику, человеку безынициативному, ленистному, страдающему обломовщиной, потому жившему на инженерную зарплату, теперь – пенсию. Хотя в нынешнее время стоило бы вовремя подсуетиться – жил бы припеваючи. И к обычному чувству превосходства столичных жителей к провинциалу добавилось чувство превосходства людей оборотистых к недотёпе. Последний раз виделись с Юрой шесть лет назад, перед самым переездом.

На вокзал пришли загодя и четверть часа топтались на бетонном перроне, до рези в глазах вглядываясь вдаль. Вот в просвете между берёз появился тёмный квадратик с блещущим огоньком, на переезде тепловоз уже чётко обрисовался. Через несколько минут поезд из трёх вагонов с грохотом подкатил к станции. Из среднего вагона на перрон прыгнул рослый парень, принял сумки, помог сойти молодой женщине, следом по ступенькам спустился мальчуган. Раскрыв объятая, Юра поочередно обнял

родственников, приподняв тех над землёй. Был он на голову выше дяди, шире в плечах и дороднее в теле. Нина потёрлась щекой о ланиты родственников. Максик, набычившись, подал руку.

– Он у нас стеснительный, – объяснила мама и потрепала сына по волосам.

Юра расправил плечи, оглядел подстриженные пихты у вокзала, тополиную посадку за линией железной дороги, набрал полную грудь воздуха.

– Что-то у вас атмосфера с запашком, на сельскую не похожа.

– Самая сельская, – усмехнулся Олег Архипович. – В городе такой не бывает. – И пояснил: – Ветерок с бройлера тянет. Рядом с деревней птицефабрика.

Дядя с племянником несли сумки, женщины шли сзади. Неделю поливал дождь, на щербатом асфальте блестели лужи. На умытых берёзах после непогоды щебетали мелкие птахи, над лесопосадкой с граем носилась стая грачей.

Уже который год Олег Архипович собирался забетонировать тротуарчик от калитки до крыльца, да всё руки не доходили. Каждую весну укладывал в грязь шевелящиеся под ногами плахи и давал зарок, что уж этим-то летом всенепременно исполнит задуманное.

– Дядь Олег! – раздалось за спиной.

Олег Архипович шёл на сухое место, поставил на траву сумку. Племянник стоял на середине узкого настила, загораживая проход женщинам.

– Как вы по этим плашкам ходите? Сковырнуться же можно.

Дяде стало неловко за свою безрукость. Оправдываясь, пояснил:

– Да всё руки не доходят. То крышу железом перекрывали, то баню ремонтировали, считай всю крышу и пол перебрать пришлось. В прошлом году ограду менял – бродячие собаки пешком по огороду ходили. На всё же время и деньги нужны, так вот и тянется. В этом году с огородом закончим, дорожками займусь.

– Дядь Олег! Я тебя умоляю! – громко и напористо говорил племянник. – Тут де-

лов-то на пару дней. Будешь заливать, главное, хорошую подушку из щебёнки сделай. Обязательно укладочную сетку настели, иначе бетон потрескается. И кидай всякие камни, бутылки, можно битые, можно целые. Меньше цемента уйдёт.

Олег Архипович думал: «Пара дней – для тридцатипятилетнего мужика, а когда минуло шестьдесят пять, пара дней растянется на неделю». Вслух ничего не сказал. Юра перешёл к объяснению приготовлению бетона и маркам цемента. Жена толкнула словоохотливого благоверного в спину:

– Потом расскажешь, иди уже.

Женщинам было неудобно стоять, но Юра не замечал этого. Прерванный на полуслове, двинулся дальше. Следующая остановка произошла у самого крыльца. Ещё в первую весну жизни на новом месте рядом с крыльцом против окна посадили яблоньку. Теперь деревце разрослось и ветвями мешало проходу.

– Яблоню-то не на месте посадили, дядь Олег! – с жаром возвестил племянник, словно даже обрадованный обнаружившимся упущением. – Надо было подальше посадить, мешает ведь. Не предусмотрели.

– Зато вид какой из окна, когда цветёт! – воскликнула Галина Дмитриевна, это она выбрала место для яблоньки. – Утром проснёшься, в окно посмотришь – солнышко светит, яблоня в цвету. Сразу радостно становится.

– Тётъ Галь! – запальчиво возразил племянник. – Я вас умоляю! Сколько она цветёт? Неделю, не больше. А остальное время? Ходить же неудобно.

– Да чего неудобного? Веточку отвёл рукой и иди себе. Мы привыкли, – смущённо добавила тётя.

– Вот именно, что привыкли! – с горячей досадой воскликнул Юра. – Привыкли и терпим! – Понятие «терпение» являлось предметом долгих размышлений, которыми требовалось непременно поделиться. – Это наше русское терпение не что иное, как обыкновенная лень. Вместо того чтобы напрячься, что-то сделать, мы тер-

пим. Терпим и собственную лень возводим в достоинство.

Галина Дмитриевна смущённо улыбалась, не понимая, какое отношение яблоневые ветви имеют к чертам народного характера. Олег Архипович хмурился, но из деликатности слушал молча. Жена племянника, потупившись, изучала носки туфель. Отцовское мудрствование прервал Максик.

– Мама, я пить хочу, – возвестил бестактный мальчишка.

Юра был искренним человеком. Он искренне считал, люди нуждаются в разъяснениях и наставлениях. Он был неравнодушным человеком и не мог спокойно пройти мимо чьих-либо ошибок. Если бы кто-то сказал, дескать, ты, Юрий, возомнил себя поводырём, поучающим людей, он бы не только удивился, но и непритворно возмутился. Он просто-напросто разъясняет людям их ошибки и указывает правильный путь. К его негодованию, некоторые люди по бестолковости, скудоумию, из сомнений или спесивости не признают ошибок и упорно настаивают на своём. Возражения возмущали Юру до глубины души и подвигали с ещё большим напором излагать своё видение, в правильности которого он насколько не сомневался.

Несмотря на горячность и запальчивость речи, лицо племянника сияло довольством и собственной значимостью. Сомнения не копошились в его голове. Налитые румяные щёки придавали этой голове сходство с грушей. «Эк его занесло, – размышлял Олег Архипович. – Это от молодости. Хочется поскорей высказать всё, что надумалось, был бы повод».

Не обращая внимания на мужа, Нина вслед за Галиной Дмитриевной вместе с сыном вошла в дом.

– Ему какую – кипячёную или можно сырую? – Хозяйка суетилась, поставила на стол чашку, взяла в руки чайник, тут же спохватилась: – Что я воду даю, у нас же компот есть!

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь, – остановила её племянница. – У нас своё питьё есть.

Нина порылась в сумке, достала капроновую бутылочку. Налив напиток в чашку, спросила:

– Можно я бутылку в холодильник поставлю?

На кухню вошли мужчины. Племянник что-то с увлечением рассказывал, дядя поддакивал с напускным вниманием.

После позднего завтрака гости разбрелись по комнатам, легли спать. Галина Дмитриевна жаловалась мужу:

– Что-то гостям моя еда не понравилась. Поковырялись, погрызли... что ели, что не ели. Максиму компоту налила, думала, стошнит, пока два глотка выпил.

– Да это они с дороги. Не переживай, – утешал супруг. Проголодаются – съедят. Не нравится – пусть голодные сидят.

На следующий день дядя с племянником обошли сад-огород, заглянули в курятник. Дядя попал впросак и не смог назвать породу кур.

– Да чёрт их знает, какая у них порода! Мясная, цветная... Яиц хватает, мяса тоже. Какая разница, как называются?!

Племянник только головой покачал, услышав такой ответ. Посмотрев задумчиво на клумбу с розами, сел на лавочку с телефоном в руках. Олег Архипович занялся огородными делами и недоумевал, как можно часами писать сообщения. Оказалось, Юра не писал сообщения, а блуждал по Сети.

– Дядь Олег! – сообщил он радостно. – Я в Интернете кое-что выяснил. Компостную яму вы сделали неправильно. Стенки надо укреплять шифером и периодически перекапывать месиво в яме. Ни в коем случае нельзя лить в компост кухонные помои, а вы льёте. Порода ваших кур называется «кохинхил». При правильном кормлении петухи достигают веса в пять с половиной килограмм, а куры – четыре с половиной. А вы рады, если петух весит четыре килограмма. Я сейчас напишу вам рецептуру корма, будете её придерживать, и всё у вас пойдёт на лад.

– Ты когда в Интернете успел побывать? Ты же здесь сидел, – удивился дядя.

– У меня телефон к Интернету подключён. А у вас разве нет? – в свою очередь удивился племянник. – Очень удобно, в любое время можно в Интернет выйти. Давайте я вам подключу.

Олег Архипович отказался.

– Нет, нет, у меня ноутбук есть, с меня хватает.

– Странно... Не понимаю вас.

За сим последовала лекция о пользе Интернета.

Нина с сыном нервировали радушную хозяйку. Уютно устроившись со смартфонами на кроватях, они целый день похрустывали чипсами и за стол садились без аппетита. Кулинарные изыски Галины Дмитриевны остались не оценёнными. Растерянной тётушке едва удалось выманить молодых родственников в набег на раннюю клубнику. Племянник продолжал просвещать дядю и пополнил его словарный запас тремя существительными: «фикшн», «экшн» и «флэшмоб».

– А по-русски никак нельзя говорить? – возразил Олег Архипович. – «Фикшн» – что-то вроде документальной литературы или кино. «Флэшмоб» – встреча, что ли, сходка.

– Дядь Олег, как вы не понимаете? Эти слова связаны с компьютером. О флэшмобе люди договариваются по Интернету. Сходка... ну какая сходка, воровская, что ли? Стиль экшн в компьютерных играх, в которых ситуация меняется ежесекундно, – говорил Юра нравоучительно. – Сейчас такое время, наш язык ежедневно обогащается. Язык не может быть застывшим. Застой давно закончился. Нужно идти в ногу со временем. – Из каждого слова и взгляда племянника выпирало превосходство.

У Олега Архиповича «сходка» соотносилась с лесной поляной, берегом речки, где люди произносят зажигательные речи, жмут друг другу руки, готовятся к чему-то выдающемуся, переломному. Дядя и племянник читали разные книги, смотрели разные фильмы.

– Разве замена русской «смеси» американским «миксом» – это обогащение

языка? По-моему, это называется по-другому, – возразил дядя, но племянник лишь недовольно поморщился.

К мужчинам вышла хозяйка, племянник радостно воскликнул:

– Дядь, тётъ! Садитесь под любимую яблоню, я вас сфоткаю.

Слово скрежетнуло ножом по стеклу. У Олега Архиповича взаправду дёрнуло зуб во вставной челюсти. Слова из новояза коробили, резали слух. Олег Архипович называл их обезьяньим языком. Причина появления всевозможных «кастингов», «мониторингов», «маркетов», «шопингов» и прочих крылась в непреодолимом желании, прямо-таки вожделинии выглядеть западным человеком. Тон задавало злобно-враждебное меньшинство, молчаливое большинство считало, что так и нужно. Особенно падка на американизмы, всё прозападное, заокеанское была молодёжь, уподобляясь неграм, радующимся пустым консервным банкам, дешёвым бусам, красочной упаковке. Нормальных людей такие поползновения бесили, выводили из себя. Что может быть позорней пресмыкательства? Днём, занятый огородно-домашними делами, Олег Архипович не любомудрствовал. Мысли о сущности бытия посещали голову поздно вечером, в постели, заменяя сон. По логике вещей, так и должно было быть. Если мы перенимаем западный образ жизни, значит, и язык у нас должен быть западным. Олег Архипович не хотел и всячески противился «новым» веяниям.

На третий день Юра с сожалением объявил об отъезде – институтский друг ждал на рыбалку.

Последний вагон стремительно удалялся. Супруги вздохнули, переглянулись и неизвестно чему рассмеялись.

2018 г.

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/forum/35-2648-1
samlib.ru/editors/k/kolomijcev_a_p
www.proza.ru/avtor/kolomijzev

Александр Норенков

Дзержинск,
Нижегородская обл.

*Память – ценнейший дар. Она является
фильтром души человека, его защитой.
При потере её у человека нет будущего.
Он деградирует, он сходит с ума.*

Ночное происшествие

Последнее время я плохо сплю по ночам. Если быть до конца точным, то засыпаю хорошо, а вот продолжительность сна оставляет желать лучшего. Одной ночью, перед дальней и важной поездкой, я решил чуть позже лечь спать, чтобы от волнения не проснуться раньше срока. Засыпал дольше обычного, прокручивая в мыслях детали предстоящих дел. Да, так бывает. Думаю, что многие испытывали такое состояние.

Проспав около четырёх часов, я проснулся от странных звуков, доносившихся из-за стены. Это был не то скрежет, не то постукивание, в общем, звуки, повторюсь, странные, малообъяснимые.

Встав с постели, я пошёл выяснить, что происходит на самом деле. Стоило приоткрыть дверь спальни, как вдруг мимо, прижавшись животом к полу, пулей пролетела кошка Мэри. Она была сильно напугана, скользнула в угол, где стоял большой цветок в горшке, и замерла.

В голове мелькнула мысль, что что-то ужасное привело её в такое состояние.

Пройдя в другую комнату и посмотрев в окно, я понял причину моего пробуждения. Сильный ветер, поднявшийся ночью, сорвал висевший на стене со стороны улицы рекламный баннер. Этот большой кусок жёсткого полотна, несколько метров в длину и ширину, с металлическими кольцами по бокам для верёвок, елозил по кирпичной кладке, задевал раму окна, создавая ужасные звуки. Они-то и напугали кошку Мэри, а затем разбудили меня.

Баннер ещё какое-то время болтался на крепёжных верёвках, колыхался, как знамя, а затем рухнул вниз, повредив телевизионную антенну этажом ниже. Наступила тишина.

Кошка Мэри продолжала сидеть в углу с прижатыми к шерсти ушами. Взгляд её молил о помощи. Страх ещё не покинул её. Она была похожа на странное существо. Мне захотелось успокоить её, погладить. На моих коленях ей стало лучше. Зазвенел будильник. Ночь прошла. Пора в дорогу. Не выспался. Позже я обнаружил, что баннер оторвал уличный термометр, прикреплённый на окне. Кошка Мэри медленно вышла из своего убежища, с опаской поглядывая на окно. Наверное, она ещё долго будет помнить случившееся. Бывает же такое, и именно тогда, когда менее всего это нужно.

Январь 2020 г.

«Зверь»

Было это давно, лет сорок назад, в начале восьмидесятых прошлого столетия. Была другая страна, другой строй, другая идеология. Это было в советские годы.

Я трудился на крупном заводе химического машиностроения в кузнечном цехе. Работы было много. Большая страна, большие планы. Металл приходил огромными партиями, и коллектив предприятия старался успешно выполнять поставленные задачи.

Наш участок периодически работал круглосуточно: одна бригада – двенадцать часов в первую смену, другая – двенадцать часов во вторую. Было трудно и невыносимо жарко. Металлический пол поливали струями холодной воды. Невозможно было стоять, горели подошвы ботинок. Кузнечные молоты, наковальни, штампы разогревались до невероятных температур. Огромные вентиляторы срывали одежду, но это было спасение от жары. И ещё помню жажду, постоянную жажду, которую утоляли газировкой.

Когда нас спрашивали об условиях труда, то мы в шутку отвечали, что на участке пятьдесят градусов в тени, а тень взять нелегко. Печи изрыгали из себя языки пламени, горелки шумели, лился пот, но люди этого не замечали. Была одна рабочая семья. Каждый готов был заменить товарища, помочь ему, обучить. Это вселяло уверенность. Все делали одно огромное дело.

Однажды на второй смене, примерно в 23 часа 45 минут, из строя вышло оборудование по изготовлению высококачественной продукции. Работу пришлось остановить. Ремонт в данное время оказался невозможным. Была пятница, люди валились с ног, и руководством было принято решение отправить бригаду на дежурном автобусе в город для отдыха. В то время мой дом находился в другом направлении и, к сожалению, ехать вместе со всеми не мог. Я жил в шести километрах от завода и решил отправиться домой пешком. Не оста-

ваться же на заводе без дела! Благо ночь была чудесная: ярко светила луна, земля отдавала накопленное тепло после жаркого дня. Такие ночи запоминаются надолго. Их таинство волнует воображение, их еле уловимые звуки чаруют, радуют. Вот она, молодость! Вот они, силы!

Шоссе, по которому пролегал мой путь, шло через лес. Оно делило его пополам. Лес молчал, погрузившись в думы; молчал и я, наслаждаясь тишиной, мерцанием звёзд, запахами летней ночи. Хорошо! Нет ни усталости, ни плохих мыслей, ни разочарования в принятом решении.

Пройдя спокойно треть пути, впереди на обочине я увидел странный силуэт. Он был приличных размеров и похож на кабана. Так, по крайней мере, мне показалось в тот момент. По спине пробежал холодок, но идти-то надо, другой дороги нет.

Специально шаркая подошвами, я сделал с десятков шагов. Силуэт не сдвинулся с места. Удивительно. Если это зверь, думал я, то он должен был испугаться, уйти в лес. Но не тут-то было. Силуэт по-прежнему находился на обочине. Лунный свет скользил по его загривку, придавая ему вид экзотического существа. В голове роились разные мысли. Жуть.

Иду дальше, чуть посвистывая, зверь стоит. Подхожу ещё ближе, напрягаю зрение, вижу – бочка. Большая, лежащая на боку бочка.

Капля пота скользнула по переносице. Чудеса, да и только! Вот как обычный бытовой предмет в определённых обстоятельствах может превратиться в диковинного зверя. Ночь искажает предметы. Она использует их в своих загадочных целях, заколдовывает их, перевоплощает. Веселится, наверное, или проказничает. Дела!

Вот она, молодость! Вот она, решимость!

2020 г.

Автомат

Это было в тяжёлые военные годы... Мой дед, Норенков Пётр Фотеевич, 1902 года рождения, по рассказу которого я описываю этот эпизод его фронтовой жизни, был призван в ряды Красной Армии Больше-Маресьевским РВК Горьковской области в 1942 году. В довоенное десятилетие он работал плотником, а ещё раньше строил мельницы. Исходя из этого, он был направлен для прохождения службы в 32-ю отдельную маскировочную роту Юго-Западного фронта. Это воинское подразделение непосредственно в боях не участвовало, а занималось маскировкой аэродромов, военных складов, штабов и других армейских объектов. По приказу командования наводило переправы через водные преграды, строило блиндажи и командные пункты. Чаще всего это делалось ночью, в любую погоду.

Работать приходилось, по его рассказам, невзирая на болезни, холод, бомбёжки. Враг был силён, свиреп, одержим. Противостоять ему в то время помогали отвага, героизм, мощь духа советского народа. Были потери от налётов вражеской авиации, обстрелов фашистских дальнобойных орудий. При освобождении городов и населённых пунктов приходилось видеть страшные разрушения. Рассказы населения о зверствах врага ужасали. На момент призыва деду было сорок лет, и он считался среди бойцов возрастным красноармейцем. Это обстоятельство обязывало быть примером в воинской службе, работе, взаимоотношениях. Он пользовался авторитетом среди личного состава.

Вот выписка из рассекреченных документов тех времён:

Кр-ц т. Норенков П. Ф. за время выполнения 32-й отд. маскир. ротой заданий ЮЗФ проявил себя исключительно дисциплинированным и исполнительным бойцом. При маскировке нефтебазы в г. Урюпин-

ске т. Норенков дал ценное предложение по маскировке цистерн, которое было реализовано и обеспечило сокращение срока выполнения задания, сокращения расхода маскировочного материала и увеличило эффективность маскировки.

В любое порученное задание кр-ц Норенков вкладывает максимум старания и инициативы и своим личным примером увлекает бойцов.

Политически устойчив, делу партии Ленина-Сталина предан¹.

В 1943 году дед приказом войскам Юго-Западного фронта по личному составу от имени Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество был награждён медалью «За боевые заслуги». Войну он закончил в Венгрии на берегах озера Балатон.

В детстве я часто рассматривал его медали и просил рассказать о войне. Ещё он был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многими юбилейными наградами. Они казались мне в то время необыкновенно ценными, что и было на самом деле. Бойцы отдавали жизни за правое дело, защищали Родину с оружием в руках и верой в победу.

В один долгий зимний вечер он поведал мне историю, которая произошла на фронте. История рядовая, не очень примечательная, но я запомнил её на всю жизнь.

В распоряжение их роты были присланы несколько бойцов из другой части. Они считались хорошими специалистами своего дела, и их помощь была необходима. С одним из них дед подружился. Его звали Сергеем. Он был хорошим парнем, весёлым, добродушным, разговорчивым.

Как-то вечером, когда появился часок для отдыха, он предложил деду пострелять

¹ Архивный источник ЦАМО. Фонд 33. Опись 682525. Единица хранения 149.

за близлежащими холмами. Развлекся, так сказать. Видимо, это было возможно. Дед согласился. Ему нравилось общение с Сергеем. После встречи с ним всегда оставалось хорошее настроение. Выбрать место для стрельбы было несложно. Один холм, высотой в два метра, как раз подходил для этого. Сделав сапёрной лопаткой отвесный срез, они вмуровали железную крышку от банки в глиняную почву. Она-то и стала мишенью. Личным оружием деда была винтовка, а Сергея – ППШ. Немного поговорив о фронтовых буднях, они принялись за дело. Сначала сделали по одному выстрелу из дедовой винтовки, а затем взялись за автомат. Сергей предложил деду стрелять первым. Вот тут-то и случилось непредвиденное. Автомат, как известно, стреляет как одиночными выстрелами, так и очередями. В данный момент флажок автомата был установлен в положение автоматической стрельбы, и Сергей, видимо, знал об этом, потому что он как-то странно поглядывал на деда, улыбался...

Дальше произошло следующее: дед прижал автомат к плечу, прицелился в мишень и нажал на спусковой механизм. Автомат затарахтел, запрыгал в руках, ствол увело в сторону. Дед, по его словам, испугался, бросил оружие на землю, вопросительно посмотрел на Сергея. Тот смеялся своим задорным смехом, сверкая добрыми глазами. Знал ли он о том, что его старший

товарищ до этого не держал в руках автомат, или нет, осталось загадкой. Дед немного обиделся на Сергея, но ненадолго. Фронтовая дружба крепка. Повторная попытка стрельбы оказалась более удачной: мишень была поражена, настроение улучшилось. Сергей не рассказал сослуживцам о случившемся. Это говорило о том, что он был настоящим товарищем. Такой боец в беде не бросит, не струсит, не предаст. После их расставания Сергей прислал несколько писем, а затем связь с ним прервалась. Война разлучает людей. Она не щадит взаимоотношения.

Вот такую фронтовую историю рассказал мне дед долгим зимним вечером. Такое тоже было на войне...

Дед был хорошим человеком. Занимался вместе с родителями моим воспитанием, за что я буду благодарен ему всю оставшуюся жизнь. Мастером он был, как говорится, на все руки: шил одежду, строил дома, хорошо готовил. Он был верующим человеком. Молитвой врачевал зубную боль, нарывы. Люди шли к нему за помощью, советом в гости. Прожил он долгую жизнь. Жизнь человека. Жизнь защитника Родины. Жизнь мудрого старца.

Память – это багаж. Ценный, если хотите, багаж. Его нужно беречь, идя по жизненному пути. Память – это истина каждого из нас.

2020 г.

Александр Онищенко

Сертолово,
Ленинградская обл.

Авиетка

Рассказ-быль

Заканчивался ещё один учебный день, суббота, подводя итог всей учебной неделе. Наконец-то в школьном коридоре зазвенел долгожданный звонок, известивший об окончании урока. Вслед за ним все классы наполнило лёгкое оживление. Учителя записывали мелом на классных досках домашние задания для учеников, а те, переписывая их в дневники, одновременно быстренько убирали с парт свои учебники, тетрадки и прочие принадлежности в портфели. Учительница объявила об окончании занятия, и весь 7 «Б» класс сразу же превратился в гудящий улей, наполнивший помещение смехом, громким разговорами и беспорядочными стуками крышек парт.

Следующим (и последним) у ребят сегодня был урок труда.

Девчонки, мелькая разноцветными бантиками в косичках, шумными стайками убежали в швейную мастерскую, расположенную в полуподвальном помещении школы. Мальчишки же, забрав из раздевалки свои куртки и кепки, дружно вышли на школьный двор и направились в мастерские, где обучались слесарному и столярному делу. Занятия по труду вели два педагога одновременно в двух подгруппах, по столярному делу – Алексей Петрович, а по слесарному – Николай Григорьевич, каждый в своей мастерской.

Всё, чему здесь учились ребята, им было интересно, так как могло пригодиться в последующем в жизни. Так, каждый из них уже мог самостоятельно изготовить в домашних условиях табурет, полочку и даже этажерку, не говоря уже о том, чтобы забить гвоздь в стену, не согнув его при этом молотком. Это мог каждый из них! С не меньшим мастерством все они научились работать ножовкой – как по металлу, так и по дереву. Более того, ребята уже имели навыки работы на токарном и сверлильном станках. И делали они всё это с такой же лёгкостью, как писали шариковой ручкой!

Но вот у четвёрки школьных друзей из 7 «Б» совсем недавно пробудился особый интерес к слесарному и столярному делу. И произошло это совершенно случайно. Один из ребят (а звали его Сашкой) уже больше года получал по подписке на почте журнал «Юный техник». В этом журнале было очень много интересного для подростков, и юноша очень любил его читать.

Однажды, возвращаясь из школы, Сашка вынул из своего почтового ящика у калитки районную газету «Южный Урал» и журнал «Юный техник». День был тёплый и солнечный. Сашка захлопнул за собой калитку и зашёл во двор. Подойдя к крыльцу, он поставил на него портфель, сам присел на стоящую рядом скамейку и начал с интересом читать журнал. Вдруг на одной из страниц он увидел фотографию планера

и статью об авиамоделизме. Из текста узнал, что, оказывается, это не просто какая-то модель планера, а настоящая авиетка¹, сконструированная и собранная в одном из городов в клубе авиамоделизма школьниками вместе с учителями. В статье подробно описывалось всё, что касалось её конструкции, а также последовательность сборки и подготовки к полёту. Корпус авиетки был сварен из кусков старых велосипедных рам, на нём устанавливался мотоциклетный двигатель с пропеллером, изготовленным учениками. Но то, что Сашка прочитал в конце статьи, его окончательно повергло в шок. Он никак не мог в это поверить, пока не перечитал статью ещё и ещё раз! Оказывается, эти школьники не только собрали авиетку вместе с учителями, но они ещё и летали на ней – все по очереди! В этой самой авиетке мог разместиться один человек, который, управляя работой двигателя, мог подниматься в воздух и совершать короткий полёт на небольшой высоте. Сашка сидел на скамейке под палящими лучами солнца, а его мысли и душа уже парили высоко в воздухе, на этой самой авиетке!

Из полёта на скамейку его возвратил голос бабушки:

– Сашенька, тебе здесь сидеть не жарко? Или ты после школы отдыхаешь? Что-то вид у тебя задумчивый, видно, что устал.

Сашка улыбнулся, закрыл журнал и, обняв свою любимую бабушку, произнёс:

– Я летаю, бабуся!

– Ну и фантазёр же ты у меня! Смотри, так и в космос улетишь! Переодевайся да иди обедай! – ответила с улыбкой она.

После обеда и до самого вечера все Сашкины мысли были только об авиетке и о полётах на ней.

На следующий день он принёс журнал с собой в школу. Перед началом уроков Сашка рассказал своим друзьям о прочитанной статье и показал им её, а также фото-

тографию авиетки в журнале. На протяжении всего учебного дня друзья поочередно во время уроков изучали статью, а на переменах эмоционально обсуждали прочитанное. Их мечты и фантазии обрели невообразимые масштабы! Все загорелись одной идеей – собрать свою авиетку и обязательно подняться на ней в воздух. Сама по себе конструкция авиетки была несложной. Но нужен был ещё мотоциклетный двигатель и специалист по сварочным работам для изготовления корпуса. Ребятам стало ясно, что им самим, без помощи и поддержки преподавателей, никак не справиться. Назавтра, ещё раз всё обсудив, друзья решили обратиться за советом и поддержкой к учителю по трудовому обучению Алексею Петровичу, который всегда с интересом участвовал в беседах с ребятами.

В субботу, перед началом занятий по труду, они все вместе подошли к Алексею Петровичу и кратко, но эмоционально изложили ему суть прочитанной статьи и попросили у него поддержки и помощи в изготовлении авиетки, а затем показали журнал. С интересом выслушав своих подопечных, он пробежал взглядом по фотографии авиетки и её описанию, а затем с улыбкой сказал:

– Ну вы и даёте, ничего себе! До вас ещё никто ко мне с такими предложениями не обращался. Вы первые! Оставьте тогда уж мне этот журнал на неделю, до следующих уроков. – Затем, сделав паузу, добавил: – Мы с Николаем Григорьевичем всё вместе внимательно посмотрим, обсудим, а уже тогда, через неделю, и выскажем вам свои суждения по сути ваших пожеланий. Ну как, идёт?

Ребята переглянулись и, перебивая друг друга, взволнованно ответили:

– Да, да! Мы будем очень ждать. Вместе с вами мы всё сможем, вот увидите. Вы только помогите нам!

Алексей Петрович ещё раз улыбнулся, а затем, взглянув на часы, произнёс:

– О, да уже начало урока, давайте-ка все быстро в мастерскую по своим местам!

¹ *Авиетка* – лёгкая одноместная конструкция планера, на которую устанавливался мотоциклетный двигатель с мощностью, достаточной для создания тяги, необходимой для взлёта.

В этот день у ребят в мастерской царил небывалый трудовой энтузиазм. В конце второго учебного часа после объявления окончания занятий ученики убрали инструменты с верстаков и рабочие фартуки в шкафы, попрощались с преподавателями и покинули мастерские.

Незаметно пролетел выходной день. Началась новая учебная неделя. Как всегда, одни уроки сменяли другие, а друзья с нетерпением ждали урока труда и ответа Алексея Петровича.

И вот наконец-то наступила долгожданная суббота. Как только в школьном коридоре прозвенел звонок, ребята, собрав с парт учебники и тетради в портфели, захватили из раздевалки куртки и дружной стайкой направились в мастерские на урок труда.

На улице стоял ясный солнечный день, морозная свежесть воздуха наполняла грудь. Всем так хотелось хоть чуть-чуть задержаться на улице, выпить его прохлады! Кто-то из ребят шёл медленно, то и дело останавливаясь, поднимая голову и с улыбкой щуря глаза от яркого солнца. Но четверка друзей спешила почти бегом, чтобы успеть ещё до начала урока пообщаться с Алексеем Петровичем. Недельное терпение у каждого из них было на исходе!

Ещё издалека они увидели около входа в мастерские своего учителя, который, бурно жестикулируя руками, о чем-то вёл разговор с Николаем Григорьевичем. Когда друзья поравнялись с ними и поздоровались, мужчины повернулись в их сторону и ответили на их приветствие. Затем Алексей Петрович восторженно произнёс:

– А вот и будущие конструкторы и лётчики! – он взглядом указал Николаю Григорьевичу на ребят и добавил, обращаясь уже к ним: – Мы вот тут с Николаем Григорьевичем как раз о вас говорим. Вы-то как, не передумали со своей авиеткой?

Друзья, даже не раздумывая и не глядя друг на друга, в один голос ответили:

– Нет, нет, не передумали!

Учителя, улыбаясь, переглянулись, а затем Алексей Петрович уже серьёзно, по-

очередно посмотрев на каждого из ребят, сказал:

– Мы с Николаем Григорьевичем согласны помогать вашему коллективу романтиков. Он тоже заинтересовался вашей идеей. Вы не будете возражать против его участия?

Николай Григорьевич улыбался и, кивая головой, молча подтверждал слова своего коллеги. Ребята, немного растерявшись от всего только что услышанного, радостно ответили:

– Нет, нет, не будем! Спасибо вам, Николай Григорьевич!

Выдержав небольшую паузу, Алексей Петрович продолжил:

– Мы вот тут вдвоём прикинули, чего и сколько примерно потребуется для изготовления авиетки. Всё, что касается заготовки материала для её корпуса, – мы согласны с предложением из журнала использовать рамы старых велосипедов. Конечно, придётся заняться их поиском среди металлолома. Думаем, что вы с этой задачей успешно справитесь в выходные дни.

Ребята молча закивали головами в знак согласия с учителем. А он продолжал высказывать свои предложения:

– Надо использовать только негнутые рамы. Мы их все тщательно проверим и порежем на куски нужной длины. А уж затем с помощью сварки изготовим каркас авиетки, согласно расчётам и чертежам в журнале. Пропеллер для двигателя тоже будем делать сами и здесь. Что же касается изготовления других, неметаллических деталей для авиетки, то будем использовать фанеру различной толщины и рейки. Одним словом, нужный материал подберём готовый или изготовим при вашем активном участии. Весь необходимый инструмент и станки для этого у нас в мастерских есть.

Ребята с восторгом слушали его и ещё никак не могли поверить, что всё вот так просто могло вдруг решиться, что эти два строгих учителя по труду не просто согласятся им помогать советами, но и возьмут над ними шефство, а сами примут не-

посредственное участие в изготовлении авиетки.

Алексей Петрович ещё раз посмотрел на ребят и добавил:

– Ну и самое главное: что касается двигателя для авиетки, так я отдам вам его со своего мотоцикла. Он в хорошем состоянии, думаю, что не подведёт. Мы ещё подробно поговорим с вами обо всём в деталях. Ну, а когда всё будет готово, вместе решим, кому предоставить право первого взлёта! Вот только жаль, что ни у кого из нас нет опыта лётной работы. А сейчас все в мастерские, по местам!

Ещё две-три секунды ребята стояли как вкопанные, не веря всему только что услышанному! А затем радостно побежали в мастерские. Они вдруг поняли – нет, ощутили каждой клеточкой своего организма, – что самое лучшее место в школе – здесь, в мастерских, а самые лучшие учителя – Алексей Петрович и Николай Григорьевич!

В мастерских они по привычке быстро надели на себя кто рабочий халат, кто фартук и заняли места у верстаков. Начался очередной урок с напильниками, ножовками, зубилами и молотками в руках. Но как это всё друзьям было приятно и радостно! Уроки труда прошли, как всегда, интересно и быстро. Проверив выполненные учениками задания, учителя объявили им оценки и отпустили всех домой, попросив задержаться четвёрку друзей. В ходе непродолжительного разговора было принято решение, что уже в ближайший выходной ребята постараются найти в пунктах приёма металлолома нужное количество велосипедных рам, чтобы на следующей неделе начать изготовление авиетки. В воскресенье друзья обошли все известные им пункты приёма металлолома и смогли там выпросить необходимое количество велосипедных рам.

Утром в понедельник во дворе школы, у входа в мастерские, лежало несколько разноцветных рам! А во время большой перемены друзья подошли к Алексею Петровичу, чтобы убедиться в пригодности

принесённых ими материалов. Учитель внимательно осмотрел рамы и остался доволен. Более того, он сказал, что заготовленного материала хватит, даже с запасом! Он предложил ребятам после уроков на часик-другой зайти в мастерские, чтобы распилить рамы ножовками по размерам, на что они радостно согласились.

После окончания уроков ученики покидали школьный двор и уходили домой, а друзья быстрым шагом направились в мастерские. Их лица светились от счастья! Под руководством учителей они с учётом масштаба рассчитали по чертежам истинные размеры корпуса авиетки и заготовок для него. Затем ножовками по металлу распилили велосипедные рамы на куски. Так был сделан первый практический шаг к реализации творческого замысла конструкторского коллектива! После этого Николай Григорьевич с Алексеем Петровичем, надев защитные очки, начали сварочные работы, предварительно отправив ребят во двор, чтобы яркий свет от сварки не испортил им глаза. Через некоторое время, закончив сварку корпуса, они снова позвали ребят, окликнув их через открытые настежь двери мастерской. Зачистив наждаком и напильниками места сварки корпуса авиетки, все убедились, что шов получился ровный, прочный и надёжный. Затем, распределив объём работ поэтапно по дням на всю следующую неделю, учителя отпустили ребят.

Теперь друзья ежедневно после уроков приходили в мастерские, где шаг за шагом приближались к заветной мечте. Да и педагоги не меньше ребят увлеклись подростковой затеей. В ходе совместной работы создался своеобразный коллектив, где и педагоги, и ученики постоянно вместе обсуждали все тонкости и детали работы, и это их по-особому сближало. Учителя умело распределяли задания между исполнителями, ни на минуту не ослабляя своего внимания за работой каждого. Уж слишком ответственны были эти работы. Да и то, чем они сейчас занимались, было в жизни каждого

впервые. Очень непростым делом оказалось изготовление не только пропеллера, но и других узлов из фанеры и древесины, их подгонка, зачистка, шлифовка и крепёж. Отдельные детали приходилось переделывать по несколько раз. Так, только над изготовлением пропеллера пришлось потрудиться всем без исключения целых три недели! Ну а что касается системы управления работой двигателя, закрылок при взлёте и посадке, то это было собрано, отрегулировано и подготовлено к работе только благодаря Алексею Петровичу и Николаю Григорьевичу. Но и это не охладило энтузиазма коллектива. Ребята были готовы даже не ходить на другие уроки, лишь бы работать здесь! Но, увы, этого им не позволялось.

Время стремительно летело, а дело шло не так быстро, как этого всем хотелось бы, но шаг за шагом уверенно продвигалось вперёд. В одном из технических помещений мастерских стоял корпус авиетки, внешний вид которой с каждым днём всё больше и больше напоминал ту самую авиетку из журнала «Юный техник». Для шасси были использованы колёса от подросткового велосипеда «Орлёнок», которые ребята также нашли в пунктах приёма металлолома и принесли в школу. Так, в ежедневных занятиях учёбой и в работе по сборке авиетки, незаметно прошла зима и наступила тёплая, солнечная весна. Ежедневная капель тающих сосулек на крышах домов говорила, что пора готовиться к запуску авиетки в небо. Все ученики и учителя школы знали о подготовке авиетки к полёту. Уже неоднократно проводились запуск двигателя на малых оборотах и проверка работы всех узлов и систем управления. Всё это делалось в школьном дворе перед мастерскими.

И вот закончились майские праздники, когда авиетка уже была готова к взлёту. Оставались лишь мелкие детали, но и они требовали не меньшего внимания и ответственности, чем предыдущие работы. В один из ясных воскресных дней, когда земля уже подсохла после весенних

талых вод, авиетку наконец-то выкатили на большую ровную поляну, где готовился её первый взлёт. Вокруг поляны собралось большое количество ребят из других классов и их родители. Всем хотелось посмотреть на это чудо, сделанное в школьных мастерских. Накануне, за несколько дней до этого, общим единогласным решением всей «группы конструкторов» право первого взлёта на авиетке было предоставлено Алексею Петровичу. Поэтому он сегодня был одет по-особому: на нём был комбинезон, на лице – очки, на голове – мотошлем.

Ребята дружно установили авиетку на стартовую позицию на окраине поляны и отошли на расстояние, указанное Николаем Григорьевичем. Около авиетки остались только два учителя. Они недолго о чём-то поговорили, затем Алексей Петрович опустил очки на глаза, поправил шлем на голове, подтянув ремешок под подбородком, и, повернувшись к ребятам, поднял вверх правую руку, покачивая ей из стороны в сторону. Затем педагоги пожали руки, и Алексей Петрович сел на место пилота в авиетке. Он повернул ключ в замке зажигания, и поляна наполнилась громким рокотом от работы двигателя, а сзади авиетки появилось серое облако выхлопных газов. Пропеллер, слегка вздрогнув, начал раскручиваться всё сильнее и сильнее. Через некоторое время на его месте был виден только расплывчатый круг, вращающийся перед авиеткой. По крыльям авиетки пробежала мелкая дрожь, будто бы от волнения, подтверждая её готовность к взлёту. Все ребята замерли: в этот миг самое важное в их жизни происходило здесь, вот на этой зелёной поляне на окраине лесопосадки! Ничего другого вокруг они не видели и не слышали. Его, этого самого другого, сейчас для них просто не существовало!

Пилот поднял левую руку вверх как знак готовности авиетки к взлёту. Николай Григорьевич отошёл ещё дальше и тоже поднял обе руки вверх, сжав их в один кулак. Алексей Петрович махнул левой рукой вперёд, а затем, добавив обо-

ротов двигателю, медленно отпустил педаль тормоза. Авиетка, словно вздрогнув от неожиданности, чуть присела и покачалась – сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее. Стоявшие вокруг поляны ребята и их родители затаили дыхание и заворожённо смотрели на авиетку, убегающую вдаль. У ребят, наблюдавших за происходящим, сердца застучали в такт мотору авиетки и готовы были вслед за ней вырваться в небо! Каждый из них ощутил себя там, за штурвалом, рядом с Алексеем Петровичем, и руками, сжатыми в кулак, тянул на себя штурвал.

В какое-то мгновение авиетка, как всем показалось, замедлила бег, а затем вдруг оторвалась от земли и стала совершать полёт по кругу над поляной. Обогнув её, авиетка также легко коснулась колёсами земли и, пробежав небольшое расстояние, остановилась. Чихнув пару раз, двигатель заглох, а пропеллер, растерянно дёрнувшись из стороны в сторону, замер.

Над поляной на какое-то мгновение нависла полная тишина, а затем всё пространство наполнилось громкими овациями от ребячьих рук, криком и свистом. Все дружно бросились бегом к летательному аппарату. Пока они бежали, Алексей Петрович успел вылезти из авиетки и стоял на земле рядом с ней, поднимая очки на лоб и сняв шлем. Его лицо светилось радостью, он как-то по-особенному улыбался – как ещё никогда на уроках! К нему подошёл Николай Григорьевич, и они крепко пожали друг другу руки. А затем Николай Григорьевич, обняв Алексея Петровича, повернулся ко всем и громко произнёс:

– Ну что, поздравляю вас всех с удачным испытательным полётом! Ура!

Всё пространство вокруг наполнилось громким эхом от ребячьих возгласов:

– Ура! Ура! Ура!

Ребята, перебивая друг друга, тоже поздравляли учителей с успешным полётом на авиетке и благодарили их за поддержку и помощь. Затем они вместе дружно и бережно покатали авиетку обратно к мастерским,

после чего все разошлись по домам до следующей субботы.

Всю следующую неделю в школе обсуждалась только одна новость – полёт авиетки. Учителя поздравляли Алексея Петровича и Николая Григорьевича, а также команду их помощников с успешным полётом. Сами же друзья от счастья были на седьмом небе! Конечно же, все ровесники им завидовали, и ещё как! Да и было чему завидовать!

И вот наконец наступила долгожданная суббота, когда дружная четвёрка друзей с радостью перешагнула порог школьных мастерских. Именно сегодня тут должен решаться вопрос дальнейших полётов авиетки. Как всегда, Алексей Петрович с улыбкой встретил своих учеников и, поздоровавшись с ними, предложил обсуждение вопросов полётов на авиетке оставить до окончания учебных занятий. Ребята согласились.

Когда до окончания уроков оставалось ещё минут пятнадцать, неожиданно для всех учителя объявили, что занятия заканчиваются, и попросили всех ребят сдать инструменты и рабочие фартуки, а потом зайти в помещение, где стояла авиетка.

Ученики дружно выполнили команду учителей и уже через пять минут все стояли около авиетки, с нетерпением устремив свои взгляды на преподавателей. Те переглянулись, и Алексей Петрович, почесав за ухом, негромко кашлянул в кулак и произнёс:

– Ну что, а теперь поговорим о самом главном.

Все заулыбались и закивали головами. Преподаватели ещё раз переглянулись, и Алексей Петрович продолжил говорить немного взволнованным голосом. Он подробно рассказал о том, как всю неделю в школе обсуждали их совместный успех и, не удержавшись, ещё раз выразил ребятам восторг от совместной работы. Потом сообщил, что на днях в школе состоялся педсовет, где все учителя тоже говорили о полёте авиетки, и директор школы распорядился подготовить благодарственные письма для родителей ребят, а самим ре-

бятam подписал грамоты. Все его слушали и сияли от радости. Посмотрев на ребят, он взволнованно достал из папки, лежавшей на его столе, грамоты и поднял их над головой. Затем поочерёдно зачитал фамилии учеников и вручил грамоту каждому! Все громко аплодировали и поздравляли награждённых. Учителя отметили энтузиазм, целеустремлённость, трудолюбие и старание каждого из награждённых и поставили их в пример всем! Этим и завершился урок труда, все разошлись по домам, остались только герои дня и педагоги. Они снова зашли в мастерскую. Ребята сели вокруг верстаков, а учителя – за стол.

Алексей Петрович, подождав, пока ребята успокоятся, продолжил разговор. Он сообщил, что на педсовете все учителя высказались и проголосовали за то, чтобы не разрешать ученикам самостоятельных полётов на авиетке. Объяснение этому было простое: у ребят нет необходимых навыков и знаний для безопасных полётов. Родительский комитет, собиравшийся на этой неделе, тоже попросил директора школы не разрешать самостоятельных полётов ученикам на авиетке. Именно так директор школы и поступил. Затем Алексей Петрович ещё раз от себя лично и от Николая Григорьевича выразил восхищение совместным трудом команды над авиеткой и тем, как прошёл её испытательный полёт:

– Это успех всех и каждого из нас. Каждому есть чем гордиться! – подытожил он. – Ну а что касается решения педагогического совета школы, родительского комитета и директора школы, то мы вынуждены будем его выполнять. Вы сделали больше, чем хотели и могли. Пожалуйста, не расстраивайтесь, всё у вас впереди – и первый полёт тоже! Всем вам удачи!

В мастерской повисла мёртвая тишина. Ребята никак не ждали такого развития событий и очень расстроились, услышав это сообщение. Но затем все понемногу успокоились, понимая, что учителя по труду ни в чём перед ними не виноваты. Ребята тоже поблагодарили учителей за их активное участие в строительстве авиетки и подготовке её к полёту, а Алексея Петровича – за сам полёт. Что же касается самостоятельных полётов учеников, то у каждого из четвёрки друзей они были ещё впереди!

Прошло лето, и наступил новый учебный год. Ребята перешли в восьмой класс и по-прежнему приходили в мастерские на уроки труда, где Алексей Петрович и Николай Григорьевич проводили с ними занятия. А по соседству с мастерскими, в отдельном помещении, расправив крылья, стояла их авиетка – как символ их светлой мечты – в ожидании нового свободного полёта!

5 октября 2019 г.

Константин Реннер

Новосибирск

Бельчонок Кеша и тайна лесного дуба

(Продолжение. Начало в № 1/2020)

Кеша и его друзья

Солнце встало. Поднялось над рекой и заглянуло в комнату Гоши. Весёлый лучик пробежался по подоконнику, спрыгнул на пол, пересёк ковровую дорожку и запрыгал по подушке Гошиной кровати. Гоша зажмурился, улыбнулся солнцу и, зевая, произнёс:

– Кеша, ты ещё спишь?

Тишина.

– Кеша, ау!

Опять тишина. Гоша поискал глазами по комнате и увидел пустую клетку... Тут он вспомнил печальное происшествие.

Вчерашнее уныние вернулось к мальчику. Пока никто не видел, он поплакал, затем нехотя встал, заправил свою кровать и пошёл на кухню, хотя завтракать совсем не хотелось. А хотелось поиграть с Кешей, послушать его забавное цоканье и бежать на реку – купаться.

На кухне, увидев красные глаза сына, мама поджала губы и замолчала, хотя ей хотелось рассказать какую-нибудь весёлую историю.

– Ну хватит! – не выдержал папа. – Надоело смотреть на ваши кислые физиономии. Прекратите ныть! – И объявил: – Мы едем искать Кешу!

– Ура! – в один голос воскликнули мама и Гоша и так заработали ложками, что каша в тарелках удивительно быстро исчезла. Плюшки к чаю тоже испарились.

Мама, папа и Гоша оделись по-походному, сели в машину и поехали обратной дорогой. Под весёлое жужжание мотора мама запела:

Мы едем, едем, едем

В далёкие края...

Гоша подхватил припев:

Красота! Красота!

Мы везём с собой кота...

Так, смеясь и распевая песни, они доехали до того места, где потеряли Кешу. Люди спустились к густому папоротнику и стали звать:

– Ке-е-еша! Ке-е-еша!

Они углубились дальше в лес и опять позвали:

– Кеша! Иди к нам! Кеша!

Голоса их звучали всё громче, и всё дальше и дальше уходили они от машины. Но, увы, никто не откликнулся на их призывы, никто не спустился к Гоше на плечо. Домашнего бельчонка нигде не было.

Может быть, Кеша вспомнил, что он на самом деле не городской, а лесной житель, и зов природы оказался сильнее привязанности к человеку? Может, бельчонок решил, что ему лучше жить в лесу среди своих сородичей, чем в каменных джунглях среди людей? Может быть...

Это была плохая новость.

Папа пытался понять, откуда внезапно выскочил под колёса заяц. Рядом с дорогой на обочине он увидел нору. На земле среди заячьих следов, что были крупнее, папа увидел и следы поменьше – беличьи. Может быть даже, это были следы Кешы. Значит, он жив! А это была хорошая новость.

Обратно ехали молча. Отпуск был испорчен. В город решили вернуться раньше обычного и, чтобы не беречь свежие воспоминания, ехать по другой дороге – через паром. Так хоть и дальше, но спокойнее, и дорога лучше.

В то время как Гоша утром, лёжа в постели, улыбался лучу солнца, другой наш герой – Кеша – уже давно проснулся, позавтракал шишками и играл с бельчатами в прятки. Надо сказать, что и прятаться, и искать в лесу было гораздо интереснее, чем в городе. На тысячах деревьях росли миллионы листьев, среди которых легко было скрыться. И тем радостней для голящего найти всех играющих.

Игра была в самом разгаре, когда на поляне появился уже знакомый заяц Коська и попросил:

– И я хочу в прятки. Возьмите меня в игру.

– А ты разве умеешь прыгать по деревьям? – удивилась Белая Лапка.

– Зато я очень хорошо прячусь в деревьях, – ответил Коська.

– Играй, – согласились белки и кинулись врассыпную.

Голящим был Кеша.

– Раз, два, три, четыре, пять... – сосчитал он. – Я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват!

Кеша оглянулся. Куда же они спрятались? Кеша забрался ещё выше на сосну, чтобы с высоты разглядеть, где притаились его друзья. Мелькнула Белая Лапка. Рядом с ней хрустнула ветка – значит, поблизости прячется Рыжий Хвостик. «Ну, с этими всё ясно, – решил Кеша. – А где же Коська?» Ага! Заячьи уши торчали из зелени, что росла вокруг дуба.

– Белая Лапка, я тебя вижу! – крикнул Кеша. – Чекаю!

– Ну вот, – вздохнула белочка.

Выглянул из-за ствола любопытный нос Рыжего Хвостика.

– И тебя вижу, братец!

– Тьфу ты, шишки зелёные! – с досадой произнёс Рыжий Хвостик.

Осталось зачекать Коську. Правда, заячьи уши уже пропали. Кеша спустился на землю, подбежал к дубу – зайца не было. Может, случилось чудо и зайцы научились лазить по деревьям? Кеша посмотрел вверх. Но нет, и там Коськи не было. Тогда Кеша не спеша ещё раз обошёл вокруг дуба, за-

тем приподнял огромный лист лопуха и обнаружил... нору! Из глубины норы веяло прохладой, и бельчонку почему-то сразу стало совершенно ясно, что нора эта необыкновенная, большая и глубокая.

– Коська! – крикнул Кеша.

– Оська! ...оська! ...оська! – ответила нора, отчего Кеше стало жутковато.

– Ты там?

Нора сказала:

– Ам! ...ам! ...ам!..

«Всё ясно, – догадался Кеша. – Нора проглотила зайца, и надо спасать друга». Кеша оглянулся на своих друзей и смело сделал шаг в нору.

Нора

Тяжела жизнь зайца в Караканском лесу! Волк, лиса, особенно рысь – каждый норовит тебя съесть. Лесная кошка могла пробраться по деревьям и прыгнуть сверху совершенно незаметно. Оттого и приходилось зайцам передвигаться по лесу стайками. Один, самый храбрый, вытянув уши, слушает, остальные кормятся корой, травами, корешками.

Если бы Коська был не зайцем, а каким-нибудь другим зверем, он был бы очень храбрым. Один раз он видел, как дерутся весной лоси, и тотчас же представил себя отважным рыцарем, защищающим слабых зверей во всём лесу от хищников. Он хотел бы быть сильным медведем, от рёва которого в разные стороны разбегаются волки и лисы. «Хорошо им с когтями и клыками, – думал Коська. – А как жить зайцу? Только на быстрые ноги да чуткие уши приходится рассчитывать. Даже белкам, и тем лучше: скачи себе с ветки на ветку. Только успевай орешки грызть да грибы к зиме заготавливать, развешивая их на ветках».

Но, к сожалению, Коська был зайцем, его сердечко с десятков раз за день замирало от страха, а заячья душа убегала в пятки от каждого шороха. И тут надежда только на сильные лапы – беги, не оглядывайся!

Или вот недавно был случай. Дней десять назад набежала вдруг на небо туча – тяжёлая, свинцовая, грозовая. День сразу превратился в вечер, загромыхало так, что

в ушах стоял гул. Услышав первый раскат грома, Коська прижался к земле, а от второго пустился что было мочи через лес. Бежит – сам себя боится, не знает, куда спрятаться. Страшно, а останавливаться нельзя: ещё страшнее будет.

Выскочил он на середину поляны, где стоят братья-дубы, и решил под листом большого лопуха спрятаться. Только ничего из этой затеи не вышло. В небе опять сверкнуло, загрохотало, и Коська, зажмурив глаза, сиганул было в лопухи, но провалился в какую-то яму, большую и глубокую.

Коська поднял уши, открыл глаза и осмотрелся. В яме было удивительно тихо и темно, сюда не попадал свет, не проникал звук. В яме было сухо, можно сказать, тепло и вкусно пахло морковкой. «Вот оно, счастье! – подумал Коська. – Никого кругом нет, сейчас бы ещё морковки погрызть».

И только он об этом подумал, как вспышка света ослепила зайца, Коська успел ойкнуть, и душа его ускакала в пятки. Теперь, похоже, навсегда.

Кеша ведёт расследование

На следующий день Кеша вёл себя довольно странно. Если бы кто-нибудь понаблюдал за бельчонком, то увидел бы, что целое утро Кеша ползал вокруг дуба и внимательно разглядывал следы на земле рядом с деревом. После чего сказал: «Ага!»

Затем Кешу можно было увидеть на верхушке одного из дубов, где он опять произнёс: «Ага!»

Потом Кеша пообедал и, свернувшись на верхних ветках сосны, уснул. Проснулся он ближе к вечеру от того, что кто-то тормозил его за плечо. Открыв глаза, Кеша увидел, что это Белая Лапка.

– А давно у вас был дождь? – спросил Кеша, зевая.

– Во-первых, привет, – сказала белочка. – А во-вторых, дождь у нас был месяц назад, в четверг.

– В-третьих, здравствуйте! И, в-четвертых, есть где-нибудь поблизости красная глина?

– У реки, там, где зайцы купаются.

– А второй дуб давно заговорил?

– Как раз после дождичка в четверг и заговорил.

– Ага, – третий раз за день сказал Кеша и добавил:

– Теперь всё понятно.

– Что понятно?

– Зачем ему это надо, – опять зевнул Кеша.

– Кому надо? Да говори ты ясно! – рассердилась Белая Лапка.

– Любопытно, как нора работает? – сворачиваясь клубочком, пробормотал Кеша.

– Какая нора? Где работает?

И сколько Белая Лапка ни пыталась Кешу, сколько ни трясла его за плечо, ничего добиться не смогла. Кеша крепко спал.

Лес шумел, шумели звери

Больше всего на свете Филин любил свой дом в дупле старого дуба. А ещё любил, когда с наступлением темноты жизнь в лесу замирала до раннего утра, и он вылетал на охоту.

Ночью Филин становился хозяином Караканского леса. Ничто и никто не мог ускользнуть от его цепкого взора, и горе той мышке, которая по глупости показывала нос из своей норки. Чёрная тень тут же накрывала бедолагу.

Днём Филин отсыпался. Правда, в последнее время жизнь ночной птицы изменилась. Соседний дуб... заговорил! И ладно бы говорил что-нибудь умное, так нет же – нёс всякую чушь. Удивлённые звери стали собираться перед деревом, слушать и шуметь. Как раз тогда, когда Филин пытался уснуть. Жизнь в дупле стала невыносимой, хоть переселяйся на другую поляну. Хотя... Появился недавно в лесу городской бельчонок, который пообещал во всём разобратся. Да где ему, новичку, справиться?

– Вот и сегодняшний день будет бессонным, – проворчал Филин. Он щурился подслеповатые от солнечного света глаза, а всё, что происходило на поляне, для него было словно многоголосая одноактная пьеса.

Над поляной кружилась Ворона и громко каркала:

– Собрррание! Все на Большую поляну! Бельчонок из города собирает собрррание!

«Ага, вот оно что, – подумал Филин, – видно, городской бельчонок что-то разузнал». И спросил у Вороны:

– Собрание? Все пришли?

Ворона облетела поляну, посчитала зверей:

– Мышей не вижу.

– Мы здесь, все здесь! – пропищали мыши.

Филин объявил:

– Раз все собрались, рассказывай, городской бельчонок, что узнал!

Кеша запрыгнул на ветку повыше и сказал:

– Белая Лапка, помнишь, я спросил у тебя, где в вашем лесу есть красная глина?

– Конечно, помню.

– И что ты мне ответила?

– Да все в лесу знают, что красная глина есть только в одном месте – там, где зайцы купаются.

– Хорошо, – сказал Кеша. – Белая Лапка не обманывает?

– Нет, нет, – загудели звери.

– А далеко ли отсюда это место? – спросил Кеша.

– Не то чтобы далеко, но и не близко, – сказала Лиса. А Волк добавил:

– Люблю смотреть, как зайцы купаются.

Они потом такие чистенькие!

Кеша спросил:

– А могу я сбегать к тому месту и вернуться на поляну за одну минуту?

– Нет, нет, – ответили звери.

– Давайте проверим! – сказал Кеша.

Он спрыгнул с ветки, подбежал ко второму дубу и скрылся в листьях лопуха.

– Во заливает! Хвастается почище зайца! Горазд придумывать! – слышалось со всех сторон. Но когда через минуту Кеша вернулся на своё место, вся поляна от удивления ахнула. Бельчонок был вымазан красной глиной!

– Но как? – спросил Волк.

Кеша ответил:

– В лопухах есть вход в волшебную нору...

– Волшебную? – ахнула Лиса.

– Волшебную? – удивился Медведь.

– Волшебную? – переспросили остальные звери на поляне. – Вот сказки!

– Нет, не сказки. Если внутри норы загадать место, где хочешь оказаться, то в том месте сразу и окажешься.

– Не может быть! – удивились звери.

– Но как же ты вернулся обратно? – спросил Филин. – Разве в том месте, где зайцы купаются, тоже есть нора?

– Да есть. В таких же больших лопухах. У волшебной норы один вход и много выходов. Я насчитал пока только пять, но, скорее всего, их больше, я ещё плохо знаю лес.

Кеша продолжил:

– Дело в другом. Один из вас узнал об этой норе, но никому про неё не сказал. Он захотел стать хозяином Большой поляны, чтобы при необходимости быстро перемещаться по лесу. И для этого надо было сделать так, чтобы Филин переселился из своего дупла в другое место. Но как это сделать?

Поляна заморожено слушала Кешу.

– Нора уходит в корни дерева, и если внутри громко что-нибудь сказать, то может показаться, что это говорит дуб. Поэтому важно было шуметь, кричать, чтобы у дуба собирались звери и мешали спать Филину... Совсем скоро этот зверь остался бы на поляне один, если бы я не раскрыл его тайну.

– Это кто такой умный? – спросила Лиса.

А Волк добавил:

– Может, мне его съесть, глядишь, тоже поумнею. Хе-хе!

После эти слов Коська прижал уши.

– Тогда тебе нужно двух таких умных съесть, – сказала Лиса и посмотрела на зайца. – Говори бельчонок, хотя я, кажется, догадалась...

От лисьего взгляда заячья душа убежала в пятки.

– Это... – начал Кеша.

– Это я пела в норе! – объявила Белая Лапка. – Простите меня, пожалуйста!

– Но... – сказал Кеша.

– Никаких «но»! Я и только я пела в норе. Я больше не буду!

– Тьфу ты! – сказал Волк. – Я бельчатину не ем.

Коська с благодарностью посмотрел на Белую Лапку.

– Да зарыть надо эти норы, и дело с концом! – заявил он. – Я сам их зарюю!

- А я проверю, – сказала Лиса.
– Нет, мы проверим, – добавил Волк.

Собрание закончилось, звери стали расходиться. На поляне остались Кеша, Белая Лапка с братом и заяц Коська. Да ещё над поляной кружила Ворона.

– Дяденька Филин, не надо тебе больше искать новое дупло, – сказал Кеша.

– Спасибо, бельчонок, что разобрался. А зачем ты, Белая Лапка, вину на себя взяла? Это же не твой голос раздавался из дуба.

– Мой! – ответила белочка.

– И ещё мой! – сказал Рыжий Хвостик.

– Какие у тебя, Коська, замечательные друзья! – умилился Филин. – Ой, я, кажется, что-то слышу.

Цепляясь маленькими лапками за кору дуба, в дупло к Филину заполз самый храбрый мышонок.

– Ага, явился! Говори! Так... Так... Ясно. Друзья! Машина уезжает сегодня в полдень. Остался один час.

– Ура! То есть беда... – сказал Кеша и затих.

– Что же делать? – расстроилась Белая Лапка. – Дяденька Филин, отнесите Кешу в деревню.

– Но я не могу днём летать. Я слепну от солнца.

– А если так? – на край дупла села Ворона, достала из мешочка тёмные очки и нацепила Филину на глаза.

– Лучше?

Филин высунул голову на свет.

– Ух ты! Лучше. Я всё вижу! Даже летать могу.

Он выпорхнул из дупла, сделал над поляной круг, подхватил Кешу и полетел в сторону деревни.

Звери ахнули.

– Молодец, Ворона! – сказала Белая Лапка. – Здорово ты придумала с этими... как их... с очками.

Возвращение

В день отъезда городских гостей баба Галя напекла любимых Гошиных пирожков. Внук уже давно понял, что на свете нет ничего вкуснее, чем походный чай из тер-

моса с бабушкиными пирожками на паромной переправе.

– Совсем мало погостили, – вздохнула баба Галя.

– Дел в городе много, – ответил папа.

– Вода-то в речке какая тёплая! – напомнила баба Галя.

– Мне на работу зайти надо, – сказала мама.

– Скоро ягода в лесу поспеет, – посетовала баба Галя.

– Я должен к школе готовиться, – пробурчал Гоша.

– Ох вы, деловые мои! – Баба Галя протянула маме сумку с гостинцами.

Никто так и не обмолвился об истинной причине раннего отъезда.

Когда все сумки были уложены в машину, все прощальные слова произнесены, папа дал команду:

– Пора!

Мама и Гоша забрались на свои места. Захлопнули двери, папа завёл машину, и сквозь шум двигателя все услышали крик бабы Гали:

– Стойте! Смотрите!

Она показывала рукой куда-то вверх. Гоша увидел приближающуюся точку в небе раньше родителей и тоже закричал:

– Смотрите! Смотрите!

Над деревней летел Филин. В когтях он держал что-то похожее на комочек, а на глазах у Филина были очки.

– Вот это чудо! – сказал Гошин папа. – Филин в очках днём летает.

Лесная птица подлетела к бабушкиному дому, сделала круг над огородом, разжала когти, и комочек полетел вниз – на стог сена.

– Это Кеша! Кеша! – ещё громче закричал Гоша. Он моментально выбрался из машины и побежал к стогу. Счастливый Кеша повис на Гошиной груди. Мальчик прижал бельчонок к себе крепко-крепко и прошептал: «Спасибо тебе, Филин. И тебе, Кеша, спасибо, что вернулся».

Так закончились приключения Кеши в Караканском лесу. Правда, это было не последнее путешествие бельчонок. Но это уже совсем другая история, которую я расскажу в следующий раз.

**Ольга
Севостьянова
Александров,
Владимирская обл.**

В гамаке под яблоней

1

– Василёк, родной мой, я так скучаю. И тебе плохо? Я знаю... Я скоро вернусь домой... Жди... Что я хочу? Хочу твоих голубцов... Сделаешь? Спасибо тебе, любимый...

Я слышу этот голос уже вторые сутки. Но кто говорит, не знаю. Глаза пока не открываются от режущей головной боли. Но первое, что я увижу, когда смогу видеть, – взгляд этой женщины в прорезь тумбочки на кровати напротив. И два полутрупа на двух других койках. Это наша палата инсультников.

Рядом с нами лифт, который громыкает день и ночь. Сначала мимо нас бегом провозят на каталках больных в реанимацию, а позже без спешки везут обратно закрытых простынёй с головой покойников в морг. В народе это отделение так и называют – смертное. А в палатах лежат те, кто ещё задержался в этом мире. Кто кричит, кто стонет, кто мычит...

Люба, соседка моя, говорит почти не переставая круглые сутки: то по телефону, то с теми, кто её навещает, то с любимым, кто оказывается рядом. Ну а со мной – постоянно. Язык у неё без костей. А вот рука и нога парализованы.

– Рука немножко шевелится, – говорит она, кивая на согнутую руку, похожую на птичью лапку. – А вот нога... Врач говорит, что, когда я смогу его пнуть, он меня выпишет.

Она показывает здоровой ногой, с каким бы удовольствием пнула врача, и смеётся. Нет, против врача она ничего не имеет.

– Ой как мне наш врач нравится! – то и дело повторяет она. – Прямо уходить от него не хочется!.. Но меня же Василёк мой ждёт... Через четыре дня у меня день рождения! Пятьдесят четыре года!.. Вася картошечки нажарит. Огурчики откроет. Он сам солил! Салат нарежем, с майонезом... Я страсть как майонез люблю!

– Тебе же нельзя майонез... У тебя же больные сосуды. Оттого и инсульт случился.

– Нельзя?.. – растерянно переспрашивает она. – А я даже чай с ним пью...

– Ну вот, теперь не будешь...

– Да как же без майонеза-то?.. – расстраивается Люба. – Откуда этот инсульт взялся? Я даже не болела никогда... А тут раз – и всё. Ночью очнулась уже здесь, в больнице... Смотрю на потолок – а по нему кошки бегают... Я думаю: как это кошки на потолок забрались?..

– Кому памперсы менять?.. – заходит в палату санитарка Татьяна.

– А может, на горшок меня посадите? – кивает Люба на стоящий рядом стул с дыркой посередине, в которой закреплено ведёрко.

– Да как я подниму тебя, бабуля? Нет уж, давай памперс надену.

«Какая она бабуля? – хочется сказать мне. – Ей всего 53...»

Но я молчу. Здесь мы для них все бабули. Болезнь не красит. У Любки нет передних зубов, нос почти орлиный, кожа обветренная, а крашенные хной волосы пополам

с сединой спутаны от долгого лежания. Вот и бабуля. А дома у неё Василёк, её неземная любовь. Моложе её на целых десять лет.

«Что он к ней не приходит-то? – думаю я. – Только звонит без конца...»

2

Люба – простая деревенская тётка. Родилась, выросла и всю жизнь прожила в небольшой деревушке неподалёку от города. Это очень удобно, когда недалеко от города. Потому что в деревне огород и свежий воздух, а в городе – работа. Где только Любка не работала! Когда завод ещё был, то на заводе. Потом продавщицей в магазине. А потом уборщицей на железной дороге. Никогда никакой работы она не гнушалась. А чего гнушаться – была бы работа! Двоих детей одна поднимала, как мужа её в тюрьму посадили.

Муж у неё ментом был. Напьётся – и в драку. Колотил её. Да что её – мать родную не жалел, смертным боем бил. Хорошо, что посадили, а то бы всех забил. Она тоже, конечно, в молодости попивала. А сейчас – ни-ни. Только чай...

– С майонезиком, – ехидно подсказываю я.

– Да, с майонезиком, – кивает она и весело хохочет.

– Укольчики... – входит в палату медсестра. – Давайте, давайте, бабули... Ворочайтесь понемножку...

– Валя... Валя... Валя... – день и ночь кричит на соседней койке женщина.

– М-м-м-м... – мычит на другой ещё одна.

– Тихо, тихо, бабуля, – успокаивает медсестра мычащую. – Хоть бы родственники рубашку ей поменяли, что ли, – морщится она. – Вонь какая от неё...

– У неё родственники далеко, – говорю я. – Сын – лётчик, где-то за границей летает...

Родственники наняли ухаживать двух женщин. Они ходят через день. Йогуртом её кормят. Сначала санитарки в больнице кашей её напихивают, а потом эти – йогуртом. Или наоборот. А ей ни йогурта,

ни каши не нужно. Она встать хочет. Целыми днями закидывает ноги на бортик кровати, чтобы слезть. Ночью ей удаётся, наконец, перекинуть ноги так, что она падает на пол. Прибегает хромая санитарка Маша.

– Ах ты!.. Как я тебя поднимать буду?.. Фу, как несёт от тебя...

«Не забыть завтра сказать её сиделкам-йогуртницам, чтобы рубашку ей чистую принесли...» – думаю я.

– Валя... Валя... Валя... – кричит на соседней койке старуха.

– А-а-а... У-у-у... – воет кто-то в соседней палате.

– Замолчи сейчас же! – кричит из коридора кто-то из персонала. – Привязали тебя – и лежи молча. А то рот сейчас тебе заткнём...

«Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!» – как выстрелы, гремит на всё отделение лифт.

Мимо палаты проносится каталка в реанимацию...

3

...Вчера родственники забрали старуху, которая всё искала Валю. На её место положили молчаливую скрюченную бабушку с застывшей улыбкой на лице. Неделю она так пролежала дома с инсультом, а сын с невесткой ходили мимо.

– Ну как ты, мамуля? – заглядывали к ней вечером. – Всё хорошо у тебя? Улыбаешься?..

Потом всё-таки заподозрили неладное, привезли в больницу. Сын прибегает к ней после работы, суетится вокруг кровати, напихивает йогуртом. «Хоть завещание пиши, – мрачно думаю я. – Только не йогурт! Мать у него лежит скрюченная под одеялом. Голая, в одном памперсе, а он к ней с йогуртом».

– Вы футболку ей принесите. И носочки на ноги, – говорю я ему.

– А можно? Не заругают меня? – вскидывает он глаза.

– Кто вас заругает? Это же ваша мама. Что сделаете для неё – то и будет.

– Ладно, спрошу у врача, – неуверенно кивает он. – Кушай, мамуля, кушай. Всё хорошо у тебя? Молодец! Улыбаешься лежишь...

4

...Утро в больнице начинается с пересменки.

– Тут мои девчатки, – говорит одна санитарка другой. – Этим – памперсы менять, – машет она рукой. – Этой уточку можно дать. А эта сама уже ходит...

Переходят в другую палату:

– А тут мальчишки у меня... Все с утятками...

Ещё один долгий больничный день впереди...

– Сынок! – радостно встречает Люба первого сегодня посетителя. – Ну как вы там? Всё хорошо у вас? Как там Василёк? Голубцов мне сделал? А майонез принёс? Молодец... Скажи, скоро выпишут меня...

Когда приёмные часы заканчиваются, Любка ест голубцы и рассказывает про своих детей. О том, что своей семьи у сына нет, живёт с ней. Потому что пьёт... Какая семья... Но когда трезвый, он просто золото... А дочка недавно второй раз замуж вышла. Муж у неё – всем на зависть. Не пьёт, не курит... Сам огурцы солит! Представляете? Сынок-то у дочи от первого мужа в пятнадцать лет в колонию попал... Да... Такое вот горе. А дочка сейчас в Мытищах живёт. На девятом этаже.

– Хочет меня к себе забрать. Но я – ни за что. Что я там буду делать, на девятом-то этаже? А домой приду, Василёк мне гамак под яблоней привяжет – и буду я в нём полёживать, как королева. И коляску мне Василёк сделает. Такую же, как себе сделал...

– А зачем ему коляска-то?

– Так у него же ноги не ходят...

– Как не ходят? Что с ним случилось?..

«Так вот почему он к ней не приходит, – ахаю я про себя. – Он колясочник...»

– Ничего не случилось. Сначала ходил. А потом раз – и отказали ноги...

– А как же вы жить будете? Он не ходит, ты не ходишь...

– Ноги у него не ходят, но руки такие сильные... он всё может, – уверенно говорит Любка.

5

Василёк прибил к ней лет восемь назад. Приехал в Россию откуда-то то ли с Украины, то ли из Молдавии на заработки, да что-то не сложилось. Как его занесло в эту российскую заброшенную деревеньку, бог весть...

Сегодня Любу выписывают. Она нервничает. Пытается встать. Но куда там... Ждёт подругу. Она всё устроит.

Эту подругу я сначала приняла за её дочь. Оказалось, действительно подруга по возрасту ей в дочери годится. Она сирота. Несколько лет жила у Любы, когда из детства вышла, а жить ей было негде. А Любке жалко, что ли? Живи сколько хочешь! Места всем хватит. И кусок хлеба найдётся. Потом девушка нашла работу, устроилась, сейчас у неё всё хорошо. Но подругу не забывает.

– У меня кто только не жил... – рассказывает Люба. – Кому жить негде – всех ко мне посылают. Как-то котик пришёл. А мне что, жалко ему молока налить? А потом хозяйка нашлись, москвичи, по дороге его потеряли. Искали, а в деревне говорят: «Идите к Любке, она всех привечает...» А мне и правда всех жалко. Иногда муху прихлопну, а потом реву: что же я надела... её же, наверно, дома ждут. Я, наверно, дура какая-то?..

Дура и есть... На таких «дурах» пол-России держится...

Владислав Слободянюк

Майкоп

Уроборос

(Фрагмент романа «Монохром»)

Спустя несколько часов, ближе к вечеру, ливень наконец оставил в покое городские улицы. Последние капли прекращающегося дождя тяжело бились об асфальт, оставляя круги на мутной воде, которая безмятежно текла вдоль обочин разбитых дорог. Синхронно включились уличные фонари, резко осветив часть улицы, находившейся на окраине, у заброшенного машиностроительного завода. Но почему-то именно в этот день уличное освещение было не таким ярким. Гигантские фонарные столбы с металлическими головками и лампами накаливания не могли дать достаточно света, и улица погружалась в полутьму. Проезжающие мимо автомобили поднимали колёсами волны грязной воды, которые акульным плавником прорезали воздух и с хлипким отголоском орошали парковочные бордюры и нервных прохожих. Ветеринарная аптека и продуктовый магазин – места сосредоточения яркого света – расставались с последними своими посетителями. Люди бежали... Бежали от города, который поминутно накидывал на себя ночной саркофаг.

Город не жаловал тех, кто блуждал меж каменных джунглей в ночное время, и жители это знали. Все мигом забывали, для каких целей они покидали дома, откладывали встречи, проблемы и спешили домой, подальше от монохрома и его иссохших лап...

Из-за угла с гулом выехал автомобиль с шашкой такси и спустя пару секунд резко остановился у парковки. Очередная волна разрезала воздух и небольшим приливом растеклась по тротуарной плитке. Из машины вышел человек средних лет, с залысиной и густыми усами, похожими на щётку. Громко захлопнув дверь, он поспешил в сторону магазина, но вдруг остановился и посмотрел в мою сторону. Его лицо сконфузилось настолько, что усы тотчас прижались к носу, и создавалось ощущение, что они выражают недовольство вместе с ним. Постояв ещё несколько секунд, он по-офицерски развернулся вполоборота и зашагал к входной двери магазина.

Я посмотрел вниз. У моих ног всё так же сидел Монсон. Он поскуливал от холода, тело его донимала дрожь, расходившаяся волнами по испачканной рыжей шерсти. Пёс, почуяв взгляд на себе, поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Преданность, невероятное сочетание доверия и понимания таились за круглыми чёрными глазками. Ещё бы, ведь Монсон – единственное, что осталось со мной после ухода от прошлого. Единственное существо, что так грело мою бродячую душонку. Да, я был бродягой. Таких, как мы, зовут бомжами, тунеядцами, бичами. Нет, я не пил, не проиграл состояние в азартные игры, казино, не влезал долги. Просто играл с судьбой. Судьба предоставила мне право выбора: три стакана, повёрнутых основной частью к столу. В одном из них находился крах, разлад. И угадайте, какой стакан я перевернул по случайности? С тех времён мы вдвоём...

Я подошёл к высокому бордюру парковки, присел на подол своей потёртой куртки и подманил к себе Монсона. Пёс послушно подошёл, сел рядом и прижался к моему боку. Я провёл рукой по его холке и приобнял промокшего друга. Монсон робко повернул голову в мою сторону и посмотрел в очередной раз прямо в глаза. Жалобно заскулив, он принялся обнюхивать плечо и тянуться влажным носом к моей небрированной щеке.

– Друг, кушать хочешь? Я знаю... Потерпи немного, завтра, может, что-нибудь да перехватим, ты, главное, держись. Я же с тобой. Я буду всегда с тобой, – тихо прошептал я, обхватив двумя руками голову пса и глядя на него.

Монсон издал протяжный лай и плотнее залез ко мне под руку, вывалив язык и завиливав пушистым хвостом, с которого вмиг посыпались комки грязи. Казалось, что он понимал меня. Понимал то, что я чувствую, что говорю, жалел и всегда мог выслушать. Я не получал заботы от людей, был всеми забыт, отвергнут, но только не им.

Вдруг дверь продуктового магазина со скрипом отворилась, и оттуда показалась женщина, держа за руку маленькую девочку лет шести. Та была одета в розовую курточку с детскими рисунками, чёрные штанишки и шапочку с белым цветком, уместившимся прямо у лба. Девочка держала леденец в форме петушка, улыбалась и что-то напевала. Пока женщина перекладывала покупки из сумки в сумку, кроха неожиданно повернулась в сторону парковки и, увидев меня, замахала рукой. Я широко улыбнулся юной доброжелательнице и скромно махнул ей в ответ. Когда она заметила сидящего рядом Монсона, её лицо изменилось и расплылось в довольном смешке. Я демонстративно погладил пса, как бы зазывая девочку познакомиться с ним.

– Мам, смотри, там собачка! А можно её погладить?

– Нет! – её мать резко посмотрела влево. – Ты хочешь что-то подцепить? У неё нет дома, это блохастая и вшивая собака, погладишь у тёти. У неё же есть.

– Ну мам! Она хорошая. Дядя разрешает, видишь?

– Это не «дядя», это алкоголик, – со злобой сказала женщина. – Не смей даже подходить к этому уроду, испачкаешь новую куртку. А вдруг он на тебя нападёт?

Девочка вдруг всхлинула, а затем начала раскатисто и громко рыдать, указывая пальцем на Монсона, но мать резким движением перехватила её руку и против воли

поташила за собой, попутно ругая. Когда люди исчезли за горизонтом тумана и огней автомобилей, я безнадежно отвернулся и, подложив руку под челюсть, задумался.

В городе пороков нет любви, человечности, сострадания. Город изжигает, выедаёт, опустошает. Люди приезжают сюда жизнерадостными, строят планы, ищут знакомства и работу, но спустя некоторое время становятся частью коллективного разума, одним многоклеточным организмом, которым движет ненависть, жажда закабалить и унижить, перевернуть ближнего. Все мы стали его неотъемлемой частью, частью урбанистических пейзажей, такими же зданиями, камнями, асфальтом...

Я посмотрел себе под ноги. Волны грязной воды перетекали по асфальту. Она огибала колёса автомобилей, попутно цепляя выброшенный мусор, сигаретные окурки, помятые флаеры и прочий мусор. Она держала путь к нижней части города, к сливным решёткам, чтобы утечь по трубам туда, где больше не побеспокоит людей.

Вода... Что же это? Воду можно ассоциировать с целым жизненным циклом, с человечеством в целом. Связь бытия и круговорота воды не случайна. Где-то там, куда крайне редко наступают тяжёлые ботинки туристов, есть красивейшие невероятные места. Скалистые серо-бурые горы, по которым движется вниз кристально чистая вода. Она пробивает каменные утёсы, пересекает ущелья, спускаясь всё ниже и ниже, к подножью. Слово жизнь, подаренная кем-то свыше. Мы появляемся на свет наряду с водопадом, жизнь зарождается с первой каплей горных вод. Жизнь необыкновенная, новая, предполагающая множество открытий, целей, счастливых моментов. Когда мы впервые открываем глаза, когда крохотный младенец подаёт признаки жизни, именно с этого момента начинается то, что, по сути, не каждый заслуживает.

Вы не задумывались над этим? Каково быть тем, кому суждено увидеть этот мир, утонуть в материнской любви? Каково жить? Жизнь неценима, жизнь опошлена,

жизнь отошла на второй план, открыв дорогу мирской похоти, материалистическим потребностям, комфорту, каким-либо человеческим благам. Но ведь всё не так просто. Нам даровали возможность приукрасить существующее, прочувствовать всем телом и душой невероятное, выходящее за грани познания. Но что мы имеем далее? Вода устремляется вниз, как и младенец постепенно теряет связь с потусторонней абсолютной чистотой. С каждой прожитой минутой, с каждым сантиметром движения потока мы, как и прозрачные капли, уходим от истоков, срываемся с мнимых золотых поднебесных поводков.

Чего же ищет вода? Куда держит путь ручей? Капля есть человек, поток – жизненный путь. Младенец постепенно трансформируется в более разумное существо, осознающее себя, строящее планы, имеющее мечту, определённые цели и жизненные принципы. Трансформируется наряду с бушующим потоком, что сошёл с вершин водопадов и уже разделяется на ответвления, небольшие узкие ручейки, мини-потоки, расходящиеся в невообразимо разных направлениях. И направления эти не сосчитать на пальцах обеих рук. У каждого ручья свой длительный путь, путь становления, свои препятствия и окружение. Капли воды знают изначально, в какое ответвление изломанного ручья им суждено попасть, ведь изначально выбранная тропа ведёт к конечной точке. Одни ручьи текут через яркие и райские луга, окружённые цветами разных спектров, другие протекают через непроходимые чёрные леса и овраги, окутанные тьмой, третьи движутся по направлению, заданному им выжженными злаковыми полями, согреваемыми солнечными лучами.

Мечта движет ручьями, мечта движет жизненным циклом в целом. Мечта – лучшее, что было и со мной. С ней я открывал глаза в родительском доме, с ней и через много лет возвращался домой от любимой девушки, с ней засыпал, будучи сформировавшейся личностью. Но не всегда выбран-

ное направление приводит к тому, что мы лелеем в мыслях, даже порой и самое светлое. Каждый ручей в итоге достигает пункта, обозначающего промежуточный перевалочный пост. Озеро. Озеро есть середина. Стадия умиротворения, успокоения, время для дальнейшего анализа. Его безмятежные воды недвижимы лёгким ветром, спокойствие вводит в транс.

Но даже гигантское озеро имеет определённые точки и зоны, поросшие вязкой тиной и водорослями. Бурные воды ручья, всё стремящиеся к движению, врываются в тихие воды озера. Так же, как и молодые амбициозные юнцы натываются на риф реалити и уходят в массы, дополняя изношенные механизмы. Мечта отдаляется, мечту покидают и оставляют догнивать в той самой тине, если только капле не повезло случайно оказаться в самом центре озера. Но утро переходит в жаркий день, и из-за светлых голубых облаков пробиваются первые солнечные лучи, которые так ожидаемы и желанны. Вода испаряется. Те капли, которым повезло бороздить поверхности, превращаются в пар. Именно они не растеряли связь с мечтой. Либо им просто повезло. Лёгким тёплым ветерком подгоняемы они к облакам, к месту, куда желает попасть каждая капля. Место под солнцем, куда, как известно, рвётся каждый человек. И уже то, что в недалёком прошлом было каплей, образует облако.

Облака есть элита. Уважаемая или попросту устрашающая часть общества, что возвышена над массами, возвышена над озером. Облака купаются в лучах солнца, ведь солнце ближе к ним, чем к озеру. Они нежатся в признании, богатстве и страсти.

Но проходит время, облака наливаются беспроглядной чернотой, тяжестью. Разновесы достигают весов. Они давят на облака, направляя их к низам. И с первой прорезающей цепью молний и громогласным раскатом грома облака вновь становятся каплями. Они утрачивают то, что держало их там, что давало желание жить, и мертвенно и тяжело падают, разбиваясь об асфальт, тра-

ву, гладь, образуя новый поток. Тот самый поток, что сейчас прорезал мои изношенные ботинки у бордюра. Поток бесславный, никому не нужный, очернённый и мерзкий. Поток, перемешавшийся с мусором и отрубями общества.

Больше нет мечты, нет ничего... Люди, находящиеся на данном этапе, формально уже мертвы. Увы, но я входил в их число. Я – капля. Капля грязной воды, плывущая по городским улицам, ищущая свою сточную яму, которая является финишной прямой. Абсолютный ноль, подгоняемый в пучину монохромом, подгоняемый в пучину озлобленной Матерью Природой и разгневанным Богом. И после того, как я кану в сточную яму, как город остановит мой пульс, змея наконец-то укусит кончик своего чешуйчатого хвоста. Цикл замыкается для того, чтобы разомкнуться позже и подарить жизнь новым каплям. Уроборос. Сине-золотой символ цикличности бытия, вечное движение и круговорот жизней, которые, увы, не ценятся сегодня.

Я потерял всё. Потерял семью, работу, мечту. И вот теперь я тут. Не сочувствуйте мне, унижайте меня, испепеляете вечно-

го раба каменного склепа, растаскивайте по лоскутам брэнное тело, уничтожайте, громите... Ведь как иначе? Монохром не-иссякаем, монохром есть смерть, смерть есть уроборос, а точнее его хвост, уроборос есть цикл...

Оторвав взгляд от мокрого асфальта, я обратил его к небу. Необычный день, таинственная ночь, просыпающийся голод. Полярная звезда указывала путь, куда мы должны двигаться этой ночью вместе с Монсоном. Она даже вселяла надежду, пусть и крайне ничтожную. Надежду на то, что, может быть, мой поток грязной воды будет остановлен мистическим пустынным солнцем...

Я поднялся на ноги, вытянулся в полный рост, размял рукой ногу и разбудил уже уснувшего Монсона.

– Звезда сегодня особенно яркая, дружок! – прошептал я, проведя рукой по спине пса. – Идём, она зовёт нас.

Страница автора
vk.com/monokhrom70

Игорь Щепёткин

Томск

Медвежий мыс

Широко разлилась река. Течёт неторопливо, пособляет нашему пароходу плыть на север.

Я вышел из каюты, тотчас ощутив силу встречного ветра. Вцепился в бортовые поручни, почувствовал, как они дрожат от внутреннего сотрясения парохода. Волнение и трепет охватили меня. Поручни – на уровне подбородка. Задираю голову: на верхней палубе ходовая рубка с огромными окнами. В рубке усатый штурман крутит рулевое колесо, направляет судно по фарватеру, ориентируется на створы. Их контуры, словно перья гигантской птицы, еле различимы на далёких берегах.

Стою на верхней палубе, рядом с бабушкой. Она щурится вдаль, замечает рыбака на песчаной отмели, улыбается. Бабушка приезжала к нам на новоселье в новом благоустроенном доме. Теперь мы едем к ней в посёлок.

Подходит папа, приглашает спуститься на нижнюю палубу – осмотреть машинное отделение. Я обрадовался, что смогу увидеть там кочегара. Следую вниз по узкой лестнице. Здесь такой грохот, что трудно говорить. Размахивая руками, папа выкри-

кивает какие-то слова, указывает на части трясущегося механизма – пытается объяснить, как это работает. В углу стоит старый, давно забытый зонтик. Но кочегара нигде нет. У выхода старший механик рассмеялся: «Мы уже в космос летаем, а ты всё кочегара ищешь». Разочарованный, возвращаюсь наверх.

Половодье. Почти до горизонта – сплошная водная гладь. Навигация в самом разгаре. Тупорылые толкачи упорно ведут против течения гружённые лесом баржи. Иногда Обь пересекают юркие моторные лодки.

– На родину плывём, – держа полусогнутую ладонь чуть выше густых чёрных бровей, говорит бабушка.

Мне не терпится узнать, как выглядит родина. От нечего делать прохожу по коридору мимо нашей каюты, чуть не сталкиваюсь с двумя рыболовами в прорезиненных комбинезонах и броднях. За поворотом на скамейке сидит девушка, что-то вышивает на рогожке, на плечи накинута шаль с лиловыми полосами. Из соседней каюты слышится колыбельная.

Тем временем пароход идёт вперёд, изредка выпуская клубы пара. За кормой, поднимая водяную пыль, плещет тёмный вал, вслед лентой тянутся волны, переходят в мерцающую рябь.

На следующий день пароход издал протяжный гудок и причалил к пристани «Медвежий мыс». На дебаркадере встретил дядя, поцеловал бабушку, крепко обнял нас, забрал из рук чемоданы. Но стоило сойти на берег, как все последующие события слились и не оставили особенных воспоминаний. Таково свойство детской памяти.

А впрочем, нет! Я ошибся. Припоминаю одну притчу, которую бабушка часто рассказывала в тот год: «Родители оставили сына с младшей сестрой дома одних. Девочка плакала, а мальчик, чтобы успокоить, стал её щекотать и так долго щекотал, что она умерла. Приходят родители домой, а мальчик им говорит: маленькая Щекоточка под лавочкой лежит». В конце повествования бабушка принималась меня щекотать, и я убежал.

Через несколько лет во время школьных каникул я снова приехал с родителями к бабушке. Бабушка сильно болела, и это лето могло быть для неё последним.

В один из таких дней после завтрака с блинами и щучьей икрой я вышел из бабушкиного дома. По двору сновали куры, на заборе сушились рыболовные сети, мешки из рогожи. В тени навеса отец возился с лодочным мотором. Его промасленные руки извлекали из внутренности разные части, раскладывали на днище перевернутой плоскодонки. Заметив меня, он принялся называть детали, пояснил: «Вот, карбюратор собираюсь прочистить». Папа всегда хотел, чтобы я стал инженером. Киваю головой, будто понимаю; на самом деле меня привлекают прожилки из липкой смолы на шершавом боку лодки.

Тут объявился двоюродный брат Лёнька, похвастался самокатом. Руль и платформа самоката были из сосновых досок, вместо колёс на деревянных осях – огромные стальные подшипники. Лёнька поставил это чудо техники на высланный плахами тротуар и оттолкнулся левой ногой. Проехав несколько метров, оттолкнулся снова, но так и не предложил прокатиться.

Я позавидовал способностям брата и вернулся в дом. На подоконнике рядом с алой геранью отыскал альбом для рисования и цветные карандаши. Положил за пазуху, направился к пристани. Шёл по набережной мимо вытянутых из воды моторных лодок, вдыхал полной грудью сырость реки, наслаждался запахом бензина. Кое-где под ногами блестела рыба чешуя. Остановился у самой кромки, слушал, как мелкие камни елозят в набегающих волнах.

Меж песчаных дюн возвышался ржавый остов катера. Я присел поодаль на огромный корень, очевидно, вынесенный сюда весенним разливом. Вынул альбом, начал рисовать это заросшее лебедой брошенное судно. «Когда-то оно бороздило реку, перевозило людей, грузы», – думал я и настолько был занят этюдом, что не сразу заметил девушку в синем купальнике. Она сидела под зонтом, всматривалась в даль. Ступ-

ни её ног были замысловато перекрещены и отбрасывали тень, похожую на хвост русалки... Карандаш в руке невольно задрожал – так из дремотной бесформенности родился новый образ.

К утру следующего дня лодочный мотор был установлен на старую лодку-плоскодонку. Папа облачился в комбинезон и бродни. Каким-то хитрым узлом привязал на короткой верёвке лодку-долблёнку – облас. Мы отчалили, неспешно поплыли на другую сторону Оби. Ровное пыхтение мотора смешивалось с туманом над спящей рекой.

Минут через двадцать в серебристой дымке показался берег. Сбиваясь с такта, мотор затарахтел медленнее, фыркнул и замер. Лодка уткнулась в песчаную отмель. Бросили якорь, перенесли в облас маленький невод – бредень. Ещё метров сто, до самой курьи, волоком по мокрой траве протаскивали облас и спустили на воду. Ловко гребя веслом, папа отплыл и принялся выбирать с днища бредень так, чтобы грузила тонули с одной стороны, а берестяные поплавки ложились на воду с другой.

Я остался на суше удерживать свободный конец невода. Сквозь редкие облака веером пробивались ангельские лучи солнца, а в их сиянии роем вились свирепые слепни. Они кружили и жалили. Слезы наполнили глаза, но я радовался, что папа не видит моего бедствия.

Вскоре невод был погружён в воду. Тяжело гребя веслом, папа сделал дугу по довольно широкой в этом месте старице. Расправив до паха болотные сапоги, он шагнул в воду и, ступая по топкому илистому дну, выволок облас на мыс. Потом мы с трудом вытягивали грузный бредень, складывали спиралью на земле.

Петля невода неумолимо сужалась. Вдруг меж поплавок началось волнение. Папа снова вошёл в воду, стал выпутывать из сети пойманную рыбу, бросал её в осоку. Рыба бешено билась хвостами береговую траву, жадно хватала воздух трепещущими жабрами. В азарте я подбирал извивающиеся тела, кидал в мешок, из которого не успел выветриться запах прежней рыбы.

Иллюстрация Лилии Гойзман, www.lilia-art.com

Наконец работа была сделана. Я разделся догола и, путаясь в водорослях и отплёвываясь, брассом поплыл наискось курьи в заросли жёлтых кувшинок, почувствовал ласковое прикосновение их длинных стеблей.

На обратном пути папа рассказывал, как они жили в посёлке во время войны: «Отца взяли на фронт. Вскоре пришла похоронка... В те трудные годы рыба была основной едой, из рыбьих костей мололи муку, пекли из неё лепёшки».

В этой же плоскодонке в один из июльских дней ещё до рассвета мы отправились на сенокос в устье ближайшей протоки. На берегах когда-то судоходной реки жили первые поселенцы – остяки-самоеды. Потом река обмелела: говорят, из-за вырубki леса. Дома стали строить на Оби, в нескольких вёрстах отсюда, – так появился новый посёлок. А на просёлочной дороге, соединяющей новый и старый районы, нередко можно было встретить медведя. Сейчас в пойме протоки – заливные луга, хорошее место для сенокоса.

Немного погодя на телеге подъехала родня. Похлопывая рыжую кобылу по шее, мама с гордостью промолвила: «Сама запрягла,

только попросила супонь затянуть». Дядя молча подточил оселком лезвия литовок, настроил рукоятки. Расставил косцов, пояснил мне, как правильно держать косу. Я пристроился в самом конце, позади Лёньки. Поначалу коса втыкалась в землю. Пучком травы приходилось протирать лезвие. После нескольких прогонов стало получаться лучше, я уже не отставал от Лёньки. А во время коротких передышек спрашивал у тётки названия и свойства скошенных трав.

Вот я снова остановился, опёрся о ручку косы, прислушался: стрекочет, стрекочет кузнечик над покосным лугом – тр-р-р, тр-р-р. Звенит в ушах от его стрёкота.

Так проводил я каникулы в этой чудной местности – на рыбалке, сенокосе, на пристани или просто витал в облаках. Бабушка была всё в том же положении – не хуже и не лучше. Но после Ильина дня наступил кризис. Из её комнаты раздавались протяжные стоны, было страшно смотреть в приоткрытую дверь. Не зная, куда себя деть, я взял в сарае велосипед, поехал по ухабистой дороге через всю деревню, то и дело объезжая пульсирующие навозные кучи и полные мутной воды лужи.

Велосипед часто позвякивал всем своим существом. Дорога вела к кладбищу, затем спускалась вниз и, изгибаясь, тянулась вдоль пади. Бросив на краю болота велик, пошёл наугад по упругому торфянику, срывая на ходу незрелые ягоды морошки. У одной из болотных кочек прилёг и принялся её внимательно рассматривать в надежде найти интересные образцы для гербария. Сегодня мне повезло: на одной из кочек среди сизой травы разглядел насекомоядную росянку. Осторожно придавив комара на запястье, положил его в центр листка: наблюдал, как железистые волоски охватывают наполненное моей кровью брюшко насекомого.

Заворожённый исследованием, не заметил, как тень накрыла болото, будто громадная птица взмахнула крылом. Из облака посыпались мелкие брызги. Забыв пополнить гербарий, торопливо направился к дороге. Еле отыскал в зарослях багульника велик и, ведя его за руль, поднялся на пригорок, откуда открывалась панорама на Медвежий мыс. За посёлком в дымке широкой лентой текла река.

Меж тем мрачная туча у горизонта поглотила солнце, прогремел гром.

Вернулся уже в сумерках, запылённый и уставший. Поставил в сарай велосипед, отёр лицо и вошёл в дом. Переступив высокий порог, почувствовал: случилось непоправимое. В прихожей большое зеркало было покрыто простынью, в комнатах горел приглушённый свет. На подоконнике, рядом с геранью, тускло сияла лампада. В проёме двери в бабушкину комнату стоял растерянный отец. Скаля крепкие белые зубы, коротко спросил: «Ты где был?» Помедлив, он качнулся в сторону, и я увидел, что две соседские женщины при свечах обмывали бабушку. Её бледное тело неподвижно возвышалось на скамейке. Одна женщина поддерживала её за подмышки, другая поливала воду из ковша.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Вспомнил странную бабушкину притчу про маленькую Щекоточку. Потом приснилось, будто кто-то меня щекочет.

Через две недели на теплоходе «Ракета» мы с мамой возвращались домой по низкой воде. Папа остался в посёлке до осени. За окном мелькали острова, крутые берега, селения, приземистые домики с сеновалами. Кто-то сидел на обрыве над рекой... На середине пути наш теплоход на подводных крыльях наскочил на бревно и от сильного удара чуть не перевернулся. Бревно застряло под одним из крыльев. Мама достала из сумочки таблетку валидола, положила под язык. Штурман и капитан вооружились баграми, с трудом освободили крыло от злополучного бревна. Нырнул механик в водолажном костюме, обследовал обшивку – оказалась неповреждённой. Помаленьку мы доплыли до города.

В сентябре начались классы. На уроке литературы дали на дом задание написать сочинение «Как я провёл лето». Я брёл из школы понуро, ветер гнал навстречу жёлтые листья. Дома закрылся в комнате, весь вечер просидел над черновой тетрадью, но не написал ни строчки. Ночью у меня поднялась температура. Долго болел, а когда выздоровел, про задание учительница не спросила. Но события тех лет продолжают беспокоить: ненаписанное сочинение осталось в памяти. Мысленно брожу в фарватере воспоминаний. Смотрю в минувшее, как в то зеркало, с которого сброшен покров.

Передо мной узкий лист бумаги. Я перекрутил его, склеил концы – получилась лента Мёбиуса. Потом откинулся на поскрипывающем стуле, устало наморщил лоб, бросил взгляд на угол соседнего дома. В комнате душно. Сорвав ноготь о шпингалет, открыл дверь, переступил порог, вцепился в крашеное дерево перил балкона... В углу, на старой тумбочке, в накрытой марлей стеклянной пятилитровой банке, сидит кузнечик и стрекочет на всю улицу. Его колена кажутся огромным под увеличительным стеклом кривизны банки. Осторожно приподнимаю край марли и бросаю крохотный кусочек хлеба. Стрёкот кузнечика многократно отражается стенами панельных домов и, как обрывок сна, с порывом ветра в комнату влетает былинка.

Вести из литературной студии «Родники Сибири»

Подводя итоги ушедшего года и пятилетия литстудии, нам захотелось оглянуться в прошлое. С этой целью я пишу свою повесть «Так начинались “Родники”», первая часть которой увидела свет в сентябре 2019 года. В ней содержится маленькая пятилетняя история нашего творческого объединения.

В своей вступительной статье я пишу:

Уважаемый читатель! Предлагаю познакомиться из первых уст с маленькой, всего пятилетней историей творческого объединения – литературной студии «Родники Сибири», существующей при Кемеровской ОНБ им. В. Д. Фёдорова. Самодеятельным авторам в любом возрасте всегда было трудно, а иногда и невозможно увидеть результаты своего творчества напечатанными. Все профессиональные союзы и объединения, чего греха таить, не видят в непрофессионалах «искорку Божию». А мы и не пыта-

емся соперничать с ними, зная свой уровень литературной подготовки. Нам бы только найти «свой шесток» и попытаться выразить свои чувства и эмоции в словах чуть пограмотнее, чуть попроще, насколько это возможно. Таким «шестком» и стала для нас литературная студия. Приглашаю вместе пройти по трудным, непротоптанным тропинкам первых лет сотрудничества к её «родничкам», затерявшимся в прозе жизни и пробившимся чистым ручейком-строчкой к читателю.

А заканчивая первую часть, в послесловии, – о продолжении повести:

Уважаемые читатели! Наша «Родниковая поэма» – повесть «Так начинались “Родники”» на этом не заканчивается. Во второй части мы подробнее расскажем о других наших авторах, познакомим с их воспоминаниями, планами на будущее и произведениями. В первой части были предложены выдержки из переписки автора с первым руководителем литстудии на первом году жизни творческого объединения. Судьба подарила автору ещё два года сотрудничества с Татьяной Поповой (Янтарной). Надеемся, что и другие страницы переписки будут так же интересны. Литстудия «Родники Сибири» продолжает торить свои тропинки «От ученичества к творчеству», оставаясь самыми прилежными и активными участниками «Небогатовского Факультета», следуя его наставлениям и рекомендациям. Впереди – новые проекты, традиционные конкурсы, журналы и сборники. Оставайтесь с нами на страницах нашей маленькой истории. А своим литстудийцам – как выпускникам, так и активным участникам – желаю сохранить неугасимый интерес к литератур-

ному творчеству, вдохновение, энтузиазм и задор в добрых делах на литературном поприще! Творческих всем удач, вечно голубого неба и светлых улыбок вокруг! С юбилеем, родниковцы!

С чем же мы пришли к своему пятилетию?

Вот как на этот вопрос отвечает **Нина Михайловна Инякина (Небогатова)**, надёжный друг, терпеливый корректор и редактор, в своей вступительной статье к повести «Так начинались “Родники”»:

...Главное, что мне очень импонирует в работе литстудии, – и ты, читатель, обязательно увидишь это в тексте – участники студии не только пишут свои произведения и предлагают их на суд своих собратьев (вернее, сестёр) по перу, готовят к изданию свои авторские и коллективные сборники, публикуются на страницах газет и журналов, в том числе и своего – внутрестудийного – журнала, они ещё и читают – а это не только важно, но и необходимо! – классиков литературы, изучают творчество кузбасских поэтов.

Словом, учатся, обогащают себя знаниями поэзии и прозы, а вместе с тем и совершенствуют своё собственное мастерство. Вошло в практику (а это я особенно приветствую) разбирать творчество отдельных участников литстудии, делать детальный разбор произведений, предлагаемых к печати, проводить работу над ошибками, доводить свои произведения до более высокого уровня.

Как говорил учитель и наставник литстудии (а Небогатова смело можно так назвать, пусть и заочно), происходит движение «От ученичества к творчеству»...

И главным заветом для наших авторов стали слова первого руководителя литстудии, **Татьяны Поповой**, о чём я и пишу в своей повести:

А в следующем письме Татьяна открывает мне секреты работы со словом и над книгой:

«...Думаю, когда мы закончим с текстами (когда глаз ни за что не будет “цепляться”), есть смысл дать им “вылежаться” и снова просмотреть все тексты примерно через месяц. Свежим взглядом, так сказать. Если поправок больше не будет, то смело можно приступать к изданию книги! Этот метод я не раз опробовала – на своих книгах и в своё время. Но, должна сказать, часто бывает так, что после длительной и поэтапной работы над книгой, уже после её издания всё равно появляется желание что-то ещё подправить. Так что эта работа в каком-то смысле бесконечная. Нам остаётся прислушиваться к своим внутренним ощущениям. Сейчас важны ваши ощущения – ощущения автора будущей книги. Стихи после обработки не должны стать “чужими”, как будто не своими, не должны вызывать внутреннего отторжения – это очень важно».

Мне остаётся только расшифровать такой коротенький позитивный отзыв нашей литературной подруги, который вобрал в себя всю суть и функционал творческого объединения.

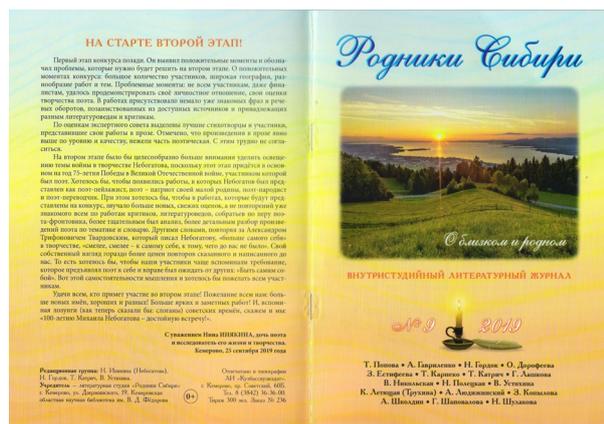
И начну я, как всегда, с самого главного нашего зачина, трёхгодичного литературного конкурса «Простою задушевною строкою», посвящённого грядущему 100-летию М. А. Небогатова и стартовавшему в сентябре 2018 года. В настоящее время набирает скорость второй этап конкурса. Осенняя подборка тринадцати авторов с 25 произведениями (19 стихотворных и 6 прозаических) уже получила оценку практически всех экспертов. По предварительным результатам, в финальный список из осеннего потока могут пройти 10 стихотворений и 2 произведения в прозе. Завершается формирование зимнего потока, в списках которого уже 14 авторов.

Организаторы конкурса, редакционная группа литстудии, на первом этапе постеснялись выставить свои, наработанные в 2016 году на первом одноимённом конкурсе критерии оценки стихотворений «по-небогатовски». Оказалось, что они хорошо работают на втором этапе и значительно облегчают экспертам процесс оценивания.

Хорошим подспорьем для нас стала группа «Родники Сибири» на сайте «Одноклассники», где с помощью Н. Инякиной (Небогатовой) публикуется огромный массив информации о жизни и творчестве будущего юбиляра, а также его произведения. К тому же Нина Михайловна дублирует эту информацию и в другой группе, на сайте «ВКонтакте».

Очень надеемся, что новые конкурсанты обязательно найдут в этом бесконечном потоке литературного наследия кузбасского первопроходца для себя ту единственную строчку, которая подтолкнёт их к написанию своего конкурсного шедевра.

А также мы рады возможности поделиться своими публикациями с читателями нашего любимого журнала «Союз писателей».

В конце прошлого года вышел девятый номер внутрестудийного журнала «О близком и родном». Главная тема номера – из серии вечных тем в поэзии. Она созвучна коллективному сборнику «О самом близком и родном», вышедшему весной 2017 года в издательстве «Союз писателей» г. Новокузнецка. Редактором-составителем сборника была Татьяна Попова (Янтарная). Из 21 автора, представленного координатором издательства, почти треть – сегодняшние «родниковцы». Их произведения продолжают радовать наших читателей и почитателей на страницах этого номера.

Десятый, юбилейный номер тоже не заставил себя долго ждать. Этот выпуск не совсем обычный, он и по статусу своему отличается от плановых и очередных.

На его страницах – наши «золотиночки», избранные и любимые. А главная тема номера в юбилейный год Победы – «Помним и чтим». Так мы назвали свой литературный обелиск Героям Великой Победы – сборник наших конкурсных произведений.

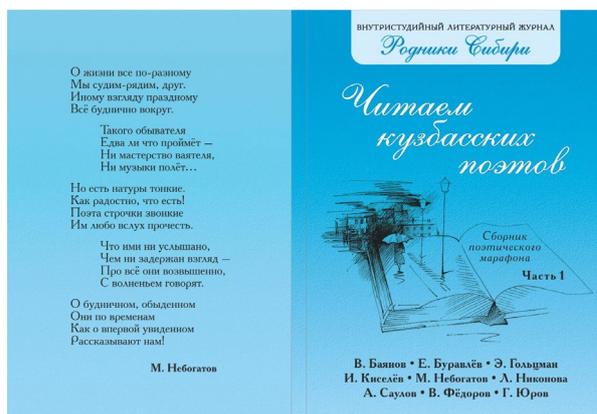
Рубрику «Светлая память» представляет Валентина Устяхина. 1 марта текущего года Татьяне Поповой (Янтарной) исполнилось бы 40 лет. Ещё один юбилей – печальный. И мы продолжаем о ней говорить своими и её словами.

На первых страницах знакомим с ответственным словом нашего надёжного друга и попугчика Нины Михайловны Инякиной (Небогатовой).

Гостем номера стала молодая поэтесса из когорты Татьяны Поповой (Янтарной) Светлана Усольцева.

На авторских страничках мы размещаем конкурсные прозаические зарисовки-пятидесятисловники «Коротко о журнале-юбиляре». Сложно выразить в пятидесяти словах все мысли и чувства о нашем детище. Но как любой конкурс не бывает без победителей, так и в нашем они определились почти сразу. Два автора, Валентина Устяхина и Татьяна Катрич, справились с домашним заданием сами, остальные – с помощью редгруппы.

В 2020 году мы продолжаем проводить «литературные среды». И традиционно первую среду ежемесячно посвящаем кузбасским поэтам. «Приглашаем на поэтический марафон» – так называется вступительная статья сборника по итогам марафона, первая часть которого вышла в январе этого года.

Приглашаем на поэтический марафон

Представленный сборник «Читаем кузбасских поэтов» был разработан как приложение к внутрестудийному журналу по инициативе участников литстудии на основе пятилетнего опыта проведения одноимённых ежемесячных «литературных сред». Изучение жизни и творчества поэтов-классиков и известных кузбасских поэтов на занятиях литстудии плавно перетекло в поэтический марафон с участием других категорий любителей поэтического слова и учащихся общеобразовательных школ.

Донести полученную информацию до широкого круга читателей, в том числе и до учащихся, через различные формы внеурочной деятельности, познакомить представителей подрастающего поколения с накопленным литературным наследием наших земляков – это основная цель данного сборника.

Другая цель – дать в руки участникам литстудии материалы для посещения учебных заведений и ветеранских организаций с целью проведения поэтических марафонов.

В первой части сборника представлены подборки стихотворений и краткая информация о жизни и творчестве известных кузбасских поэтов – как стоявших у истоков писательской организации, так и продолжавших литературные традиции своих учителей-наставников. Все они уже ушли из жизни, оставив нам богатое литературное наследие.

В сборник включена информация с сетевых страниц Дома литераторов Кузбасса, Кемеровской областной научной библиотеки имени В. Д. Фёдорова и других электронных ресурсов.

К 300-летию Кузбасса планируется выпустить ещё две части этого приложения.

Первым – пробным – в приложении к внутрестудийному журналу стал мой сборник из серии «100 стихотворений» – «Тонкие струны души».

На очереди в проекте «100 стихотворений» другие авторские сборники избранных произведений.

В остальные среды мы чествовали юбиляров-классиков, а с авторами занималась редакционная группа. За последний год познакомилась с жизнью и творчеством Д. Гранина, Ю. Друниной, А. Ахматовой, И. Гёте, Н. Асеева, чествовали А. Пушкина и М. Лермонтова. Прикоснулись к творчеству земляков В. Ширяева, И. Фроловой, В. Баянова, А. Горипякина, Э. Гольцмана.

В январе этого года читали сказки братьев Гримм и стихи Л. Гержидовича. Впереди – творческие гостиные, посвящённые М. Исаковскому, П. Ершову, В. Замятину, Д. Фонвизину, Х. Андерсену, И. Бродскому, А. Твардовскому, А. Грину, С. Есенину, А. Блоку, А. Белому, А. Фету.

В очередной раз наши авторы опубликовали свои конкурсные произведения во все-российском сборнике «Герои Великой Победы». Предлагаем познакомиться с ними читателям журнала «Союз писателей».

Наталья Гордок, руководитель литстудии «Родники Сибири»

Конкурсные работы «О журнале-юбиляре» (пятидесятисловники)

1. Галина Алагузова

Наш журнал даёт возможность встретить своего читателя, своего единомышленника. Каждая душа откликается на своё СЛОВО, тогда образуется союз сердец. Он так необходим в нашем материальном мире, чтобы душа встрепенулась и полетела к своей мечте, к той своей половинке, которая уготована Богом каждому с момента рождения на земле. Да будет так!

2. Наталья Гордок

Наш журнал с первого номера как был, так и остаётся сюрпризом! Мы каждый номер ждём с нетерпением и дарим с радостью своим друзьям и почитателям.

Колдуя над его страничками, мы вдохновляемся новыми творческими идеями, заражаемся позитивом и увлекаем своих читателей в «прекрасное далёко», которое вот оно – рядом, на наших страницах.

3. Ольга Дорофеева

Однажды коллега, чтобы прочесть всем свои стихи, открыла небольшой, цвета утренней зари журнальчик.

«Что это за чудо?» – спросила я. «Журнал литературной студии “Родники Сибири”», – ответила Галина. Так внутрестудийный журнал стал для меня «маяком», к которому стоило стремиться.

В студии я нашла новых друзей и приоткрыла завесу тонкостей поэтического мастерства.

Желаю журналу быть, радовать и удивлять!

4. Зинаида Естифеева

Открывая с волнением очередной номер журнала, жду встреч с творчеством студийцев. Со страниц звучат с трогательной простотой стихи о сибирской красоте, родных, любви... В каждом номере – неповторимая поэзия Тани Поповой. Благодаря вниманию и поддержке редгруппы красочные журналы выходят регулярно, радуют читателя интересными произведениями. Журнал – хороший подарок родным, коллегам, друзьям.

5. Татьяна Катрич

Обычно твои строки читает десяток родных и друзей. Другое дело, когда – сотня незнакомых читателей. Другими глазами смотришь на своё «творение» и замечаешь слабые места.

Далее ты более внимателен к материалам, которые отдаёшь в печать. Так журнал оказывается инструментом, повышающим требовательность к слову, способствует росту мастерства.

И наш журнал просто красив.

6. Галина Лашкова

Для меня «Родники Сибири» – серьёзная творческая литературная студия. Я счастлива, что появилась возможность совершенствовать своё мастерство. А внутрестудийный журнал помогает донести до читателя мои стихи. Большую поддержку получаю и от редакционной группы. С помощью коллег по перу правлю и свой ритм, и рифму. Удачи нам всем ещё на пять лет!

7. Валентина Никольская

«Родники Сибири» – это символичное название литературной студии. Действительно, стихи самодельных поэтов порой, словно фонтаны чистой родниковой воды, вырываются на свет Божий, растекаются ручейками, чтобы сделать мир чище, прекраснее, найти отзвук в душе своего читателя. Человеку творческому важно донести свои произведения до читателей, тронуть сердца людей, выразить своё отношение к жизни.

8. Валентина Устьяхина

Журнал «Родники Сибири» – зеркало творческой жизни литературной студии. А рубрика журнала «Галерея авторов» раскрывает внутренний индивидуальный мир каждого автора.

Светлого пути тебе, дорогой наш журнальчик!

Укрепляй живительной силой родников в душах наших читателей вечные ценности высокой нравственности, морали и патриотизма!

А нам – творческого вдохновения на долгие годы!

Произведения авторов- «родниковцев»

Валентина Устьяхина

Бессмертной памяти огонь

(страницы семейной хроники)

О той страшной войне я знаю из кинофильмов, книг, уроков истории в школе, но более глубокий след в моей уже «седой» памяти остался от моих родителей – живых участников тех событий. К сожалению, я тогда довольствовалась их скупыми воспоминаниями, приуроченными к государственным праздникам, когда собиралась наша дружная семья за столом, либо их беседами между собой уже в почтенном возрасте, когда они вспоминали свою молодость.

Как я сейчас жалею, что о многом не спросила подробнее.

*Казалось, вечно будут жить / Родители – надёжная опора! / И дом стоять...
Дымочком вить, / И яблонька... у крепкого забора!..*

Но неожиданно для меня родители ушли в 2012 году один за другим, прожив вместе в браке почти 63 года. Отец – участник Великой Отечественной войны, мама – труженица тыла, шахтёр Кузбасса. Они вырастили нас – трёх дочерей, шестерых внуков, восьмерых правнуков и одну праправнучку.

Семья из двух прекрасных, любящих жизнь людей выросла до двадцати шести человек (включая зятьёв и снох). Для нашей семьи были и остаются два святых праздника, которые собирают нас вместе. Это День Победы и День шахтёра – как дань уважения родителям и всем ветеранам и труженикам страны.

При жизни отец дважды участвовал в параде Победы в г. Кемерово как почётный ветеран, участник Великой Отечественной войны. Поэтому с 2013 года я с внуками хожу на парад 9 Мая с портретами родителей. Память об их подвиге в годы войны живёт до сего дня. Тогда, наверное, не только у меня возникло желание пронести

портреты на параде в знак бесконечной благодарности главным героям этого великого праздника.

Уходят в Вечность наши Ветераны – / Сыны России, выполнив свой долг! / А мы поднимем выше это Знамя – / Сплотим свои ряды в «Бессмертный полк»!

Мои родители родились в одной деревне, Козлово Топкинского района, в многодетных крестьянских семьях. Отец, Василий Михайлович, 1925 года рождения, – старший сын в семье, кроме него было ещё семь детей. Жили бедно. Окончив четыре класса сельской школы, стал работать в колхозе. Возил сено с полей зимой, заготавливал дрова, помогал семье, как мог. А тут война грянула. Сводки с фронта были тяжёлые. Мужчины почти все ушли на войну. Женщины и подростки заменили их в хозяйстве. Женщины работали трактористами: пахали, сеяли, рубили и возили лес.

В 1942 году отца в семнадцатилетнем возрасте направили в Новосибирскую область на военную подготовку. 12 февраля 1943 года (ещё и 18 лет полных не исполнилось) принял военную присягу, ему было присвоено звание сержанта, – и сразу на фронт в составе Сибирского полка миномётчиком. Был командиром отделения зенитчиков артиллерии. Это я читаю в его военном билете и смотрю на сохранившуюся фотографию отца в 1943 году: ему только 18 лет, а глаза такие серьёзные; о чём думал тогда – я не спросила, а жаль...

Вспоминаю отрывки разговоров о войне моего отца с другими фронтовиками на встречах 9 мая. Он рассказывал, как «ходили за языками» при освобождении Белоруссии. Сибиряки отличались выносливостью, по несколько часов сидели в болоте под кочками в ледяной воде осенью и доставляли немцев в штаб, узнавали от них места их дислокации и готовили новые наступления.

Потом в ожесточённых боях под Псковом в июне 1944 года отец был ранен. Металлические осколки разорвавшегося снаряда в бедре остались на всю жизнь. После госпиталя освобождал от фашистов Прибалтику. Сохранилась фотография от 28 апреля

1945 года в Латвии, ст. Ропажы. Фотографировал еф. [ефрейтор] Радионов Фёдор Фёдорович. Отец часто смотрел на это фото, называл имена солдат, их национальности: был цыган, грузин, башкир, казах и другие. Почти все погибли от «лесных братьев» – предателей из местного населения – буквально в последние дни войны...

После победы на Западном фронте над страной нависла новая угроза с Востока – война с Японией, куда отправили молодых, но уже опытных и обстрелянных солдат. Их перегоняли эшелонами по железной дороге. А после разгрома японской армии победителей оставили на страже наших восточных рубежей, было беспокойно. И только 10 марта 1950 года отец был уволен в запас.

Вернулся в родную деревню – молодой, всего 25 лет... А сколько не вернулось! Женился на моей маме – Екатерине Григорьевне. Они сразу переехали в совхоз 316 на ферму № 3 (сейчас это посёлок Магистральный, что в семи километрах от Козлово), остались в родном Кузбассе.

Мама с 1940 по 1947 годы работала в шахтах Кузбасса в забое, под землёй, на глубине 160 метров... Все четыре военных года без выходных и отпусков по 12 часов в сутки рубила и гребла уголь вручную, отгрёбщиком. Молодые женщины и девушки заменили мужчин, призванных на фронт. Дисциплина была очень жёсткая, в забоях тоже гибли шахтёры. Так, погиб её забойщик Филин – молодой человек, его завалил огромный пласт угля (4-й участок шахты Центральная, г. Кемерово). Погибла мамина подруга Аня, у которой осталась трёхлетняя дочка, а муж погиб под Смоленском. Эту девочку оставила себе воспитатель детского садика, когда ей сообщили о гибели матери ребёнка.

За тяжкий труд женщин-шахтёров поддерживали морально, и не только. Маму наградили газовым платочком. Я его, помню, в детстве носила – очень тоненький, розового цвета – настоящее богатство было! В другой раз – отрезом на платье, которое она носила очень долго после войны. А в 1946 году её наградили медалью «За до-

блестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от имени Президиума Верховного Совета СССР от 15.11.1946.

В 1947 году женщин вывели из шахт на поверхность, и мама снова вернулась в своё село. Родителей уже не было. Отца забрали в 1937 году, а её мама умерла в 1947 году.

Старший брат мамы – Ходаковский Иван Григорьевич, 1910 года рождения – до войны тоже работал шахтёром на шахте «Пионер», в семье было четверо маленьких сыновей. В первые дни войны он ушёл на фронт. Сохранилась фотография военных лет. Он прошёл почти всю войну, но под Будапештом в феврале 1945 года был тяжело ранен. Его сначала доставили медпоездом в госпиталь г. Сочи на лечение, однако ранение оказалось очень тяжёлым, и шансов выжить почти не было. Ему очень хотелось увидеть своих детей, всё-таки четыре года не видел. И он попросил отправить его домой в Сибирь. До самого Кемерово его сопровождала медсестра из Сочинского госпиталя. Всю долгую дорогу на поезде. Ехали в Сибирь почти 10 суток. Медсестра передала раненого дядю Ваню жене на руки и отправилась обратно в госпиталь г. Сочи.

Вот такие внимание и забота характерны для людей того трудного военного времени. Мой дядя Ваня только и успел порадоваться на своих подросших сыновей и вскоре умер от ран. Сейчас я пробую восстановить эту историю подробнее. Его семья давно переехала на Украину, и след потерялся. Я сделала из этой маленькой фронтовой фотографии его портрет. Красивый крепкий сибиряк, как и мой отец! Я с этими военными фотографиями прохожу в параде «Бессмертного полка».

Я и мои сёстры-близнецы – дети послевоенного времени – жили очень бедненько, но с отцом-тружеником и мамочкой, мудрой и заботливой. Мужчин в селе было очень мало, а вдов – много...

Жили сначала в землянке с керосиновой лампой, электричество на ферму провели лет через семь. Отец почти всё время проводил в поле, работал полеводом-агрономом. Знал и любил матушку-землю, был истинным па-

триотом, растил хлеб более сорока лет. Знал каждое поле, где какое зерно даст лучший урожай. За свой труд имел тоже много наград, неоднократно был участником ВДНХ.

Он был настоящим стержнем нашей – уже разветвлённой – семьи до последних дней. А как он любил заниматься с внуками и правнуками! Доходчиво объяснял своим наследникам прописные истины русской жизни и истории, учил их добру, честности. Мы, его дочери, благодарны ему за такую поддержку в деле воспитания наших детей. Мама тоже везде успевала: и в поле работать, и домашнее хозяйство вести. Научила нас всем домашним премудростям: и шить, и вышивать, и огородничать. В домике, который отец сам позже построил, всегда был идеальный порядок.

Родители дали нам достойное образование, воспитали трудолюбие, честность, доброту, привили почитание старшего поколения. В посёлке была только начальная школа (четыре класса). Учителем был старенький фронтовик Андрей Сидорович. Шёл 1955 год, а ему было уже 60 лет... Нам было интересно, что он жил ещё при царе и рассказывал историю той жизни. А на уроках пения мы пели песни не про серого козлика, а «По военной дороге», «Три танкиста» и про финскую войну, где были слова: «Отец твой убитый на финской границе, на финской границе зарыт...» Так и росла вся детвора на военных патриотических песнях.

Это была маленькая деревенская школа, домик – всего две комнатки, где топили печь дровами, здесь же и раздевалка. Да и учеников-то было всего чуть более десятка во всех четырёх классах. А уже с 5-го по 8-й класс ходили пешком восемь километров в соседнюю деревню Тыхта. Среднюю школу заканчивали в интернате 58-го совхоза, это ещё дальше от родителей. Сколько им пришлось пережить, пока нас выучили и дали нам высшее образование!

Но нас всегда тянуло в родной дом, в домашнее тепло и понимание. Вместе со всеми детьми села с семи-восьми лет в летние каникулы работали в поле: пололи посевы

свёклы, моркови, кукурузы, картофеля. Мои дети, сын и дочь, в свою очередь, проводя каникулы в деревне у моих родителей, помогали работать на совхозных полях своего деда Васи. И все внуки с детства любили, когда отец брал их с собой в поля.

Когда мой сын Сергей, как призывник, готовился к службе в Советской Армии, отец учил его многому: общению с другими солдатами, рассказывал о Долге, Чести, Достоинстве, даже учил наматывать портянки. Сергей отслужил два года – с 1990-го по 1992-й. Сейчас рассматривают фотографии тех лет: сын на присяге (г. Москва), отец с внуками и правнуками после парада в селе на День Победы в 2000 году. А на следующем фото – всеми любимая папина помощница, лошадка Ягодка, на которой отец катает свою правнучку Наташу. Какой сильный, крепкий сибиряк! Да кто же таких победит?!

Наш народ верил в Победу и приближал её не вздохами о бедности, а трудом, героизмом, терпением и мудростью каждого на своём месте!

О войне отец иногда разговаривал с мамой да с дядей Пашей Калугиным. Тот вернулся с войны с переломанной ногой. От колена она торчала в сторону, а вниз он соорудил деревяшку, так и ходил, не давал ногу отрезать, хоть она ему и мешала. Он возил воду в бочке на поля, чтобы в жаркие летние дни поить работников, которые заготавливали сено, пололи, пасли скот. Он был очень добрый и пацанам рассказывал, как «бил фашистов, гнал их прочь с земли нашей».

А зимними холодными вечерами отец любил вслух читать газеты для соседских малограмотных старушек. Помню, в «Кузбассе» напечатали «Судьбу человека» М. Шолохова. Я ещё в школу не ходила. В нашем домике всего одна комната, так бабушки приходили каждый вечер, усаживались на лавку. Отец читал медленно, а они внимательно слушали и плакали. Почти все они не дождались с войны мужей, сыновей, братьев... Спрашивали у отца об этой страшной войне, он рассказывал. Ну и мы

не сидели без дела: что-то вышивали, учились вязать, драть перо на подушки.

Телевизоров не было ни у кого, первый появился уже в 1959 году у Бухтояровых, и мы толпами по очереди ходили смотреть это чудо. Очень много хороших, добрых воспоминаний о людях того времени. Мы гордились своими родителями и удивлялись их скромности и терпению.

В наших родителях была огромная внутренняя сила, до последних дней они никогда не опускали руки, а жизнь, пусть и мирная, была очень сложной – вечная борьба и стремление к лучшему. Вот и мы, их дети, уже сами пенсионеры. Я, ветеран МВД, тоже присягала на верность Родине и всю жизнь, до сего дня, равняюсь на образ жизни моих родителей. Вырастила двух детей, трёх внуков, растут два правнучка.

Моя сестра, Надежда Васильевна, – уважаемый на селе человек. Тридцать восемь лет отдала педагогической деятельности. С мужем Виктором воспитали двух дочерей, четырёх внуков. Прекрасная семья, проживают в посёлке Верх-Падунка Топкинского района.

Вторая сестра – Нина – инвалид детства, но отработала бухгалтером в совхозе более двадцати лет, вырастила двух сыновей, трёх внуков. Сейчас живёт в родительской квартире в г. Топки, где и собирается на праздники вся наша семья. Они только в 2010 году переехали в президентскую благоустроенную квартиру в г. Топки. Наконец-то можно было дать отдохнуть своим натруженным рукам! Были очень рады этому однокомнатному жилищу, где прожили ещё два года...

Мы по-прежнему собираемся вместе в День Победы и в День шахтёра. Просматриваем семейные фотографии, делимся воспоминаниями. Конечно, родители для своих детей – самые лучшие! Но сегодня я понимаю, что их поколение объединяло чувство патриотизма, бескорыстия, чуткости и высшей нравственности. Ведь такую разруху преодолели, пережили потери, восстановили страну!

С горечью слежу за тем, что происходит сегодня в мире, как ведут себя некогда дру-

жественные республики и государства Европы. А ведь их освободили наши отцы от фашизма ценой своих жизней! Просто из сердца рвутся строки моих стихов.

Да, миллионы жизней положили / России нашей верные сыны, / Чтобы в свободном мире жили / Все люди – граждане любой страны! / Так отчего же кто-то словом хлётским / Сегодня смеет наших бить солдат? / Бессовестно забыли братьев-крёстных, / Чьи кости под Европой всей лежат!

Наши уставшие за четыре года от страшных испытаний войной солдаты не остановились с Победой у своих границ после изгнания врага, а догнали его и уничтожили в логове! Освободили от фашизма всю Европу, что гибла и горела в том плену... Мой призыв к тем, кто пытается забыть и переписать историю тех событий:

Одумайтесь! Стоим уже у края / Той бездны, куда рухнет весь наш мир! / И даже чёрная воронья стая / Не долетит на свой последний пир!..

Семьдесят пять лет прошло с того победного мая. Слава Богу, сердца наши не остыли к памяти о подвиге наших отцов и дедов да и всего того поколения военных лет! Они, Герои Великой Победы, были нашими учителями по жизни. И сегодня остаются примером преданного служения людям и Отчизне. О них мы, наследники Победы, рассказываем, в том числе и на страничках нашего журнала, молодому поколению, чтобы в душах наших детей, внуков и правнуков, никогда не угасал Бессмертной Памяти Огонь!

Все народы России великой, / Как единая наша семья, / Не позволят врагам многоликим / На колени поставить себя!

Дважды герой...

Коломейцеву Анатолию Никитовичу (1923–1953), герою Великой Победы, отважному разведчику, ст. лейтенанту милиции ОУР по борьбе с бандитизмом в послевоенные годы в г. Кемерово, погибшему в ночь на 30 июня 1953 года при задержании опасных преступников

Он вернулся с войны... С орденами, героем!
Пять ранений в боях не сломили его.
Жить бы в мире, любви и семейном покое...
Только сердце его быть таким не могло!

Мирный город страдал от набегов бандитов,
По ночам он тревожными сводками жил...
Без сомнений военную форму на китель
Милицейский герой наш сменить поспешил.

Всю войну он командовал взводом разведки,
А с Победой – сыщиком опытным стал.
Полон сил, молодой, со смекалкой редкой,
Коломейцев бесстрашно опять «воевал»...

И десятки бандитов не ушли от возмездья.
Май победный уже девять раз отзвучал!
Но в ту летнюю ночь под июньским созвездьем –
«В город банда вошла!» – словно выстрел, сигнал.

Наспех, в белой рубашке, на звук перестрелки
Смело выбежал в ночь он к ребятам своим...
Завязался тот бой, оцетинились «волки».
«Их не взять!» Враг останется неуязвим.

Резко в тень Коломейцев по банде стреляет,
Вызывает огонь, как в бою, на себя...
Банду взяли!.. Ручейком его кровь вытекает,
А он... хвалит за службу отважных ребят.

Он вернулся с войны настоящим героем!
«За Отвагу» он пять орденов получил!
В тридцать лет... погибает от пули изгоев.
Ради счастья всех нас воевал он и жил!

Город вновь ликовал долгожданной Победой!
На Заречных давно не цвела так сирень...
Запах яблонь, черёмух притуплял войны беды.
Коломейцева имя живёт по сей день!

Носит улица имя героя! Почётно
Молодые сотрудники клятву дают!
Честно службу несут для людей дни и ночи...
О них пишут стихи, в праздник песни поют!

Героев бывших не бывает!

Берегите мир

Проснусь я снова рано на рассвете,
Умоюсь свежей утренней росой.
Лучи рождённого зарёю света
Благословляют весь наш мир земной!

Чтоб никогда планета больше наша
Не знала страхов, ужасов войны!
Но становилась год от года краше,
Границы б стали все упразднены!

О президенты, короли, султаны!
Храните мир! Земля – наш общий дом!
Пусть братство нашей главной целью станет!
Долой конфликты и войны разгром!

Не забывайте заповедей Божьих!
В ответе вы за всех людей.
«Любовь, и Жизнь, и Мир – всего дороже!» –
Так говорил мудрец в кругу детей...

Вдова

Любовь её похитила война...
Война – проклятая разлука!
Осталась навсегда совсем одна,
Детей не родила, нет внуков.

Женой не стала и не дождалась
Любимого домой с Победой...
Бедою похоронка ворвалась,
Накрыла счастье чёрным пледом.

Любви своей и памяти верна,
К Могиле Неизвестного Солдата
У стен Московского Кремля она
Цветы положит... Виновато

Прошепчет, что могилу не нашла,
Прощения попросит тихо,
Что без него так долго прожила
Одна старухою безликой...

Наступит время – не придёт она...
Знать, в жизни встретятся небесной –
Солдат-юнец и старая вдова...
А были женихом с невестой!

Планета наша – колыбель Любви!
Так чьи ж мозги рожают войны?
Нет Счастья, нет и Жизни на крови...
Той Памяти Солдата у стены
ПРОШУ ВАС, БУДЕМ МЫ ДОСТОЙНЫ!

Мой Кузбасс

Кузнецкий край! Таёжные просторы,
Берёзовые рощицы, поля...
Равнины, реки, кряжистые горы –
Родная с детства, отчая земля!

Кузбасс! Горячим пульсом в ритме бьётся,
На карте формой сердца обрамлён!
В России кузницей стальной зовётся
И угольным бассейном всех времён.

Но главное богатство – наши люди,
Надёжные мои сибиряки!
Трудом своим Россию славить будем,
А коль придётся – грудью защитим!

Красота России

Распустили косы белые берёзы,
Заигрался ветер в гибких их ветвях,
Отгорело лето, отшумели грозы –
Заблудилась осень где-то в камышах...

Загрустило небо журавлиным клином,
Утонули в речке тихой облака,
Серебрится ива рваной паутиной –
Золотая осень... робкая пока.

Осмелеет позже: ветрами задует,
Закружит листвою, лес весь обнажив,
Понагонит тучи, солнышко закроет,
Задожит надолго, – станет свет не мил...

Обесцветит краски радостного лета,
Потемнеет речка от седых дождей,
Припорошит снегом – зимняя примета...
Завершит круг жизни до весенних дней.

Белоснежный саван на себя примерит,
В покрывале зимнем «навсегда» уйдёт,
За собой прикроет осторожно двери...
Мудрость – «Всё проходит!..
Новое придёт!»

Вновь развесят серьги майские берёзы,
Соловьи вернуться в зелень их ветвей...
Васильковым летом бисер сыплют грозы!
Красота России! Родины моей!

Наследство

Любовь к земле, к её лесным просторам,
К бескрайним хлебным золотым полям,
К лугам ромашковым с цветным узором,
К закатам неба в сполохах огня...
Она живёт во мне корнями с детства –
С тех пор, когда отец растил хлеба...
Любовь к земле оставил он в наследство,
Любовь к России – это как судьба!

Зимняя радуга

В Сибири долгая зима,
И сани к ней готовят летом...
Медведи в спячке. Тишина
Окутана морозным светом.
Кругом безмолвье и покой...
Под тёплым одеялом снежным
Седые кедр. Под луной –
Сугробов океан безбрежный.
Сиянье севера порой
Протянет струны нежным цветом,
Зальёт всё радугой-дугой
На все четыре края света!
От этой дивной красоты
В душе вдруг лето станет ближе.
Здесь, далеко от суеты,
Белее снег и звёзды ниже...
Весна... спешит издалека
Навстречу зимнему экстриму.
И пусть нет признаков пока –
Придёт! Идёт она незримо!
Под купол неба над тайгой
Глаза и руки поднимаю...
Ты лучший в мире, край родной,
Кузнецкий край – земля родная!

Мне поют родники

Живу в краю поющих родников...
Люблю в тиши я слушать их журчанье –
Поёт вода... хрустальная... без слов...
Божественно, воистину, звучанье!

Ловлю в ладони капельку воды,
Она сверкает радугой Вселенной –
Тепло земли и холодный блеск звезды
Хранит в себе она одновременно!

Вода живая в наших родниках!
В них Дух Сибири и очарованье...
Я так хочу всё выразить в стихах,
Когда под снегом слышу их дыханье!

Зинаида Естифеева

Мой отец

Давно закончилась Великая Отечественная война, но ещё живы воспоминания людей, переживших страшные испытания. Нет ни единой семьи, где она не оставила бы след в судьбах людей. Не обошла война стороной и нашу семью.

24 мая 1945 года в далёком немецком городе Ярмен погиб мой отец, он навсегда остался 28-летним молодым человеком. Об отце знаю ничтожно мало – по собранным крупицам сведений о нём. Возникло острое желание написать о коротком жизненном пути моего родного человека.

Рогожкин Фёдор Никандрович родился 18 марта 1917 года. В детстве мальчуган выделялся любознательностью, хорошо учился, успевал заниматься спортом, посещал художественную студию, где проявил себя талантливым художником и работал там до призыва в армию. Мои родители познакомились в 18-летнем возрасте, это была первая любовь, которую они пронесли через жизненные испытания.

В двадцать лет они поженились, и отец привёл молодую жену в свою многочисленную семью. В 1937 году папу призвали на

службу в армию, где он проявил себя честным, находчивым рядовым и постепенно дорос до сержантских нашивок. В 1938 году пришло радостное сообщение: родился сынок Володя! Всё семейство дружно помогало маме ухаживать за малышом. После окончания службы в 1940 году он спешит к жене, сынишке, мечтает вернуться к творчеству. Но через несколько месяцев пришла повестка из военкомата – явиться в город Владивосток на курсы усовершенствования командного состава. В мире было тревожно – гитлеровские войска стремительно оккупировали европейские страны.

Поздней осенью 1941 года после окончания учёбы весь курс отправляется на фронт, скорый поезд проходит через всю страну с остановками в крупных городах для принятия призывников. Получив телеграмму, беременная мама спешит в город Абакан. На вокзале, переполненном толпами провожающих, у неё неожиданно начинаются роды, через несколько часов на свет появляется здоровая девочка. Вечером по радио было сообщение о прибытии поезда. Через несколько минут произошла долгожданная встреча: изумлённый отец берёт на руки новорождённую... В душе у них всё смешалось: радость рождения малютки, горечь расставания и неизвестное будущее.

На фронте, куда прибывает отец, его назначают командиром 60-й роты 20-го гвардейского полка стрелковой дивизии. Он воевал на Калининском фронте, с жестокими боями освобождал Белоруссию, Украину. Домой летели треугольные письма, одно из них, полуистлевшее, я держу в руках, с трепетом читаю. Оно полно глубоких чувств, ласковых слов: «Только бы вернуться живым и невредимым, мечтаю о мирной жизни с детьми, я рад, что они стали большими! Маруся, буду благодарить тебя за все твои испытания!»

В 1943 году на руках у мамы угасает навсегда первенец – пятилетний Володя. В семье осталась двухлетняя дочь Фаечка. Дивизия в сражениях продвигалась вперёд, освобождая города, сёла. Однажды рота была окружена фашистами, люди долго

Отец Зинаиды Естифеевой
Фёдор Рогожкин. Владивосток, 1940 г.

прорывались, оставляя на поле боя погибших. От роты осталось несколько десятков солдат. Отец был тяжело ранен, но однополчане на руках вынесли своего командира из окружения. Он долго лечился в госпитале, а затем был отправлен в родной сибирский город долечиваться. Встречая папу на вокзале, мама увидела перед собой седого усталого человека в военной форме. Рассказывая о погибших товарищах, отец горько плакал, долго не мог успокоиться. Через несколько месяцев, поздней осенью 1944 года, семья провожала его в Германию. Мама больше его не видела. Никогда.

Отец встретил День Победы в немецком городе. Домой летели письма, полные планов скорейшего возвращения домой, родители мечтали о совместной жизни с сыном – опорой на старости лет. Похоронка всё жестоко перечеркнула. Все мечты и надежды. Через месяц, 29 июня 1945 года, родилась я. Отец мечтал о сыне, но появилась на свет девочка. Незнакомые люди, узнав печальную историю, приходили с цветами и поздравлениями в роддом к маме. Немногочисленные вещи, оставленные папой, часто напоминают мне о нём: большая картина написана яркими масляными красками, она всегда висела в доме на видном месте, вызывая восхищение, припод-

нятое настроение. С волнением открываю альбом с пожелтевшими фотографиями, где отец – 16-летний подросток, стройный юноша, с друзьями, на фоне недописанных картин; красивый мужчина в военной форме; яркий совместный портрет родителей в 1944 году; почерневший от времени паспорт, выданный в 1941 году, с красивой подписью папы; полуистлевшее письмо с далёкого фронта. Без душевного волнения невозможно их разглядывать, представляя их далёкую прошлую жизнь.

В этом 2020 году будем отмечать 75-летие Великой Победы. Я с гордостью понесу портрет отца в «Бессмертном полку». Он бесстрашно сражался с врагами, защищая свою Родину, наше спокойное будущее. Моя семья, дети, внуки хранят светлую память о дедушке – Воине-Победителе! Вечная ему память и слава!

Наталья Гордок

Откуда мы родом?

*...Наша биография в истории страны,
Как у всех, изломана ужасом войны...*

Мой отец – жертва репрессий. А мы, его старшие дети, – пострадавшие от репрессий. Об этом мы узнали в довольно зрелом возрасте. Перед выходом на пенсию. Нет, мы, конечно же, знали и раньше, что носим неправильно написанную немецкую фамилию. А вот почему нас в детстве обзывали фашистами, немчурой, а маму кумушки деревенские и покрепче припечатывали, нам до поры до времени было невдомёк.

Позднее мы узнали, что отец состоял на учёте в особых органах как немец-переселенец до 1956 года, а потом ещё двадцать пять лет ему надо было молчать об этом: подписку давал. Мы подросли, выучились, выбрали серьёзные профессии, а он всё молчал, боялся навредить нам своим прошлым...

А прошлое его было исковеркано войной! Накануне войны, в десять лет, он ли-

шился матери. Наша бабушка Оля умерла от тяжёлой болезни. На руках у деда Саши осталось трое мальчишек-подростков: Александр, Аркадий и Яков. Семья по тем временам была на виду в селе, дед руководил отделением колхоза, бабушка была культурно-просветительским работником в сельском клубе. Беда не сломила семью. Сломала налетевшая война...

Семьи запорожских немцев перед фашистской оккупацией вывезли за Урал. Наши доехали до Сибири. Деда забрали в трудовую, пацанов – в детский дом. Старший до Сибири не добрался. Шестнадцатилетний паренёк устраивал свою жизнь сам.

Малые тоже недолго были на попечении государства. Голодно было тогда и в детских домах. Они сбежали из детдома и пошли по деревням разыскивать своих родных и односельчан. Так и кормились – где кто что подаст. Не отказывались ни от какой работы, лишь бы накормили...

Сейчас отцу идёт девяностый год. Несмотря на производственную травму, всю жизнь он был крепким, сильным мужчиной – шахтёром с сорокалетним стажем. И только последние годы здоровье стало подводить. На днях пришлось вызывать (и не первый раз) скорую, а потом и участкового врача. Она выписала шесть дорогих препаратов, порекомендовала приобрести аппарат для астматиков при нашем-то силикозе лёгких. А когда наш *grossvater*, кряхтя, встал с кресла, чтобы достать свою красную книжицу «Жертвы репрессий», врач нас убила своим вопросом: «А почему вы не уехали в Германию? Там сейчас хорошо все живут».

Вот я и хочу написать, почему же мы всё ещё живём в России, а не на исторической родине. Казалось бы, отец, лишённый детства, переживший все упреки и унижения, голод, сиротство, попрошайничество, учёт и за врагов ответ, действительно одним из первых мог бы оказаться в германском раю...

А он жил и живёт по мудрости народной: где родился, там и пригодился. И не держит обиды на судьбу-злодейку. Трудности и лишения закалили его, а доброта и сердечность сибиряков помогли выжить и вы-

стоять в жестокой борьбе за жизнь. Он рано познал цену жизни и её законы, по которым учил жить и нас. В его памяти хранятся до сих пор самые тяжёлые её эпизоды, и, вспоминая, он уже не удерживает слёзы, но это не слёзы покорности судьбе. Это слёзы гордости за себя, выстоявшего и победившего!

Мой отец гордится, что жил и работал, как и все его земляки, заброшенные на просторы Сибири, на благо России.

Зачем же ему было уезжать в неизвестность?

*Откуда мы родом? И где наши корни?
Спрошу мимоходом: мы предков достойны?*

Из цикла

«Память сильнее времени»

Память поколений

Свободный микрофон звенит стихами,
И в очереди авторов не счесть!
Как хочется всё выразить словами –
Свои стихотворения прочесть!

Они из сердца просятся молитвой
И льются из души в победный май.
В них горечь за упавших в давних битвах,
Наказы – эстафету принимай!

Пусть память не померкнет! Не забудут
Наследники героев грозных битв!
Я верю в это, глядя, как повсюду,
В колонах память волнами кипит!

10 мая 2019 г.

Помним и чтим

Помним и чтим мы героев Победы –
Жизнь отстояли в жестокой войне,
Путь перекрыли пожарам и бедам,
Мирное небо вернули стране!

Вам посвящаем стихи свои, песни,
Славим ваш Подвиг десятками лет!
В мире не знаем страны расчудесней,
Подвига Вашего доблестней нет!

Марьям Аверина Энгельс

Когда открыто сердце

Когда-то длинный бетонный забор отделял нашу тихую улицу от пустыря. И жила в этом заборе дыра. Была она невидимой. Точнее, дыру в заборе могли видеть все, кто пожелает, но только никто не замечал её светлых серых глаз и счастливой улыбки, милых ямочек на щеках и смешной кудрявой чёлки на голове.

Характер у этой дыры был очень доброжелательный. Десятки людей с разных домов пролазили через неё на пустырь, ведущий к главной улице города. И каждого из них она обнимала от всей своей дырочьей души и желала счастливого пути. Многих заборная дыра знала в лицо и радовалась каждой встрече с ними, но и к новеньким она всегда приглядывалась с огромным интересом. Любознательная была очень!

К примеру, идёт, торопится какой-нибудь серьёзный дядечка и на часы свои всё поглядывает. А дыра кричит ему:

– Идите ко мне, пожалуйста! Я вам существенно сокращу путь. В два счёта окажетесь на своей работе!

И серьёзный дядечка, посмотрев сначала по сторонам, возьмёт да и аккуратно пролезет через неё и поспешит себе дальше по пустырю. А дыра ему вслед:

– Счастливого вам дня, хороший человек!

А сама такая довольная, сидит в заборе и улыбается широко.

Или как-то раз шли вдоль забора трое незнакомых мальчишек. И куртки у них были как огоньки у светофора. Красная! Жёлтая! Зелёная! Такие яркие, что дыре захотелось их потрогать! Да так захотелось, что она всем своим телом-облачком затрепыхала от такого желания. Ну а дальше – понятное дело! Мальчишки всё поняли, подошли к ней и давай по очереди перелезть на другую сторону. А та и рада! Курточки разноцветные трогает, принохивается!

– Ах! Как же хорошо пахнут!

Или, к примеру, собаки. Удивительные существа! Встают спозаранку в любое время года – и давай выгуливать своих сонных хозяев. Бегут впереди них и оглядываются назад. Проснулся ли до конца дорогой человек? Радует ли его прогулка? Гавкают приветливо, хвостиками машут. Мол, день-то какой хороший ожидается! Просыпайся скорее! Заботливые! И потом все к ней бегут, к дырке, бегут и хозяев за собой тащат. Перепрыгивают через неё собаки, а дыра быстренько так обнимет их за шеи – тёплые да лохматые – и отпускает скорей. Понимает, что те торопятся. Погулять надо успеть. Носятся собаки туда-сюда по пустырю, то палку своему человеку принесут какую, то пустую пластиковую бутылку. Это чтобы не скучал любимый хозяин.

Что и говорить, жизнь у заборной дыры была интересная! Любила она наблюдать за миром. Мир любила! Встречать рассвет. Желать каждое утро спокойного сна фонарному столбу, который работал только по ночам. Любовалась густыми туманами на рассвете, представляя там маленького

ёжика и большую белую лошадь. Спросите, откуда узнала про них?

Шла однажды мимо молодая мама, везла дочку в коляске. И встретила свою подружку аккурат возле самой дыры. А чтобы дочурка дала спокойно поговорить, включила ей на своём телефоне мультфильм. Вот так и узнала дыра про ёжика, белую лошадь и медвежонка.

Да она вообще много чего знала...

Однажды осенью забор убрали. Весь день шумел экскаватор с гидромолотом, затем разломанные плиты вывезли на машинах. А дыра осталась. Растерявшись, она долго висела в воздухе. Потом охнула и взлетела. И небо с облаками оказалось совсем близко. И выяснилось, что быть частью всего мира – это так волнительно! И можно всё! Летать над деревьями в парке и прыгать по их разноцветным макушкам. Кружиться в танце с падающими листья-

ми. Сидеть рядом с голубями на крыше. А самое важное – можно было обнимать тысячи людей из разных городов и разных миров, которые проходили сквозь дыру, не замечая её удивительных светло-серых глаз и счастливой улыбки. Ведь обнимать каждого от всей дырочьей души – это такая нежность!

– Разрешите вас обнять! Вы невероятны!

Если однажды вам повезёт и вы увидите перед собой удивительные светло-серые глаза и чудесную улыбку, милые ямочки на щеках и трогательную кудрявую чёлку, знайте – это она! И, пожалуйста, не забудьте передать ей от меня привет.

Страницы автора

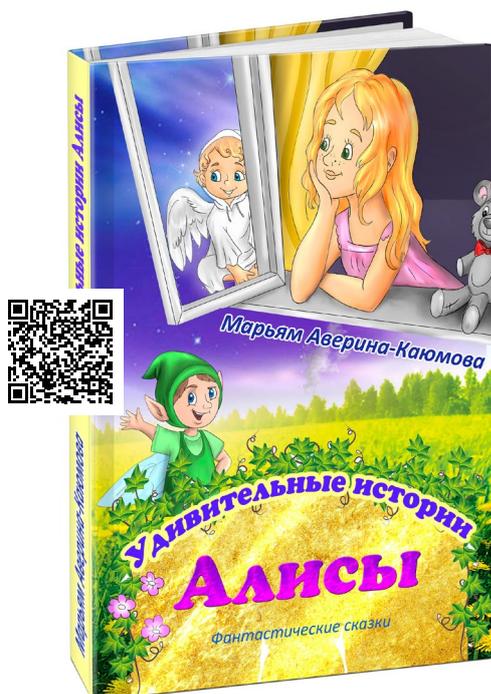
knigi-market.ru/brand/Аверина+Марьям

vk.com/id235427160

Рекомендуем книгу автора

Удивительные приключения Алисы

Фантастические сказки

Хочешь волшебства? Тогда устраивайся поудобнее и приготовься слушать о приключениях девочки по имени Алиса. Однажды к ней в окошко космическим ветром занесло семечко счастья. Осталось лишь посадить его... А в другой раз тёмной-тёмной ночью ей удалось взлететь в небеса и попасть туда, где обитают Хранители Седьмого Земного параллельного мира. Кстати, в этом удивительном местечке можно хорошо повеселиться и найти себе друга. А ещё она нарисовала эльфа, который стал настоящим. Что же будет дальше? В общем, с этой девочкой скучать не придётся. Чудеса происходят вокруг неё так же часто, как идёт дождь. И тогда мир превращается в нечто удивительное и прекрасное. Тебе точно понравится увидеть его глазами Алисы!

Москва

О зонтах

Мы шагаем под зонтами
И не ведаем о том,
Что и Дождь идёт над нами
Точно так же,
Под зонтом.

В жаркий день
И в день прохладный,
На прогулку выходя,
Дождь берёт с собой
Громадный
Зонт
От звёздного
Дождя.

Я шар воздушный!

Я шар воздушный: телом прочен,
Душа прозрачна и легка,
Но держит крепко, между прочим,
Меня за хвост твоя рука...

А высь так манит синевую –
Я к ней макушкой устремлён!
Но ты, зачем ты так со мною?!
Ты, чьим я духом вдохновлён!

Позволь умчаться за мечтою,
Отдай верёвочку судьбе!
Не мелочись – гроши я стою,
Хоть сто таких купи себе!

Меня держать ты не обязан...
А может, дело не в цене,
И, как верёвочкой, привязан
Ты сам
своей мечтой
ко мне?!

Нет, не расстаться нам с мечтою –
Воздушной, лёгкой на подъём!
Но ей непросто быть ручной...
Держись за хвост –
летим вдвоём!

Вода просыпалась

Вода просыпалась
по капле, по капле...
И звякали капли:
– Приснилось, не так ли?
Как будто мы зябли? Мы зябли? Навряд ли!..

Вода просыпалась
по капле, по капле...

Как сон белоснежный
о ветреных танцах,
В которых неспешно
и плавно кружатся
Холодные звёзды – родимые звёзды.
Вода забывала –
так просто, так просто! –
О том, что летала. По правде летала,
Вода забывала – пока забывала...
По капле,
по капле,
по капельке талой...

Робкая Весна

Ступает робкими шагами
Весна по улице моей.
В капельной дробе,
Птичьем гаме
Как будто
Неуютно ей.
То боязливо встрепенётся
И снег просыплет невзначай,
То ахнет так, что прыснет Солнце:
– Девчушка, не озорничай!..
А та смутится и зардеет,
И заслезятся ручейки...
Но вдруг собою овладеет,
Всем страхам детским вопреки.
И вскинет русую головку –
Доверясь лишь себе одной,
Пойдёт уверенно и ловко
По острой кромке ледяной...
Оттаяв, небо засинеет,
Из черноты воспрянет цвет...

Нет сердцу робости милее
И смелости желанней нет!..

Лариса Назарова

**Одинцово,
Московская обл.**

Календарь

В одной семье был календарь. Настенный. Маме на работе подарили. Три месяца сразу видно – прошедший, настоящий и следующий. И квадратик ещё на нём передвижной такой, красненький.

Вот случилась однажды в этой семье ссора: мальчик повздорил со своим папой. Бывает такое. Из-за какой-то ерунды. А дело на новогодних праздниках было, точнее, на каникулах после Нового года. Папа в запале и говорит сыну:

– Сейчас передвину квадратик на одиннадцатое – и в школу поедешь!

Ну, как это с папами, точнее со всеми родителями, бывает, погрозил да и забыл. А сын запомнил. Интересным ему это показалось. Он ночью дождался, пока все заснут, и передвинул квадратик. Да в темноте не рассмотрел – не на одиннадцатое, а сразу на двенадцатое попал.

Утром папе телефонный звонок. А папа крепко спит. Мама трубку взяла. Начальник. Папе нагоняй за вчерашнюю неявку на работу, выговор и за сегодняшнее опозда-

ние штраф. Тогда и мальчику, получается, в школу надо. Мама их наскоро собрала, отправила.

Накануне она была свидетелем ссоры отца с сыном, или сына с отцом – не важно. Мама разговор вспомнила. Точнее, не сам разговор, а отрывок – что папа грозил в календаре квадратик переместить. А куда, зачем – этого она не слушала. Догадалась мама, что сын ночью с календарём экспериментировал. Подошла, смотрит: двенадцатое. «Непорядок, – думает. – Сегодня только шестое. Или пятое. Сколько же этих праздничных выходных! Запутаться можно». Пошла на мобильнике посмотреть – свериться, чтобы квадратик на место вернуть. Видит: свитер папин валяется. Подняла его. А одна ниточка на полу осталась. Наклонилась мама, а под диваном столько пыли! Взяла пылесос. Диван отодвинула – а там письмо от её подруги детства, которое на прошлой неделе пришло да и затерялось. Предпраздничное ещё. Поздравительное. Села мама на пол – читала, вспоминала, мечтала. Потом прочитала в письме что-то про календарь, вспомнила, зачем в комнату пошла. Посмотрела на мобильнике – пятое. И квадратик на место передвинула.

А через полчаса папа с сыном вернулись.

– Ничего не понимаю! – говорит папа. – На работе всё закрыто. Свет в кабинетах погашен. Охранник пробурчал, выходной, мол.

– И я приехал, – сын рассказывает, – калитка на замке. Постоял-постоял, подёргал – точно закрыто, пошёл обратно – на автобус.

– Ой! – сообразила мама, но не стала раскрывать секрета. – Это я виновата, – сказала. – Перепутала всё. Звонок-то телефонный мне приснился. Простите великодушно!

В тот же день мама принятый вызов с папиного телефона удалила и тайком календарь настенный на новый поменяла, от греха подальше. И правильно.

Марина Нежина

Благовещенск

Ценный урок

Слышу: «мяу!» раздаётся.
Значит, котик мой в беде:
То на шкаф он заберётся,
То мяучит о еде.

С появлением котёнка
Я служу, как в МЧС.
Я отважная девчонка,
Отыщу, куда б ни влез!

А ещё на мне хозяйство:
Миски котика, лоток...
Мне теперь не до лентяйства,
Ценный вынесла урок.

За питомца быть в ответе
Ох непросто как, друзья!
Если зверь не в Интернете,
Удалить его нельзя.

Для животных крайне важно,
Чтоб внимание, уют...
И они вам непременно
Верность, ласку отдадут.

Страница автора
vk.com/m.nezhina

Мурка детку уложила

Мурка деточку качала,
Нежно песенку мурчала:
– Мур-мур-мяу, засыпай,
Глазки, крошка, закрывай.

Котик сладенько зевал,
Маме сонно подпевал:
– Мяу-мяу, мур-мур-мур...
Незаметно так заснул.

Мурка детку уложила,
Одеялком хвост прикрыла.
– Спи, усатый мой сынок,
Отдохну и я чуток.

Мяу-сон

Спит наше чудо усатое.
Очень, наверно, устал.
Счастье моё полосатое –
Бегал, игрался, кусал.

Нитки запутал вязальные,
С тапкой боролся в углу.
Мама ворчит: «Наказание!»
Я – без него не могу.

Что ему снится? Неведомо...
Мир для кота невелик.
Сон сторожу его преданно:
Спи, дорогой баловник!

Книжные бестселлеры

Владимир Толубев

СКАЗЫ Матушки Оки

12+ www.knigi-market.ru

Союз писателей
Издательство

Нина Романова

из серии «Повести в белых халатах»

www.knigi-market.ru

16+

ГЛАВНЫЙ ВРАЧ

Союз писателей
Издательство

МАРИНА СЛИВКО

Нереальность

18+ www.knigi-market.ru

Союз писателей
Издательство

Фантастика, фэнтези
и просто нереальные рассказы

12+

МАРИНА ЖУЖКОВА

Где спрятана УДАЧА

12+

По программе «Новые имена современной литературы»

Союз писателей
Издательство

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 350 руб. / страница прозы; 550 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске – 10 страниц. Возможна публикация крупных произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. – 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ – по графику на сайте journalsp.ru.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

Полный почтовый адрес:

Номер телефона:

Кол-во экземпляров журнала:

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужное):

На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги
(Яндекс.Касса) / Почтовый перевод

Ваш координатор:

Подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

Наши услуги

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Издательский грант «Новые имена»:

- Издание прозы в серии «Бестселлер»;
- Продвижение изданной книги.

Кроме того:

- сезонные и индивидуальные скидки;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться – присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

На полках наших магазинов
«Планета книги» и «#Книга»
более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
journalsp.ru

Для писем и предложений
sp@izdat-kniga.ru

Страницы в социальных сетях
vk.com/journal_sp
facebook.com/journalsp

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
soyuz-pisatelei.ru